

Б. С. Ляпустин

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ФАМИЛИИ В ДРЕВНЕМ РИМЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ



МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ

Б. С. Ляпустин

**ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ФАМИЛИИ
В ДРЕВНЕМ РИМЕ
В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ**

Монография

МОСКВА 2014

ББК 63.3(0)32-2
Л97

Рецензенты:
проф. Кудрявцев О.Ф., д.и.н. Сморчков А.М.

Ляпустин, Б.С.
Л97 Хозяйственная жизнь фамилии в древнем Риме в эпоху поздней республики: монография / Борис Ляпустин. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. — 218 с.

ISBN 978-5-98079-975-5

В монографии на основе привлечения широкого круга письменных, эпиграфических и археологических источников рассматривается хозяйственная жизнь и структура фамилии, основной социально-экономической ячейки древнеримского общества. Исторический путь фамилии прослеживается с III в. до н.э. до эпохи гибели республики в конце I в. до н.э. Ее эволюция тесно увязывается с процессами, протекавшими в римской гражданской общине, и изменениями в политической системе древнего Рима. Показана динамика развития, расцвета и кризиса фамилии сенатско-всаднической и муниципальной знати в сфере хозяйственной деятельности. Автор обоснованно приходит к выводу, что расцвет римской гражданской общины связан с расцветом фамилии римской знати, кризис экономических аспектов жизни фамилии оказал непосредственное влияние на кризис гражданской общины и падение республики в Риме.

ББК 63.3(0)32-2

ISBN 978-5-98079-975-5

© Ляпустин Б.С, 2014
© Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД России, 2014

*Памяти моих учителей
Василия Ивановича Кузищина и
Елены Михайловны Штаерман
посвящаю*

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.

§1.	Проблема источниковой базы	7
§2.	Проблемы современной историографии экономики древнего Рима: поиски и решения	12
§3.	Новые подходы к изучению древнеримской экономики	29
ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ДРЕВНЕРИМСКОЙ ФАМИЛИИ В II–II ВВ. ДО Н.Э.		
§1.	Становление древнеримской фамилии как хозяйственно- го организма	38
§2.	Сущность фамилии в древнем Риме	45
§3.	Фамилия и крестьянское хозяйство	57
§4.	Familia, familia urbana, familia rustica в контексте эконо- мики в эпоху Поздней республики	72
§5.	Экономические воззрения и хозяйственная деятельность Катона Старшего	76
§6.	Место пригородного поместья в хозяйстве фамилии по трактату Катона	87

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ФАМИЛИИ В ПОСЛЕДНИЙ ВЕК РЕСПУБЛИКИ

§1.	Новые аспекты хозяйственной жизни фамилии в I в. до н.э. по трактату Варрона «Сельское хозяйство»	104
§2.	Magister pecoris и новые черты хозяйственной жизни фамилии	114
§3.	Новое в жизни пригородного поместья во времена Вар- рона	127
§4.	Возникновение ремесленного производства в структуре фамилии и особенности его функционирования	141
§5.	Ремесло в сельских владениях фамилии	152

§6.	Заморские провинции и фамилия: место <i>magister navis</i> в структуре римской фамилии.	166
§7.	Новое в хозяйственной практике Цицерона	180
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	191
	Библиография	202
	Список сокращений	218

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Проблема источниковой базы

Монография посвящена исследованию хозяйственной жизни фамилии в сложный и противоречивый период развития древнеримского общества эпохи Поздней республики. Тема представляет значительный интерес, так как главным объектом предстает фамилия – основная социально-экономическая ячейка древнеримского общества, а ее глава, *pater familias*, как полноправный гражданин был главной фигурой в политической жизни Рима. Это сразу же упирается в главную особенность экономической жизни античного Рима. Она заключается в том, что можно лишь с большой долей условности отделить экономическую сторону жизни от социальной, политической или моральной, находившихся в тесной взаимозависимости друг от друга¹. А между политическими и экономическими целями, которые преследовал домовладыка в своей деятельности, провести четкую границу весьма затруднительно². Поэтому при рассмотрении данной темы неизбежно придется затрагивать не только экономические, но также социальные, политические и даже духовные сферы жизни древнеримского общества. Все это вызывает определенные трудности, для успешного преодоления которых необходимо решить ряд вопросов.

Прежде всего, это касается источниковой базы. При рассмотрении данной темы (впрочем, как и любой другой в антиковедении) перед историком вне зависимости от сферы его узкопрофессиональных интересов на первое место выходит проблема неполноты, а порой и скудности информации по интересующей проблеме. Ограниченность находящихся в распоряжении историка источников по античному обществу – это непреодолимое и постоянно сопровождающее ученого условие его исследовательской деятельности по проблемам древнего Рима.

Не является исключением и хозяйственная деятельность в рамках фамилии. Возможности современного исследователя получить исчерпывающий ответ на поставленные вопросы не могут быть реализованы как в силу субъективных (методов и методик исследования), так и объективных (прежде всего источниковой базы исследо-

¹ Кузищин, Штаерман 1989, 41–45.

² Штаерман 1987, 40–41.

вания) факторов. Прежде всего, скудностью источниковой базы и продиктована структура монографического исследования.

В античной литературе за исключением немногих текстов, которые продолжают порождать дискуссии у современных ученых, весьма мало свидетельств, которые могут дать значительные выводы об экономической жизни в античной Италии. К тому же сами сферы экономики в источниках распределены весьма неравномерно. Если по сельскохозяйственному производству римскими агрономами были созданы емкие и компактные источники, позволяющие проникнуть в различные аспекты функционирования сельскохозяйственных организмов, то ремесленное производство освещено значительно скромнее. Частично это объясняется привилегированным положением земледелия в самом древнеримском обществе, где обладание гражданским статусом было напрямую связано с земельной собственностью. Кроме того, объективно в античной экономике, как и в других докапиталистических обществах, существовало абсолютное преобладание аграрного сектора над другими сферами хозяйственной деятельности, что ясно осознавали представители древнеримского общества. Это напрямую отразилось в создании в период расцвета античного Рима обширного набора письменных видов источников, позволяющих довольно основательно исследовать аграрные отношения.

Ремесло же к числу почтенных занятий не относилось, и оно, пребывая в тени других видов хозяйственной деятельности, оставило современным исследователям весьма немногочисленные и однобокие свидетельства своего существования. Среди наших источников по торгово-ремесленной деятельности нет ни одного подобного тем, которые освещают сельское хозяйство. Скудность, а порой и ненадежность источников по проблемам ремесленного производства неизбежно сказывается на полноте и всесторонности освещения проблемы. Однако при тщательном отборе различного типа источников и комплексном их использовании мы можем получить достаточно материала для полноценного исследования.

В настоящей работе анализ античного ремесленного производства и движения товаров в основном базируется на археологическом и эпиграфическом материале, с привлечением отрывков из письменных источников, а также изобразительного материала. Материал первостепенной важности дают эпиграфические и археологические источники. Ценность надписей (прежде всего граффити и дипинти) в том, что они являются как бы сколом с повседневной, в том числе и

хозяйственной жизни античных жителей. Они воссоздают реальную обстановку того времени, отражают мысли и мотивацию поведения авторов этих письменных свидетельств и дают огромные возможности для воссоздания реалий древности, но при условии, если удастся точно определить условия, при которых они были созданы. Однако установить насколько типично или случайно то, что запечатлено в надписях, порой весьма трудно, ведь данные эпиграфики неполны и фрагментарны.

Археологический материал, пожалуй, самый многочисленный по нашей теме. Открытые поместья, мастерские, лавки и целые города дают необозримый материал. Однако недостаток его в том, что порой археологические останки каждый исследователь может интерпретировать, исходя из своей субъективной позиции, и выстраивать весьма произвольные гипотетические конструкции. Этот недостаток может быть преодолен, если только он дополняется еще и иной конкретной информацией. Но даже комплексное использование всех видов источников не может решить всех проблем, и многие аспекты темы все равно не могут быть освещены в полном объеме. Многочисленные лакуны в наших знаниях о различных аспектах ремесленного, да и сельскохозяйственного производства не позволяют в свою очередь в полном объеме воссоздать законченную модель античной экономики и хозяйственной жизни римской фамилии в том числе.

Проблему неполноты источников антиковеды пытаются компенсировать различными приемами. В сфере изучения древней экономики одни историки пытаются компенсировать недостаток статистических данных методом артефакта, кропотливо собирая самые мельчайшие сведения. Однако скомпилированный источник все равно всегда будет нести искажения привнесенные нашей комилацией. Другие стремятся смоделировать недостающие данные и производственные процессы, привлекая современные политэкономические теории. Однако при этом сразу же встает вопрос, до каких пределов законы политэкономии капиталистического общества носят универсальный характер. И с другой стороны сторонники такого подхода считают, что античный и современный человек были весьма похожи между собой³. Не останавливаясь здесь на этой дискуссии подробно, следует лишь отметить, что мнение К.Поляньи и М.Финли о неправомерности использования современных экономических теорий для

³ Jongman 1989, 20.

воссоздания конкретных реалий античного общества представляется справедливым. Третьи апеллируют к более насыщенному источниками средневековью и раннему Новому времени, проводя аналогии между античной экономикой и более поздними хозяйственными феноменами. Однако хозяйственные структуры последующих обществ, базирующиеся на иных формах собственности и эксплуатации, естественно приобретают только им присущие тенденции и направления развития.

Такие приемы и подходы все же не позволяют получить полное и исчерпывающее представление об экономической деятельности в рамках фамилии ни для представителей элиты, ни других социальных групп древнеримского общества. Данная задача на сегодняшний день из-за состояния источников в полном объеме решена быть не может. Разрозненные сведения литературных источников, археологического материала и эпиграфики позволяют лишь очертить контуры фамильных владений и основные формы их функционирования. Не имея возможности воспроизвести полную повседневную хозяйственную жизнь фамилий даже древнеримской элиты, приходится сосредотачивать внимание на нескольких наиболее освещенных источниками опорных пунктах, вокруг которых можно группировать остальной отрывочный материал, вводя его в контекст исторической эпохи и основных направлений развития древнеримской экономики.

Ключевыми фигурами для эпохи Республики выступают римские агрономы и прежде всего Марк Порций Катон и Варрон, написавшие трактаты по земледелию, в которых раскрываются как характер и формы экономической жизни поместий, так и теоретические рассуждения о господствовавших в их время принципах хозяйственной деятельности знати в древнеримском обществе. Важной фигурой выступает Марк Туллий Цицерон, оставивший бесценное эпистолярное наследие, в котором отражены многие стороны повседневной жизни его фамилии, а также фамилий родственников и друзей. По городской жизни фамилии бесценный материал дают Помпеи, довольно полно исследованные археологами, однако эти свидетельства относятся уже к более поздней эпохе Империи. Обширный материал этих источников, дополненный многочисленными фрагментарными свидетельствами о жизни древнеримской фамилии, и будет положен в основу данного исследования.

Е.М.Штаерман, касаясь проблем, встающих перед исследователем экономики древнего Рима, выделяла три аспекта, главным из ко-

торых была проблема недостатка источниковой базы, а следующие два относились к сфере историографии. Она указала, что недостаток источников может быть частично компенсирован изменением «угла зрения», и историку следует шире использовать косвенные данные за отсутствием прямых⁴. Поэтому для приближения к экономическим реалиям античности необходимо привлекать материал из непроизводственной сферы, в том числе исследовать различного рода статусные и родственные связи, возникавшие внутри древнеримского общества.

Неразрывное слияние экономики со всеми сферами жизни античного Рима накладывало отпечаток на формы и результаты хозяйственной деятельности. Это проявлялось, прежде всего, в том, что ведущую роль в организации производства играла не экономическая целесообразность (как это характерно для современного общества), а система ценностей⁵ и вырастающая на ее основе ментальность, отразившаяся в хозяйственной деятельности и экономическом поведении ее главных фигур: собственников основных производственных ячеек и организаторов трудового процесса.

Сама система ценностей напрямую связана с обществом, структура которого была сложной. Ведущую роль в ней играли фамилии, ордо, принадлежность к гражданскому статусу, связь с семейно-родовыми институтами, включение в межличностные связи через множественные социальные структуры, функционировавшие в античном Риме в самых различных формах. Данные структуры и феномены, порожденные ими, оказывали на характер, формы и результаты производственной деятельности зачастую более существенное воздействие, нежели пути и формы реализации изготовленной продукции. Поэтому ментальности и моральным ценностям древнеримского гражданина, его вертикальным и горизонтальным связям в обществе, накладывавшим отпечаток на формы хозяйственной деятельности, будет уделено в работе необходимое внимание. Соединение комплексного использования дошедших до нас источников с анализом экономического поведения домовладыки через призму социально-психологической мотивации его действий и социальных связей, как нам представляется, поможет оптимально решить проблему лакун в источниковой базе по нашей проблеме.

⁴ Штаерман 1987, 48.

⁵ Jongman 1988, 29.

§ 2. Проблемы современной историографии экономики древнего Рима: поиски и решения.

Для позитивного движения по пути постижения сущности античной экономики помимо преодоления сложности с источниковой базой необходимо решить еще две проблемы, включающие несколько аспектов (как это сформулировала Е.М.Штаерман⁶). Обе проблемы относятся к области историографии и связаны с принципами подхода к анализу и интерпретации источникового материала, а также с методологической основой в исторических исследованиях. И чтобы их подробно рассмотреть, необходимо сначала сделать краткий экскурс в историю исследований античной экономики.

Экономика древнего Рима и хозяйственная жизнь фамилии в частности, хотя и предстает одним из важнейших элементов античного общества, однако активное ее изучение началось сравнительно недавно, чуть более ста лет назад. Экономическая история изначально находилась на периферии внимания крупных школ антиковедения. На это наложили отпечаток еще и исторические проблемы современной Европы, и история самой науки о древности, базировавшейся первоначально на филологии и римском праве⁷. Однако за довольно непродолжительное время экономическая история древнего Рима прошла большой и сложный путь развития, в ходе которого представителями различных школ и течений были созданы многочисленные глубокие исследования, позволившие глубже понять специфику античного общества. Хотя до сих пор различные аспекты этой обширной и сложной темы исследованы крайне неравномерно.

Первоначально отдельные немногочисленные обращения к тем или иным аспектам экономической жизни античного мира не составляли самостоятельного направления в науке о древности. Лишь в конце XIX в. с появлением обобщающих концепций в антиковедении произошел решительный поворот к экономической истории, что привело к возникновению в этой области антиковедения нескольких школ и порой диаметрально различных подходов.

В 1893 г. К. Бюхер, представитель «новой экономической школы политической экономии», применив эволюционное учение, в частности К. Родбертуса, к европейской истории, создал теорию о последовательной смене трех ступеней хозяйства, которое развивалось

⁶ Штаерман 1987, 48.

⁷ Andreau 1997, 172.

от низшего □ домашнего хозяйства (Hauswirtschaft или Oikowirtschaft) через городское (Stadtwirtschaft) к высшей ступени, достигнутой в Европе Нового времени — народному хозяйству (Volkswirtschaft). По его мнению, первая ступень от начала производящего хозяйства до середины средневековья представляла собой натуральное домашнее хозяйство. В обществах этого времени «весь круговорот хозяйства, начиная с производства и кончая потреблением, совершался в замкнутом кругу дома»⁸. Античная экономика, по представлению Бюхера, характеризовалась господством замкнутых, самообеспечивающихся ойкосов, базирующихся на сельскохозяйственном производстве. Ремесленное производство в них не развилось дальше форм домашнего ремесла. Производство на заказ было незначительным и лишь дополняло домашнее производство во избежание простоя и безработицы. Хотя город породил прямой обмен между производящим хозяйством и потребителем, однако дальше зачатков эта форма не развилась. Обмен в античности был представлен в основном в виде дарений и военной добычи⁹.

Теория Бюхера сразу нашла среди антиковедов своих сторонников, поскольку позволила поставить разрозненные исследования в общий контекст исторического развития. Наиболее ярко это видно на примере занимавшегося историей римского землевладения И.М. Гревса, который благодаря этой теории увидел свои исследования в новом свете: «...Когда я прочитал Бюхера... его *ойкосное хозяйство* поразило меня совпадением собственными моими частными выводами. Я тогда пересмотрел весь свой материал и свои выводы и стал „бюхеристом“»¹⁰. Чего бы И.М. Гревс ни касался — крестьянского хозяйства, небольшого имения Горация, деятельности Аттика, огромной латифундии — он везде видел «ойкосное хозяйство», которое, по его мнению, играло главную роль в экономике древнего Рима¹¹. Хотя автор в духе тогдашних представлений называл товарные отношения капиталистическими¹², тем не менее он полагал, что все сельскохозяйственные поместья в античном Риме, развивавшие и ремесленное производство, были автаркичны. А теоретическая третья глава магистерской диссертации стала удачным опытом применения бюхеровской схемы экономического развития человечества к римской ис-

⁸ Бюхер 1923, 9.

⁹ Бюхер 1923, 116□117.

¹⁰ Цит по: История и поэзия... 2006, 336.

¹¹ Гревс 1897; 1899; 1905.

¹² Гревс 1905, 38.

тории «именно с целью открыть особенности, характеризующие ее как звено в великой цепи мирового хозяйственного процесса»¹³.

Бюхер и его сторонники, исходя из эволюционной теории о непрерывном поступательном прогрессивном развитии человечества в истории, всячески подчеркивали и чрезмерно преувеличивали реально присутствующие в экономике древности черты ограниченности и неразвитости товарно-денежных отношений. Однако позитивным у них было внимание к основным производственным организмам в сельском хозяйстве и формам связей внутри них.

Против этой теории резко выступил Эд. Мейер в своих лекциях «Экономическое развитие древнего мира» (1895) и «Рабство в древности» (1898), выделяя у народов Средиземноморья два параллельных периода¹⁴. После первобытной стадии наступает «греческое средневековье»¹⁵. Затем феодальную аристократию свергает буржуазия¹⁶. Рядом с рабами всегда существовала огромная масса свободных ремесленников, торговцев и наемных рабочих. Даже в обширных поместьях Италии и Сицилии рабство никогда не достигало исключительного господства¹⁷. Этот материал подкрепил его представление о циклическом развитии в истории: «эпоха Гомера и параллельные ей эпохи в других государствах соответствует первому периоду христианско-германского мира и, подобно ему, может быть назван средневековым; период же расцвета древнего мира соответствует новому времени, являясь, подобно последнему, во всех отношениях новым периодом»¹⁸.

Последователи Эд. Мейера рассматривали античную экономику эпохи расцвета древнего Рима как сменившую феодализм капиталистическую модель хозяйственной деятельности со всеми ее атрибутами: промышленными предприятиями, работниками подобными современному пролетариату, рыночными связями и т.п. Именно этот подход нашел широкую поддержку в западной историографии и получил развитие в последующих исследованиях.

Одной из ярких фигур среди сторонников данной концепции был Г. Гуммерус, ученика Эд. Мейера. В своем исследовании, используя трактаты Катона, Варрона и Колумеллы, он предпринял де-

¹³ Гревс 1899, 467.

¹⁴ Мейер 2003, 27.

¹⁵ Мейер 2003, 35.

¹⁶ Мейер 2003, 46.

¹⁷ Мейер 2003, 58–61.

¹⁸ Мейер 2003, 117.

тальный анализ сельских вилл среднего размера. Данный тип поместий Гуммерус считал основной производственной ячейкой в римском сельском хозяйстве. Организацию производства и специализацию этих хозяйств автор изображал весьма схожими с капиталистическими фермами. Касаясь ремесленного производства, он отмечал, что среди рабского персонала на виллах уже были квалифицированные ремесленники¹⁹. Их деятельность не только удовлетворяла потребности поместья, но, зачастую, имело выход и на рынок, достигнув наибольшего размаха в первые века Империи.

Яркой фигурой в антиковедении в конце XIX века предстал Макс Вебер. Воспитанный в духе юридической немецкой традиции, в «Римской аграрной истории» (1891)²⁰ он рассматривал развитие экономики как переход от коллективной собственности к частной²¹. Исследуя аграрную историю как историю общества в целом, Вебер применил новый для его времени методологический принцип – устанавливать многообразные взаимосвязи между различными факторами²². И хотя еще при защите диссертации Вебера в 1889 г. великий Моммзен, признавая, что не готов принять совершенно новые идеи, в заключение высказал пожелание именно его видеть своим преемником²³, в науке об античности эти новые подходы своего развития не получили. Сам Вебер ушел в изучение средневековья, а затем в социологию. А антиковедение доросло до его теории лишь после Второй мировой войны²⁴.

С выступлений Бюхера и Мейера начался спор между «примитивистами» и «модернистами» по вопросу о природе античной экономики в сопоставлении с современной. В конечном счете, дискуссия свелась к тому, «где помещать Грецию и Рим в континууме от самодостаточных хозяйств до современных индустриальных государств»²⁵.

¹⁹ Gummerus 1906, 90.

²⁰ См. Вебер 2001а.

²¹ Momigliano 1978, 297.

²² См. Capogrossi Colognesi 1997, 8–9; Гайденко 1990, 6–7.

²³ «Когда я должен буду отправиться в свой последний путь, я никому другому не скажу с такой радостью: „Сын мой, возьми мое копье, которое стало непосильным бременем для моих рук“». Эти слова Моммзена из биографии М. Вебера, написанной его женой Марианной, цит. по: Кофанов 2004, 194. Х. Брунс справедливо уточняет, что Моммзен имел в виду карьеру юриста, а не историка (Bruhns 1998, 20).

²⁴ Momigliano 1978; Bruhns 1998, 10–11.

²⁵ Morris 1999, X.

В первой половине XX в. представления Мейера о капитализме в античности, подкрепленные работами М.И. Ростовцева, стали господствующими. Ростовцев считал возможным говорить о капитализме в древнем мире²⁶ и утверждал, что в эллинистический и раннеримский период (III в. до н.э.—II в. н.э.) экономика отличалась от современной только количественно, но не качественно²⁷. Он заявил о выходе на арену в конце Республики городской буржуазии, деятельность которой вызвала к жизни в Италии в I в.н.э. процесс индустриализации, проявившийся в самых различных аспектах, но рабы оставались стержнем экономики²⁸. Ведущим типом в сельском хозяйстве ему представлялась капиталистическая латифундия, в которой в эпоху Империи широко развилось и ремесленное производство, базировавшееся на поместном сырье²⁹. Социально-экономические аспекты развития древнеримского общества были рассмотрены Ростовцевым с привлечением широкого круга всех типов источников, и прежде всего археологического материала. Автору удалось не только подметить многие своеобразные черты в сфере производства и торговли в древнем Риме, но и поставить проблемы решающей важности, актуальные до сих пор³⁰. Его экономические штудии оказали огромное влияние на антиковедение вплоть до 1950-х годов, возведя историка в ранг классика.

В западном антиковедении середины и второй половины XX века большинство исследований по древнему Риму написано в духе модернизма, где признается относительная близость античной экономики и современной. Однако в них авторы порой значительно отходили от ряда положений М.И.Ростовцева. Большой интерес представляют работы Т.Франка, посвященные экономике древнего Рима³¹. Автор на основе широкого привлечения всех видов источников создал обширные очерки практически по всем отраслям производства. Но в отличие от М.И.Ростовцева он большее внимание уделяет вилле средних размеров, а торгово-ремесленной деятельности в Помпеях был посвящен специальный раздел.

²⁶ Ростовцев 1901.

²⁷ Rostovtzeff 1932, 334, Anm. 1.

²⁸ Rostovtzeff 1929, I. 87.

²⁹ Rostovtzeff 1929, I. 313.

³⁰ Marcone 1994, 22.

³¹ Frank 1927; 1940.

Дж. Д'Армс³² в своем исследовании пытается несколько дистанцироваться от Ростовцева. Однако в римском мире он, как и Ростовцев, выделяет предпринимателей, которые нажили богатства торговлей, и этот класс дельцов, которые не всегда были профессиональными торговцами, пополнял римскую аристократию.

Пожалуй, последней работой, написанной целиком в духе представлений М.И.Ростовцева, было исследование В.О. Меллера, который на основе широкого привлечения археологических источников пытался воссоздать целостную картину функционирования шерстоделательного ремесла в Помпеях³³. Однако археологический материал историк интерпретирует, явно модернизируя античное общество. Помпеи предстают у него крупным промышленным центром с ткацкими фабриками и предпринимателями-капиталистами, в которых он превращает владельцев помпейских фуллоник.

Стремление вписать свои исследования в теорию античного капитализма приводило модернистов к искажению реалий древнеримской экономики. Однако нельзя не отметить и позитивную сторону. Представители этого направления ввели в оборот широкий круг источников и исследовали многообразные формы товарно-денежных отношений в древнем Риме. Но чем шире и углубленней они исследовали высшие формы проявления деловой активности в древности, тем явственней проявлялась ограниченность и уязвимость такого рода построений модели античной экономики.

Слишком прямолинейные сравнения с современностью, грубые натяжки и искажение тех реалий, которые содержались в источниках, вызывали критику как отечественных, так и зарубежных антиковедов и стремление уйти от негативных крайностей. И уже во второй половине прошлого века, как отмечала Е.М. Штаерман, нельзя было говорить о существовании в чистом виде двух противоположных направлений, восходящих к Бюхеру и Мейеру, в оценке римской экономики II в. до н.э. — III в.н.э. («как или чисто натуральной, или полностью товарной, „капиталистической“»)³⁴.

На Западе «антимодернизаторское» направление наиболее полно представлено М. Финли, ставшим в 1970–80-е годы одной из самых влиятельных фигур среди историков, занимавшихся социально-экономическими проблемами. На его взгляды наибольшее влияние

³² D'Arms 1981.

³³ Moeller 1976.

³⁴ Штаерман 1987, 32.

оказал Карл Поланьи, в семинаре которого он участвовал на протяжении пяти лет, а также идеи Макса Вебера. От Поланьи Финли усвоил, что античная экономика имела мало общего с капитализмом, и экономические отношения были погружены в другие отношения, обусловленные политикой и системой ценностей³⁵. Эту отправную позицию он дополнил веберовским представлением о доиндустриальных обществах как об обществах, базирующихся на статусных различиях. Финли, как и Вебер, описывал древнюю историю как историю статусных групп³⁶. Хотя он никогда не пытался напрямую показывать, как применять теорию Вебера к античности, но в духе веберовских представлений углубил анализ социальных категорий в древности и показал, как многообразные институциональные и социальные факторы влияли на экономическую жизнь в античности³⁷, что дало основание автору предисловия к юбилейному изданию «Античной экономики» М. Финли говорить в связи с ним о «неовеберовском возрождении»³⁸.

Впервые «Ancient Economy» Финли увидела свет в 1973 г., и это стало важным событием. В этой книге историк показал принципиальное отличие античной экономики от хозяйственных феноменов последующих эпох, разрушая иллюзии, будто экономику античности можно интерпретировать как капиталистическую. В частности автор отмечает отсутствие в античности единого рынка, наличие неразрывной связи экономики с социальной структурой, что принципиально отличает античное общество от капиталистического³⁹.

В основе его подхода к ремеслу и торговле лежит не просто полемика с идеями М.И. Ростовцева и его последователей. Финли отстаивал неприменимость к античности анализа, основанного на категориях рыночной экономики⁴⁰. Отталкиваясь от положений Вебера о городах производящих и потребляющих, Финли определяет античный город как город-потребитель, но не как идеальный тип, а как конкретно-историческое явление. Отсюда автор делает вывод, что было бы ошибкой считать античную цивилизацию городской.

³⁵ См. Нуреев 2007.

³⁶ Finley 1973, 47–51.

³⁷ Momigliano 1975, 315–316. Как и Поланьи, Финли отстаивал принцип включенности (embeddedness) экономики в социальную жизнь.

³⁸ Morris 1999, XVI.

³⁹ Finley 1973; см. Штаерман 1977, 165–175.

⁴⁰ Finley 1973, 26–27.

Разбирая широкий круг вопросов экономической жизни древнего мира, автор отмечает, что, как правило, торгово-ремесленные центры возникали при наличии водных путей, которые благоприятствовали развитию торговли. Финли отмечает высокий в целом уровень развития ремесленного производства и обмена. Но главное – не то, сколько продают, а кто с кем торгует. Большая часть торговых сделок совершалась без посредников, прямо между производителем и потребителем. Различия между античной экономикой и экономикой капиталистической было качественное, а не количественное. Это наиболее ясно видно в том, что древние не вели статистики и не сообщали численные данные, потому что для них экономической деятельности как отдельной сферы жизни не существовало, она было погружена в политику. А появлению классического полиса со свободным гражданством античный мир обязан рабству⁴¹.

Финли создал свою модель античной экономики. Для него древняя история – это история крестьян. Данное положение весьма точно отражает специфику античного общества, подчеркивая главную функцию античного гражданина как землевладельца. Его модель экономики предстает как сложная, многогранная система неразрывно связанная со статусом гражданина. В ней Финли детально исследовал многие отдельные элементы, но он не касался основного вопроса, разделявшего «примитивистов» и «модернистов»: куда именно следует поместить древнюю Грецию и Рим в контексте развития экономики от простой к сложной.

Оригинальная теория Финли вызвала неоднозначную реакцию в ученом мире. Одни стали его последовательными сторонниками, например В. Йонгман⁴², работу которого Ж. Андро характеризовал как «прекрасный пример того влияния, которое оказывает сейчас на западноевропейскую науку работы М.И. Финли»⁴³. Автор исходит из идей М.Финли, об отсутствии в античности единого рынка и неразрывной связи экономики с социальной структурой, в которой он сосредотачивает внимание на элите. А все заявленные проблемы историк рассматривает на основе одного, но наиболее документированного города – Помпей, пытаясь выявить специфику античной экономики. Автор, тем не менее, из-за наличия обширных лакун в источниковой базе, все же вынужден обращаться к статистике средневекового

⁴¹ Finley 1973, ch. 3.

⁴² Jongman 1988;

⁴³ Андро 1991, 169.

ремесленного производства в городе, что уводит его от античных реалий⁴⁴. В финлианском духе публиковал статьи журнал «Opus».

Другие не приняли модель и выводы Финли⁴⁵. Так, К. Гопкинс и Ж.-Ж. Обер считают возможным применять закономерности и терминологию капиталистической экономики к анализу античного рабовладельческого общества⁴⁶. К тому же общие положения Финли не всегда согласуются с римским материалом. Среди наиболее полемичных оппонентов позиции Финли следует назвать итальянского археолога А. Карандини. Основываясь на результатах раскопок сельских вилл и, в частности, виллы Сеттефинестре, он показал, что археологических источники, в противовес утверждениям Финли, убедительно свидетельствуют о высоком уровне рыночной экономики, широком развитии товарно-денежных отношений и массовой торговле между Италией и провинциями. По его мнению, Финли не учитывает и развитие рабства в эпоху римского господства. А на наличие экономической рациональности в поведении древнеримских ремесленников и торговцев⁴⁷ указывает широкое применение в производстве технических изобретений в древнем Риме, превзойденное в Европе только к XVIII в.⁴⁸.

Также трудно безоговорочно принять его утверждение, что ремесла мало способствовали росту и формированию античных городов. Пример Помей свидетельствует как раз об обратном: торгово-ремесленная деятельность оказывала значительное влияние на формирование облика античного города⁴⁹. Нельзя согласиться и с положением, что отсутствие мануфактур в античном городе объясняется лишь особенностями социальной психологии древних, отсутствием желания обогащать город при помощи мануфактур. Мануфактура возникает не по чьему-либо желанию, а на основе определенного уровня общественного разделения труда. Но как бы ни относиться к взглядам Финли, следует признать, что исследования этого ученого открыли новое направление в исследовании экономической истории, дав возможность историкам с иных позиций рассматривать сущность античного общества.

⁴⁴ см. Ляпустин 1995.

⁴⁵ Анализ различных позиций, с которых критикуют Финли, см. Morris 1999, XXVI–XXX.

⁴⁶ Hopkins 1978; Aubert 1994.

⁴⁷ Carandini 1988, 13–14.

⁴⁸ Green 1986.

⁴⁹ Eschebach 1984, 281–312; Ляпустин 1983, 59–80.

Отечественная наука о древности в XX в., разрабатывая те же актуальные проблемы, нашла свои ответы на главные вопросы, поставленные спором «примитивистов» и «модернистов». С середины 1930-х годов в советском антиковедении, прежде всего в вузовских учебниках, утвердился марксистский подход к истории древнего мира, когда все явления исторической жизни общества рассматривались в рамках формационной системы, элементы которой базировались на способе производства. А само античное общество характеризовалось как рабовладельческое. Но в конкретных исследованиях отдельных ученых это проявилось не сразу и в различной степени.

Важное место в развитии исследований по экономике античного Рима занимают работы М.Е. Сергеенко и, прежде всего, ее переводы агрономических трактатов Катона и Варрона⁵⁰. Глубокое погружение в источник позволили ей в обширных комментариях и публикациях воссоздать картину функционирования поместного хозяйства, дать емкие оценки личностям и трудам ученых земледельцев, сделать ряд важных наблюдений относительно деятельности различных типов вилл, их структуры, организации производства⁵¹. На основе археологического и эпиграфического материала, соединенного с данными письменных источников, исследователь ярко описала повседневную жизнь древнего Рима и Помпей, проживавших там ремесленников и простых людей древней Италии, реконструировала деятельность помпейских вилл⁵². Исследователь подробно разбирает технику и технологию производства, рисует социальный и профессиональный облик ремесленников, их быт и нравы. Правда, автор не делает различия между жизнью огромной столицы и небольшого кампанского городка. Не используя в своих исследованиях категории способа производства, М.Е. Сергеенко мало обращала внимания на то, насколько исторический материал вписывается в марксистскую теорию, уделяя основное внимание источникам.

Важным этапом в изучении древнеримской экономики с марксистских позиций явились работы советских историков 1960–70-х годов. Отечественные антиковеды, критически оценивая как модернизаторский, так и примитивистский подход к экономике в древности, стремились вскрыть своеобразие античного Рима через углубленное изучение особенностей рабства и рабовладельческого способа

⁵⁰ Сергеенко 1950; 1955; 1963.

⁵¹ Сергеенко 1958; 1976.

⁵² Сергеенко 1949; 1964a; 1964 b; 1968.

производства. В обстоятельных исследованиях Е.М. Штаерман показала место и роль рабов, которые в эпоху расцвета римской Республики и в период Ранней империи стали основной рабочей силой в сельском хозяйстве и в ремесле⁵³.

В монографии, специально посвященной проблемам экономического развития древнего Рима, Е.М. Штаерман, подробно рассмотрев типы общин (внегородскую крестьянскую и городскую гражданскую) и соответствующие формы собственности, пришла к выводу, что «отношения собственности и их эволюция, специфичные в римском мире, в основном определяли и специфику его экономики»⁵⁴. Особенности античной формы собственности, по мнению историка, оказали решающее влияние на уникальность тех базисных и надстроечных систем античного мира, которые напрямую или опосредованно были связаны с ней. Автор прямо указывала, что античная форма собственности наряду с рабством, как основной формы эксплуатации, «предопределяла и фамилию в качестве основной производственной и социальной ячейки. Власть и собственность главы фамилии, абсолютные и безусловные относительно рабов, в отношении земельного надела были обусловлены принадлежностью к гражданской общине и выполнением обязанностей гражданина»⁵⁵.

Исследовательница подчеркивала, что в римском обществе основу производства составлял труд рабов, который, по своей сущности, был совместим с более совершенными орудиями производства, но противоречил растущим требованиям, предъявлявшимся к качеству ручного труда, остававшегося основой производства в античности. Касаясь организации античного ремесла, Е.М. Штаерман отмечает, что по форме производства мастерские, в частности черепичные, развивались в мануфактуры, на которых трудились до сотни рабов. Однако в целом господствовало мелкое ремесленное производство, что препятствовало его механизации и тормозило технический прогресс⁵⁶. Экономика была рабовладельческой, подчинялась законам не капиталистического, а простого товарного производства⁵⁷. В древнем Риме капитализм не возник в силу объективных условий: римская

⁵³ Штаерман 1964; Штаерман, Трофимова 1971.

⁵⁴ Штаерман 1978, 99.

⁵⁵ Штаерман 1968, 657.

⁵⁶ Штаерман 1978, 138.

⁵⁷ Штаерман 1978, 119–120.

гражданская община препятствовала созданию необходимого для этого рынка наемных рабочих рук⁵⁸.

Важную роль для представления о сущности античной экономики, исследованной с позиции способа производства, сыграла серия работ о римском сельском хозяйстве В.И. Кузищина, который дал классификацию римских рабовладельческих вилл исходя из степени связи с рынком и пришел к выводу, что наивысшее развитие рабовладельческой экономики связано с широким распространением в античном сельском хозяйстве средних по размерам поместий. В них, как правило, были представлены основные сельскохозяйственные отрасли, а одна или две давали товарную продукцию, поступавшую на рынок. Именно в таких имениях была реализована возможность наиболее рационального и целесообразного применения рабского труда. Там же наибольшей глубины достиг процесс отделения ремесла от земледелия, чем была заложена основа для тесных экономических связей между городом и деревней. Но это отделение не было полным, и даже в самом передовом типе вилл, ориентированных на рынок, сохранялась натуральная основа производства и оставалось место для поместного ремесла, удовлетворявшего часть внутренних потребностей поместья⁵⁹.

Исследование античной экономики с позиции марксистской теории дало возможность рассматривать явления исторической жизни в рамках единой формационной системы, в которой все элементы были взаимосвязаны, а главным из них выступал экономический базис. Советские историки творчески применили разработанную К. Марксом теорию способа производства для исследования форм эксплуатации и форм собственности⁶⁰ в древнем мире, которые оставались вне исследовательского поля зарубежных антиковедов. Они показали, что своеобразие античной экономики заключалось в способе производства, базировавшемся на рабстве, и раскрыли общие принципы функционирования товарного производства в рабовладельческом Риме⁶¹. Место античности во всемирно-историческом процессе определялось изменением и усложнением основных элементов способа производства: формы эксплуатации и формы собственности. В исторической перспективе эксплуатация развивалась от

⁵⁸ Штаерман 1978, 165.

⁵⁹ Кузищин 1973; 1976; 1990, гл. VI-X.

⁶⁰ Штаерман 1973, 3-14.

⁶¹ Кузищин 1990.

внеэкономического принуждения рабов к экономическому принуждению наемных рабочих с эпохи Нового времени. А собственность прошла путь от двуединой античной формы собственности до частной буржуазной. Марксистская методология позволила в ряде вопросов значительно приблизиться к пониманию внутренней сущности античной экономики и глубинной взаимосвязи процессов, протекавших в ней. Правда, анализ многообразной исторической действительности с помощью преимущественно политэкономических категорий имел свои недостатки. Но тем не менее, применяя его в сочетании с глубоким исследованием источников, ведущие отечественные антиковеды создали серию ярких работ.

Советские историки выступали последовательными противниками модернизации истории, однако оперируя категориями и структурами, органично присущими современному капитализму, невольно уделяли преувеличенное внимание развитию товарно-денежных отношений и господствующему (рабовладельческому) способу производства. Это неизбежно порождало, по выражению Е.М. Штаерман, «бессознательную модернизацию» при исследовании античной экономики⁶². Она отмечала, что описание товарно-денежных отношений мало что дает для понимания сущности античного Рима, а «мнение тех, кто связывает расцвет и упадок рабовладельческого хозяйства с состоянием рынка, не подтверждается источниками»⁶³. Со временем у историков усиливались неудовлетворенность и сомнения в правомерности широкого использования прежней методологии при анализе столь далеко отстоящих от нас эпох без учета их специфики⁶⁴.

К 1980-м годам основные подходы на основе марксистской методологии в советской науке о древности оказались во много исчерпанными. В схожем положении в конце XX века оказались и зарубежные антиковеды, которые, как А. Карандини, считали возможным, опираясь на марксистскую теорию, найти третий путь, альтернативный антиковедческим исследованиям модернистов и примитивистов⁶⁵.

Западное антиковедение, неудовлетворенное ни одной из доминировавших методологических теорий, активно искало новые пути

⁶² Штаерман 1987, 35, 39.

⁶³ Штаерман 1978, 108.

⁶⁴ См., например: Сайко, Янковская 1988, 4.

⁶⁵ Carandini A. *L'anatomia della scimmia. La formazione economica della società prima del capitale: con un commento alle forme che precedono la produzione capitalistica dai „Grundrisse“ di Marx*. Torino, 1979. P. 19□20 (по Марконе).

изучения античной экономики. Поиску нового способствовал и ряд других причин. Исследователи всегда периодически подвергают сомнению сделанные ранее выводы и уточняют те или иные положения: каждая новая эпоха порождает и новые вопросы, с которыми историк обращается к исследуемой теме прошлого⁶⁶. Кроме того, идет непрерывное развитие самого исторического знания – с одной стороны, происходит постоянное пополнение корпуса источников, благодаря которому, пусть и медленно, но постепенно заполняются лакуны в источниковой базе, в основном за счет археологического и эпиграфического материала; с другой стороны, совершенствуются методы исторического исследования и методики анализа исторических источников. Все это в соединении с историческим, общественным, культурным опытом, усвоенным самим исследователем, дает возможность продвинуться в историческом исследовании прошлого. Такая ситуация и сложилась в историографии экономической истории в конце XX – начале XXI в.

В современной историко-экономической литературе уже не встретишь приверженцев прямолинейных точек зрения на хозяйственную жизнь древнего Рима, различия между «модернистами» и «примитивистами» (или «минималистами») значительно сгладились⁶⁷. Многие исследователи, как К. Николе, целенаправленно стремятся познать общество и экономику античного мира как самобытное явление⁶⁸, не подгоняя оценки и выводы под те или иные схемы. Появилась группа историков, которые считают, что античная экономика развилась настолько, насколько это допускал ее внутренний потенциал, а дальнейшее развитие было остановлено именно теми факторами, которые были заложены в ней самой и до определенного момента обеспечивали экономический прогресс⁶⁹. Своеобразие античной экономики, по мнению Ж. Андро, в решающей степени определялось характером элиты, от поведения и интересов которой во многом зависела экономическая жизнь древнего Рима⁷⁰.

⁶⁶ Alföldy 1986, 12–34; Кнабе 1988, 8–9.

⁶⁷ Andreau, Etienne 1984, 65 □ 69.

⁶⁸ Nicolet 1988a, 13–40.

⁶⁹ Андро 1991, 169.

⁷⁰ Andreau 1974; 1987; Андро 1994, 223–229. Интересно, как с течением времени автор менял терминологию в отношении предмета своего исследования: если в 1970–80-е годы он пользовался словом «олигархи», теперь для обозначения тех, кто принадлежал к социально-политической элите, он предпочитает понятие «знать» (notables): Andreau 2004, 71, nt. 1.

Это направление стало заметным течением в западной историографии⁷¹. Однако и в таком подходе есть слабые места. Сама социальная структура и ее отношение к экономической деятельности вольно или невольно копировалась с хорошо известных процессов, протекавших в Западной Европе в средневековье. Она представляла как городская элита, от активности которой и зависели направления и формы хозяйственной деятельности. А недостаток источников восполнялся обращением к более широкой базе данных, дошедших из феодального города. Это невольно уводило исследователей от реальных феноменов античного общества.

Кроме Ж.Андро, к различным сторонам экономической деятельности элит спорадически обращались и другие антиковеды. Предметом их внимания была как организация конкретного производства, реконструируемая на основе богатого археологического материала⁷², так и различные формы торговой деятельности⁷³. Изучению экономического поведения элит способствовали просопографические исследования древнеримского общества. Важной в этом плане была работа И. Шацмана, который показал, что у большей части сенаторов и всадников имелись значительные земельные владения⁷⁴.

Кроме того, повышение интереса к данной проблематике стимулировали гендерные исследования, в рамках взаимоотношения полов, место и роль их представителей (прежде всего женщин) в обществе и семье рассматривались в различных сферах, от политики до повседневной жизни⁷⁵. И хотя вопросы, поднимаемые в данных работах, были подсказаны проблемами эмансипации и семьи в современном обществе, они все же выдвинули на передний план римскую фамилию. Большинство исследований касались различных вопросов жизни малой моногамной семьи в древнем Риме⁷⁶. Однако домашнее хозяйство римской фамилии в той или иной мере также получило освещение в литературе⁷⁷.

Конкретно-исторические исследования частных проблем вызывали все большее неудовлетворение, поскольку остро ощущалась по-

⁷¹ Mentalités et choix économiques... 2004.

⁷² Steinby 1982.

⁷³ Whittaker 1988; Wallace-Hadrill 1991a.

⁷⁴ Shatzman 1975.

⁷⁵ См., например: Schuller 1987; Treggiari 1991; Culham 2004.

⁷⁶ Saller 1984; Martin 1996.

⁷⁷ Hölkeskamp 2004; Wallace-Hadrill 1991b; Treggiari 1975; см. также подборку документов: Gardner, Wiedemann 1991.

ребность в новых обобщающих трудах⁷⁸. Одним из проявлений этого стало обращение в конце 1980-х–начале 1990-х годов к историческому наследию М.И. Ростовцева с его широкими обобщениями, поскольку диалог с ярким исследователем прошлого всегда ведет к обогащению современного исследователя⁷⁹. Но поиски нового скорее поставили ряд важных вопросов, чем открыли пути их решения. Андро сформулировал главные из них: можно ли написать античную историю; если да, то на каких источниках; есть ли связь между социальными изменениями и экономическим развитием; как соотносятся политические изменения с экономическим развитием в древнем Риме⁸⁰.

В отечественном антиковедении новые аспекты открыли работы Г.С. Кнабе, хорошо знакомого с новыми течениями в западной историографии⁸¹. Он предложил исследовать античные реалии через формы быта и повседневного поведения, стремясь в этом историческом пласте, «с одной стороны, обнаружить действие магистральных процессов исторического развития в непосредственной фактуре общественного бытия, с другой – проследить, как сами эти процессы возникают из конкретных условий повседневной жизни»⁸². Историк обратил внимание на своеобразие социальной структуры древнего Рима, базировавшейся на различного рода микроколлективах, в рамках которых протекала реальная жизнь, принимались решения и реализовывались планы античного человека, в том числе и в хозяйственной, экономической деятельности.

С предложением по-новому посмотреть на социально-экономические и политические процессы, протекавшие в античности, выступили ведущие отечественные историки. Е.М. Штаерман призвала «окончательно преодолеть всякие следы модернизации» и изучать не только основной, рабовладельческий способ производства, но и все аспекты экономических отношений, в которых каждый элемент играет свою особую, только здесь присущую ему роль. А для этого надо шире исследовать многочисленные уклады в древнем Риме, их взаимовлияние, а также гибридные, переходные формы⁸³.

⁷⁸ Marcone 1995, XXXIII, nt. 73; Andreau, Berelowitch 2008, 5.

⁷⁹ Mazza 1995, VIII; Андро 1991; 1994.

⁸⁰ Andreau 1997, 184.

⁸¹ Кнабе 1987, 164–181.

⁸² Кнабе 1988, 8. Цитируемый сборник явился результатом работы научного семинара, возглавляемого Г.С. Кнабе, где данный подход получил детальную разработку. См. также: Кнабе 1986.

⁸³ Штаерман 1987, 48.

В совместной статье Е.М. Штаерман и В.И. Кузищин, отмечая недостатки западной историографии, подчеркивали, что при исследовании античной экономики современный исследователь должен «исходить не из большего или меньшего сходства с капитализмом... а из принципиального отличия и специфики основы общества – античной гражданской общины с присущей ей формой собственности»⁸⁴. Это необходимо потому, что в античности «можно лишь с большой долей условности выделить в качестве доминирующей ту или иную сторону: экономическую, социальную или политическую»⁸⁵. Специфичным было и положение работника в античности, что проявлялось во «взаимосвязи зависимости экономической с политической и моральной»⁸⁶. И наконец, античное рабство не было первичным фактором, обусловившим особенности греко-римского общества, а производным от экономического и политического развития античной гражданской общины⁸⁷.

Таким образом, в 1980–1990-е годы антиковеды явственно осознали исчерпанность традиционных подходов. Неудовлетворенность сложившейся в исследованиях по античной экономике ситуацией, как у отечественных, так и зарубежных ученых вызывали следующие моменты. Прежде всего, сельское хозяйство и ремесленное производство рисовались как различные, отделенные друг от друга рынком отрасли экономики, подобно тому, как они функционируют при капитализме. Далее, эти отрасли рассматривались сквозь призму связи с рынком и развития товарного производства. К этому добавлялось стремление компенсировать недостаток наших знаний об античной экономике за счет данных, заимствованных из других эпох (прежде всего средневековья). А сам анализ античной экономики порой строился на активном привлечении современных социологических теорий. Получалась искусственно созданная модель античного общества и его экономики, которая базировалась на теориях и концепциях, заимствованных большей частью из общественных наук. В обобщающих работах такая схема заполнялась структурами и феноменами, заимствованными из других эпох и цивилизаций, а источники служили лишь для иллюстрации уже заранее выбранной концепции⁸⁸. Это приводило, как правило, к тому, что знания и модели, заим-

⁸⁴ Кузищин, Штаерман 1989, 53.

⁸⁵ Кузищин, Штаерман 1989, 45.

⁸⁶ Кузищин, Штаерман 1989, 52.

⁸⁷ Кузищин, Штаерман 1989, 53.

⁸⁸ Hopkins 1978; 1980, 101–125. О концепции К. Гопкинса см.: Смирин 1980, 74–98.

ствованные из анализа современного общества и ориентированные на значительно более поздние и более развитые структуры, уже сами по себе вели к модернизации и искажению реалий древнего Рима⁸⁹.

§ 3. Новые подходы к изучению древнеримской экономики.

Поиск новых подходов в изучении античной экономики требовал найти ответ на вопрос, на какой методологической основе сформулированные требования можно наиболее полно воплотить в научных исследованиях. Свое решение этой проблемы, волновавшей исследователей разных периодов всеобщей и отечественной истории, предложил М.А. Барг. Он высоко оценивал марксистскую методологию, в свое время совершившую переворот в историософской традиции, что впервые позволило «рассматривать каждое конкретно-историческое общество в качестве системы»⁹⁰, возведя историческое познание на объективное основание.

Однако формационный подход порождал и ряд недостатков, проявлявшихся, прежде всего в отождествлении исторической методологии с социологической. А это приводило к тому, что за пределами сферы внимания историков оказывалось множество общественных институтов и процессов, важных для понимания динамики развития. Так, при рассмотрении экономического базиса господствующих способ производства фактически затмевает фундаментальное свойство докапиталистических обществ – наличие многоукладности в хозяйственной жизни⁹¹ (к изучению чего и призывала Е.М. Штаерман), а без определения удельного веса различных укладов и форм их взаимодействия нельзя понять своеобразие экономического развития общества. Это же обнаруживается и в сфере социальной, где основные классы-антагонисты (для античности это прежде всего рабы) вытесняют из поля зрения историков остальные социальные группы и структуры и формы их связей, исследование которых, по мнению Е.М. Штаерман, сегодня имеет первостепенную важность⁹².

Это же в полной мере относится и к пониманию места и роли государства. Его функции весьма многогранны и их нельзя сводить

⁸⁹ Alföldy 1986, 23–24.

⁹⁰ Барг 1991, 27–28.

⁹¹ Барг 1991, 29.

⁹² Штаерман 1987, 48.

только к роли инструмента, обеспечивающего сохранение господства эксплуататоров над эксплуатируемыми. Государство, прежде всего, выступает как хранитель целостности и безопасности общества, оно олицетворяет правосудие и справедливость в конфликте между публичными и частными интересами. Как одно из важнейших основ цивилизации, государство превращается в социально-творческий фактор огромной важности⁹³. Именно этот позитивный аспект оказал большое влияние на особенности развития и своеобразие античной экономики, находившейся в подчиненном от политики положении.

При формационном подходе однобокость проявляется и в изучении идеологической надстройки, когда остается в стороне обширное поле идей и нравственных ценностей, которые не могут быть сведены только к интересам основных противостоящих друг другу социальных групп⁹⁴. Сфера духовной культуры, по большей части, никогда не утрачивала своего надклассового характера, влияя на отношения во всех сферах жизни – трудовой, семейной, повседневной. М.А. Барг подчеркивал, что «духовный аспект любых форм человеческой деятельности не менее, если не более важен для историографического ее постижения, чем ее „технология“, прагматика»⁹⁵. Нам это положение представляется особенно важным в свете замечания о том, что в античности сферы экономические, политические и моральные настолько взаимопроникали друг в друга, что разделить их, не внося искажения в историческую картину, практически невозможно⁹⁶.

Формационный подход, обеспечивая понимание объективных процессов, все же не исчерпывает и не охватывает всего многообразия исторического развития, так как за его рамками оказываются многие важные элементы общества, без которых может обойтись политэкономический анализ, но без которых историческое исследование будет однобоким.

Поэтому те сферы, которые до этого оставались в тени, М.А. Барг предлагает исследовать через парадигму цивилизации. Цивилизационный подход ставит человека – единственного творца истории – в центр изучения прошлого, вводя «объективизацию субъекта истории»⁹⁷. Это позволяет увидеть конкретную и подлинно историче-

⁹³ Барг 1991, 31.

⁹⁴ Барг 1991, 30.

⁹⁵ Барг 1991, 32.

⁹⁶ Кнабе 1988, 12; Кузищин, Штаерман, 1989, 45, 52.

⁹⁷ Барг 1991, 33.

скую структуру общества и к полю исследования, открытому формационным подходом, добавить сферу взаимодействия на основе общечеловеческих ценностей, которая отражает не столько социальный антагонизм, сколько область социально-культурного консенсуса. Таким образом, цивилизационный подход предстает методологией собственно исторической, ориентированной на познание человека в истории, а также всех форм и результатов его деятельности в материальной и духовной сферах⁹⁸.

В свете всего вышеизложенного представляется, что проблемы и попросы, которые назрели в области исследования экономики античного Рима, наиболее плодотворно можно решить на основе цивилизационного подхода и учения о цивилизации, разработанного М.А. Баргом и его последователями. Выбор предопределен уже предложенной структурой цивилизации, где главными элементами предстают социальная структура и культура как форма исторической жизни⁹⁹.

Основанием цивилизации служит общество, социум, важнейшими элементами которого выступают семья и соседская община, порождающие главный инструмент регулирования их жизни – государство. В социальную структуру входят также различные объединения, в которых человек проводит время и где коллективно вырабатываются оценки происходящего и порой принимаются важные решения, и эти группы играют столь же важную роль, как сословия и классы. В древнем Риме основными элементами предстают фамилия как семейно-родовая община и *civitas* – гражданская община, по функциям во многом совпадающая с государством и заменяющая его. Эти институты, которые с точки зрения способа производства были маргинальными, при цивилизационном подходе оказываются в центре внимания.

Именно социум порождает все феномены материальной, поведенческой и духовной культуры. Поэтому сферой внимания историков становятся возникающие в ходе исторического развития все аспекты творческой и повседневной жизни человека, а также плоды этой деятельности и, наконец, многообразные формы поведения и межличностные связи как отдельного человека, так и различных социокультурных групп общества. В феномен культуры оказываются

⁹⁸ Барг 1991, 33–35.

⁹⁹ Более подробно об обществе и культуре и их взаимосвязи в рамках цивилизации см.: Ляпустин 2010, 61–70.

включенными все явления от высокой элитарной сферы до профанного, бытового существования в контексте исторического развития. А сама культура при цивилизационном подходе рассматривается как форма исторической жизни. Таким образом, цивилизация состоит из живой и постоянно изменяющейся социальной структуры в единстве с феноменами культуры.

Носителем культуры, присущей той или иной цивилизации, выступает культурно-исторический тип, выражающий идеальное положение отдельного человека с характерной для него картиной мира. Эта картина мира включает в себя всю совокупность представлений об окружающем мире, о месте в нем человека и о смысле его существования. Именно культурно-исторический тип олицетворяет собой и своим поведением социум и общественные связи, а также выступает создателем и носителем культуры в своей цивилизации во всех формах ее проявления. Человек постоянно «растворен» в социуме и культуре и вне этих сфер существовать не может. Цивилизация – культура – человек составляют неразрывную триаду, через которую только и можно познать и понять всю сложность, глубину и смысл духовной и материальной жизни общества на каждом ее этапе. В античном Риме центральной фигурой выступает римский гражданин, глава фамилии. Именно он, с присущими ему сакральными и морально-этическими представлениями, олицетворяя собой и реализовывал на уровне повседневной практики неразрывное единство социального, политического, экономического и духовного начал.

С помощью картины мира культурно-исторический тип дает «ответы» на «вызовы» внешнего мира. В целом можно выделить три главных направления «вызов – ответ» в рамках каждой цивилизации. Первой и важнейшей формой взаимоотношения в рамках цивилизации для общества выступает связь с природным миром. Отвечая на эти «вызовы», человек, прежде всего, должен был с одной стороны деятельно преобразовывать окружающую среду, получая продукты для своего существования. А с другой стороны – оптимально приспособиться к объективно заданным условиям существования, чтобы создать возможности для своей жизнедеятельности и продолжения рода. В этом плане важную роль играла природа Италии, которая не только создала условия для самостоятельной хозяйственной деятельности каждой фамилии, но и способствовала благодаря многообразию почвенно-климатических условий развитию специализации в

рамках фамильного хозяйства (оливководство, виноградарство, отгонное скотоводство и т.д.).

Другое направление – связь с миром социальным. Для успешной деятельности необходимо было оптимизировать общественные связи и структуры. Целью жизни домовладыки становится выстраивание отношений с другими представителями древнеримского общества, как близких ему по социальному статусу, так и находившихся на других ступенях социальной лестницы. Эти связи проникали в самые различные сферы: политические, деловые, сакральные, кружки друзей.

Наконец, чтобы творческая деятельность была успешной, каждому человеку необходимо было усвоить созданные механизмы и способы осмысления своего места в мире, воспринять сформированную систему ценностей и приоритетов, т.е. наладить взаимоотношения с окружающим его миром духовным. В своей хозяйственной деятельности глава фамилии, где осознано, а где на уровне привычки сознания неизбежно руководствовался всем комплексом норм и правил, выработанных римским обществом.

Своими «ответами» на «вызовы» культурно-исторический тип в рамках цивилизации стремился максимально гармонизировать взаимоотношения с каждым из трех миров: природным, социальным и духовным. Эти усилия по гармонизации условий своего существования и является основной движущей силой развития всех элементов цивилизации. Такое прогрессивное развитие будет идти до тех пор, пока благодаря созданной им картине мира человек будет находить оптимальные «ответы» на вызовы извне. Но как только устаревшие оценки и представления не позволят адекватно реагировать на «вызовы» изменившегося мира, начнется кризис и упадок цивилизации.

Картина мира культурно-исторического типа человека сложна и многогранна. Она выражается через различные категории: времени, пространства, жизни, смерти, труда, богатства, дружбы, счастья, бессмертия и т.д. Важнейшей выступает категория времени, которая является ключом к пониманию своеобразия культуры в рамках каждой цивилизации. С категорией времени непосредственно связано мироощущение эпохи, ритм жизни и поведение людей. Структура времени многогранна. Время может быть историческое и мифологическое, солнечное и лунное. Его движение в цивилизациях различных эпох могли представлять то по кругу, то линейно, то по спирали. По-разному воспринимают время и отдельные группы общества: есть

время земледельца, время жреца, время рыцаря, время купца и т.д. Свое восприятие времени было и у римского квирита, домовладыки. Он реально действовал в повседневном времени (*negotium*), которое органично включало в себя неразрывную триаду: время земледельца, время гражданина в политической жизни и время воина. Но в эпоху Поздней республики категория времени усложняется, когда появляется *otium* – труды в досуге. Сюда же относилось время отдыха, время праздников, сакральное время *pater familias*. И *negotium*, и *otium* органично входят в хозяйственную жизнь фамилии, поскольку не всегда возможно провести четкую грань между распоряжениями, отдаваемыми домовладыкой подвластным лицам, и формированием ментальности и принятием решений в общении с друзьями в свободное от *negotium* время.

Через категорию пространства раскрывается модель космоса и места в нем человека, а также представление об обитаемом пространстве. Пространство также многослойно и разделено на различные сферы, как по вертикали, так и по горизонтали. Есть небесная сфера, где пребывают боги, земля, освоенная для обитания человеком, пространства, населенные враждебными народами, существами и чудовищами, подземный мир, куда уходят умершие. В свою очередь одна часть территории, освоенная цивилизацией, предназначалась для повседневной производственно-бытовой деятельности, другая территория была сакральной. С каждой из сфер для успешного существования необходимо было выработать формы общения и зафиксировать их в обрядах и ритуалах и передать их по традиции последующим поколениям, что и входило в непосредственные обязанности домовладыки. Пространство, освоенное фамилией, изменялось вместе с развитием общества и расширением границ государства. А это оказывало непосредственное влияние на формы и объемы хозяйственной деятельности, благодаря включению все новых территорий в сферу влияния фамилии.

Фамилия была основной ячейкой римской *civitas*, в рамках которой создавались материальные основы жизнедеятельности римского гражданина и всех ее членов. Поэтому отношение к труду и богатству представляли основными ценностями, которые предопределяли формы и направления хозяйственной деятельности *pater familias*, лежали в основе мотивации его повседневной практики, которая в целом была далека от накопительства богатств как самоцели.

Для римлянина, члена гражданской общины, который входил еще и в различные объединения и микроколлективы важны были формы общения, которые неизбежно выражались через дружеские связи, сопровождавшие человека на протяжении всей жизни. Категории дружбы и счастья определяют систему ценностей и мотивацию поведения человека, а, в конечном счете, и раскрывают смысл существования человека на земле, поскольку он живет, чтобы обрести счастье, которое в каждой цивилизации представляется по-разному. Оно представляет важную духовную ценность, где отражается обретенная личностью гармония с близкими друзьями и гражданской общиной в древнем Риме.

Своеобразным замковым камнем, скрепляющим всю сложную картину мира, выступает категория бессмертия. Благодаря ней решается (для каждой цивилизации по-своему) пожалуй, главный для человека всех времен и народов вопрос: «Как смертному человеку избежать гибели и забвения и обрести вечное бессмертное счастье?» Эта категория тесно переплетена со всеми категориями картины мира (времени, пространства, счастья, жизни, смерти и т.д.) и требует обязательного включения в социокультурное пространство некрополей, порождающих, по выражению классика, «любовь к отеческим гробам», без чего невозможно воспроизводство культурных ценностей и духовное развитие человечества. В древнеримском обществе это непосредственно связано с поклонением культу ларов и пенатов, оберегавших и защищавших всех членов и имущество фамилии.

Таким образом, на основе картины мира формируется ментальность и вырабатывается мотивация поведения и ценностные ориентиры человека (*pater familias* в древнем Риме), и социума (римской гражданской общины – *civitas*). В результате возникает та духовная атмосфера, которая непосредственно влияла на принятие решений в хозяйственной деятельности, создавала условия, как для эффективной деятельности отдельной личности, так и прогрессивного развития всего общества. Благодаря цивилизационному подходу центром научного интереса становится домовладыка, что позволяет привести в историю древнего мира человеческое измерение. И это измерение требует расстановки иных акцентов в исследовании экономической модели общества.

Предложенное видение цивилизации и человека, как нам представляется, наиболее полно отвечает целям и задачам, поставленным в монографии. В центре внимания будет находиться конкретно-

исторический феномен древнего Рима – фамилия и ее глава, *pater familias*, который олицетворял собой гражданский коллектив, был носителем государственности, хранителем сакральных и квирических ценностей, организатором хозяйственной деятельности подвластных в своем домохозяйстве¹⁰⁰. Рассмотрение римского гражданина как домовладыки в единстве с подчиненной его власти фамилией сквозь призму цивилизационного подхода, как представляется, позволит по-новому осветить многие актуальные проблемы в области экономики древнего Рима. По существу встает один главный вопрос, которому подчинены все остальные: как *pater familias*, являясь *homo politicus*¹⁰¹, принимает решения и организует хозяйственную деятельность фамилии и как вместе с фамилией принимает участие в экономической жизни римской *civitas*.

Конечно, рассмотреть этот вопрос в полном объеме в одной работе невозможно. Поэтому исследование неизбежно ограничивается определенными рамками. Хронологически будет охвачен только республиканский период развития римской фамилии: с III в. до н.э. – до эпохи падения Республики. Это обусловлено тем, что в III в. до н.э. завершилась борьба между патрициями и плебеями, в результате которой сложилась структура римской гражданской общины, во главе которой встали представители двух разрядов (*ordo*): нобили и всадники. Нобилитет за счет привилегий увеличил источники доходов, укрепил свои экономические позиции и политическое влияние в государстве¹⁰², а всадники благодаря активной деятельности в финансовой и хозяйственной сферах получали значительные богатства, что обеспечивало им высокий социальный статус¹⁰³. Это в свою очередь коренным образом изменило политическое устройство социальную структуру и экономическую жизнь римской гражданской общины (*civitas*). Римское государство и общество вступило в эпоху функционирования своих зрелых форм. Поэтому прежде чем касаться жизни фамилий необходимо определить, что будет пониматься в интересующий нас период времени под римским полисом, создавшим оптимальные условия для их существования.

Римская *civitas* – это гражданская община, основанная на античной форме собственности, в которой знать получила доминирующее

¹⁰⁰ Ляпустин 2009, 133–139.

¹⁰¹ Ср. Вебер 2001b, 470.

¹⁰² Утченко 1965, 124–125.

¹⁰³ Nicolet 1974b.

положение над рядовыми полноправными гражданами в политической, экономической и социальной сферах. Уже приведенное определение выделяет главный объект нашего внимания – это фамилии римской знати (сенатского «сословия» и всадников), через исследование жизни и деятельности которых можно получить наиболее полное представление об основных процессах, протекавших в экономической сфере античного Рима. При этом надо учитывать, что поскольку квириды были *homo politicus*, то ограничивать анализ исключительно экономической сферой было бы некорректно, так как с III в. до н.э. фамилия римской элиты представляет собой экономико-политический организм.

В соответствии с тенденциями развития антиковедения в последние десятилетия хозяйственная жизнь фамилии будет по возможности рассматриваться в тесной связи с повседневным поведением домовладыки во всем многообразии исторических условий, связей, функций и видов деятельности в материальной и духовной сферах. При этом автор постарается максимально учитывать особенности античного мира: нерасчлененность отраслей хозяйства, преобладание политики над экономикой, неразрывное единство и переплетенность в практической деятельности *pater familias* всех сфер жизни: социальной, общественно-политической, экономической, повседневной и духовной. Но, конечно, не будет отброшен и подход к экономике через способ производства, который необходим при рассмотрении организации и объемов производственной деятельности, а также форм получения продукции в фамильном хозяйстве.

Глава I

ЭВОЛЮЦИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ДРЕВНЕРИМСКОЙ ФАМИЛИИ В III – II ВВ. ДО Н.Э.

§1. Становление древнеримской фамилии как хозяйственного организма.

Древнеримская фамилия прошла длительный и сложный путь становления, который невозможно исследовать в рамках одной монографии. Поэтому в данной главе будет предпринята попытка рассмотреть лишь в общих чертах основные этапы этого развития, без выяснения которых невозможно понять ни структуру этого уникального организма, ни сущность фамилии как хозяйственной единицы в эпоху расцвета древнего Рима. Прежде всего, важно рассмотреть, когда и как фамилия: а) превратилась в ведущий экономический организм древнего Рима и б) стала основной структурной единицей римской гражданской общины, т.е. насколько эти процессы совпадают.

Фамилия прошла ряд этапов в ходе своего развития, начальные периоды которого во многом связаны с формированием римского законодательства и нашли отражение в римском праве. Первым важным рубежом в истории превращения фамилии в самостоятельный социально-экономический организм стало принятие законов XII таблиц как результат борьбы плебеев с патрициями за свои права. В этом нашло наглядное выражение уже неоднократно отмеченное в литературе фундаментальное своеобразие античного общества, в котором «политика» присутствовала в самых глубоких экономических структурах и главенствовала над ней. Это обуславливалось особенностями гражданской общины в древнем Риме и античной формы собственности¹.

Согласно традиции, под давлением плебса, возглавляемого плебейскими трибунами, был издан закон об избрании десяти мужей, чтобы они, составив законы обо всех государственных и частных делах, представили их народу (Dionys. X. 3. 4). В 451 г. до н.э. избрали комиссию из десяти человек для записи законов (*decemviri legibus scribundis*), которая состояла из патрициев, а на следующий год – вторую комиссию децемвиров, куда уже вошли пять плебеев. В итоге законы были записаны сначала на десяти досках, к которым затем добавили еще две и выставили на всеобщее обозрение (449 г. до н.э.).

Эти законы, которые «трижды по четыре таблицы установили тройственное право: сакральное, частное и общее для народа (т.е.

¹ Штаерман 1973, 3–5; 1987, 40–41; Кузищин, Штаерман 1989, 45–48, 53.

публичное. — Б.Л.)»², стали источником всего римского права³, зафиксировав *de iure* то, что уже существовало *de facto*. В законах XII таблиц в значительной мере были удовлетворены требования римского плебса. Как передает Тит Ливий, каждая глава представленного текста подверглась публичному обсуждению и, лишь когда свод законов был «достаточно выправлен мнением народа», его передали в цензуриатные комиции для голосования (Liv. III. 34. 6). Это замечание римского историка чрезвычайно важно для нашей темы, так как свидетельствует, что в законах нашли отражение реалии, которые были характерны для римского общества того времени, периода борьбы между патрициями и плебеями.

Децемвиральный свод, куда были включены все постановления, неписанные законы и обычаи предков начиная с эпохи основания Рима Ромулом, а также заимствования из греческих законов (Dionys. X. 57. 1)⁴, по словам Ливия, уравнил в правах всех римлян — и лучших и худших⁵. Но между патрициями и плебеями остался ряд существенных различий, касающихся, в том числе, и некоторых аспектов существования фамилии. В этот период сохранялась традиционная связь патрицианских фамилий с родовой структурой (*gentes*). Однако *gentes* того времени уже отличались от первобытной родовой общины. Как уже было отмечено в литературе, ко времени принятия законов XII таблиц родственная близость при определении наследников (XII tab. V. 4–5) выражается сначала словами *agnati*, а затем *gentiles*, но не *cognati*⁶. Таким образом, после фамильных (агнатских) связей при решении проблем наследования, в том числе и имущественных, учитывались связи внутри членов патрицианского рода (*gentiles*), а не просто связь по крови (*cognatio*). Это оказывало непосредственное влияние на социально-экономические аспекты существования патрицианских фамилий в это время.

Мы не будем касаться сложных и дискуссионных вопросов о времени возникновения римских *gentes* и их связи с куриями, общи-

² Aulon. XVI. 61–62: *ius triplex, tabulae quod ter sanxere quaternae, sacrum, privatum, populi commune quod usquam est*; ср. эти строки из «Грифа о числе три» в пер. М.Л. Гаспаров: «Грижды четыре доски освятили право тройное: / Частное право, священный закон и общий обычай».

³ Ср. Liv. III. 34. 6: *fons omnis publici privatique est iuris*.

⁴ См. Кофанов 1996, 175–194; 2006, 331–337.

⁵ Liv. III. 34. 3: *omnibus, summis infimisque, iura aequasse*.

⁶ Маяк 1983, 149.

нами-пагами и трибами⁷, а также соотношении родового землевладения и *ager publicus*, по которым имеется обширная литература. Одни считают, что только патриции, в отличие от плебеев объединенные в *gentes*, составляли римский народ и имели доступ к *ager publicus*⁸. Другие отрицают это, считая, что Рим возник не из объединения родов, а из объединившихся в курии небольших общин-пагов⁹. Доступ к *ager publicus* изначально имели как патриции, так и плебеи. Лишь после установления Республики патриции монополизировали магистратуры и доступ к *ager publicus*¹⁰. Не останавливаясь на разборе дискуссии, так как это выходит за рамки заявленной темы, отметим только, что представители разных точек зрения на историю римских *gentes* единодушно отмечают, что в середине V в. до н.э. противоречия между патрициями, монополизировавшими право пользоваться *ager publicus*, и плебеями, которым без доступа к общественной земле невозможно было полноценно вести хозяйство, достигло особой остроты.

В Риме с древнейших времен не было равенства в распределении земельных участков между представителями различных социальных групп¹¹. Оно отсутствовало и среди плебейских семей, стоявших вне патрицианских родовых структур: одни владели участками земли до 7 югеров (*Dionys. V. 13. 1–3; Liv. II. 6. 1–3*), другие были бедняками, работавшими на чужой земле, либо превращались в кабальных должников. Но интересы фамилий и патрицианской знати и рядовых плебеев, пусть и в разной мере, нашли отражение в принятых законах.

Регулируя имущественные аспекты, законы XII таблиц касались различных сторон жизни римской фамилии. Уже в законах XII таблиц под фамилией подразумевали и группу лиц, связанных семейными узами, и имущество¹². Центральной фигурой в частном праве эпохи децемвиров выступает *pater familias*, наделенный властью над домашними: детьми, детьми детей и над рабами (*patria potestas*). В зако-

⁷ По мнению Л. Капогросси Колоньези (2007, 8), к концу XX в. споры о социальных формах, предшествующих формированию *civitas*, исчерпали себя, так и не приведя к общепризнанным результатам.

⁸ См., например: De Martino 1979, 8, 15, 19, 26; Guarino 1990, 61, 68; Serrao 1984, 95–96; Маяк 1983, 232.

⁹ Штаерман 1996, 36–37. Об этой точке зрения см. также: Capogrossi Colognesi 2007, 8–10; Richard 1978.

¹⁰ См., например: Capogrossi Colognesi 2000, 194–197; Humbert 1989, 222, 232, 246; Штаерман 1996, 36.

¹¹ Гревс 1897, 277–279.

¹² Подробнее см.: Дождев 1993, 118–137.

нах XII таблиц (IV. 2) зафиксировано право отца трижды продавать подвластного сына, который после третьей продажи становится свободен от власти отца над ним. Отецеская власть, согласно Дионисию Галикарнасскому, была учреждена еще Ромулом и органично вошла в *mos maiorum*. Она включала в себя, прежде всего, пожизненное право жизни и смерти, право сажать сына под замок и бичевать, держать закованным на работе в деревне и даже продавать ради денег (Dionys. II. 26–27). При этом историк отмечал, что Ромул дал отцам власть над сыновьями даже большую, чем господину над рабами¹³. Наконец, в силу своей власти *pater familias* по своему усмотрению мог распоряжаться имуществом фамилии. В законах XII таблиц провозглашена свобода завещания домовладыки (V. 3), что открывало один из путей концентрации собственности в руках *pater familias*.

Этому же способствовало расширение применения в хозяйственной практике манципации – абстрактной юридической сделки, оформлявшей передачу собственности от одного лица другому. Манципация предполагала обязательное присутствие приобретателя и прежнего владельца вещи, а также пяти свидетелей и еще одного лица, который держал весы. Приобретатель касался рукой приобретаемого предмета, ударял куском меди, символизировавшим плату за вещь, о весы и передавал ее прежнему владельцу, произнося определенную формулу (Gai. I. 119).

К манципируемым вещам относилось недвижимое имущество: поместья на италийской земле (участок со строениями в сельской местности и дом в городе), рабы, вьючный и тягловый скот (быки, мулы, лошади, ослы), а так же сервитуты¹⁴. Это была часть семейного имущества, которая в примитивной сельской экономике изначально, по-видимому, вовсе не предназначалась для вовлечения в гражданский оборот. Она включала необходимый и наиболее важный для выживания и воспроизводства набор вещей, который гарантировал жизнеобеспечение фамилии. В отличие от манципируемых вещей *res nec mancipi* (одежда, золото, серебро и т.п.) предназначались для обмена и отчуждались путем передачи, не требовавшей публичности. Эти узаконенные пути формирования в руках отдельных домовладык

¹³ См. Dionys. II. 27. 1, где автор противопоставляет троекратную продажу сына однократной продаже раба.

¹⁴ Cf. Tit. Ulp. 19. 1: *Omnes res aut mancipi sunt aut nec mancipi. Mancipii res sunt praedia in Italico solo, tam rustica, qualis est fundus, quam urbana, qualis domus; ...item servi et quadrupedes, quae dorso colloque domantur, velut boves, muli, equi, asini.*

имущественных комплексов стали важным условием укрепления позиций фамилии как самостоятельной хозяйственной единицы.

Интересна этимология слова *mancipium*, которая проливает свет на степень развития частной собственности в этот период. Знаток древностей Варрон отмечал, что *mancipium* – это то, что берется рукой¹⁵. Недаром обряд манципации сопровождался наложением руки на манципируемую вещь. А Макробий прямо сопоставлял *manus inectio* с *mancipium*¹⁶. Собственно, наложение руки на вещь демонстрирует скорее власть домовладыки над имуществом, его *patria potestas*, а не право полной собственности на вещь, на что обратил внимание Д. Диошди¹⁷. Этот нюанс чрезвычайно показателен, так как свидетельствует о самом начале процесса становления индивидуальной собственности главы фамилии, которому предстоял еще длительный период развития на пути к окончательному формированию частной собственности (*dominium*)¹⁸.

Мы не останавливаемся на обширной дискуссии о развитии собственности от ранних форм до появления фигуры *dominium* в эпоху Империи¹⁹. Коснемся лишь одного аспекта, проявившегося в рамках фамилии уже в раннереспубликанский период. Как отмечала Е.М. Штаерман, особенностью Рима республиканской эпохи было переплетение собственности и суверенитета столь тесное, что разделить их крайне трудно. А в последующем наблюдалось слияние прав императора как суверена и как собственника²⁰. В фамилии как низовой ячейке гражданской общины сходный феномен проявился в сосредоточении в руках домовладыки власти (*patria potestas*) и собственности, которые тесно переплетались, хотя и представляли собой совершенно разные явления. Таким образом, применительно к Ранней республике можно говорить лишь о начальных этапах формирования частной собственности на недвижимость и вещи крестьянского обихода в рамках фамилии.

Ограниченность частной собственности и незавершенность оформления фамилии в самостоятельный социально-экономический

¹⁵ *Varr. LL. VI. 85: mancipium, quod manu capitur.*

¹⁶ *Macrob. Sat. III. 7: Nam ex manus iniectione paene mancipium designavit.*

¹⁷ *Diosdi 1970, 50 f.*

¹⁸ Выводы некоторых авторов, напрямую отождествляющих *mancipium* времени законов XII таблиц с окончательным оформлением права собственности, представляются в данном историческом контексте излишне прямолинейными. Ср. *Steinwenter 1928, 1010; Кофанов 2006, 379.*

¹⁹ См., например: *Штаерман 1978, 49–99.*

²⁰ *Штаерман 1978, 52–53.*

организм проявляется в самом обряде манципации, когда передача экономических основ жизнедеятельности фамилии другому лицу требовала особых процедур в присутствии пяти свидетелей и весовщика, причем все они должны были быть совершеннолетними римскими гражданами (*cives Romani puberes* – Gai. I. 119). Наличие достаточно большого количества членов гражданского коллектива при совершении сделки весьма знаменательно. Оно было наглядным отражением строгого контроля со стороны общины за экономическими условиями хозяйственной деятельности глав фамилий и стремления по возможности не допустить их необдуманных действий²¹. Совершение манципации в присутствии многочисленных свидетелей и служило гарантией невозможности заключения неприемлемой для интересов общины сделки.

О неполном выделении семейной собственности свидетельствуют и содержащиеся в законах XII таблиц нормы о наследовании имущества. После смерти домовладыки, не оставившего завещания, ему наследовали лица, непосредственно находившиеся под отеческой властью умершего (*sui heredes*), если таковых не было, то имущество переходило к ближайшим агнатам, а если не было агнатов, то к сородичам (*gentiles*). Та же логика прослеживается в норме закона, по которой власть над имуществом человека, лишившегося рассудка, переходит к агнатам или сородичам. Это свидетельствует о сохранявшейся связи фамилии с *gentes*. О степени выделения малой патриархальной семьи можно судить по соотношению терминов *agnati* и *familia*. Агнатами в римском праве назывались те, кто связан законным родством, то есть родством по мужской линии (Gai. III. 10). Гай перечисляет лиц, являвшимися агнатами. Ими предстают родственники в пределах трех-четырех степеней родства по прямой линии: дети, внуки и даже правнуки *pater familias*, а также его ближайшие родственники по боковой линии: брат, племянник, внучатый племянник. Кроме того, в число агнатов могли входить (в случае брака *cum manu*) жена *pater familias*, а также жены сыновей, находящихся под *patria potestas* домовладыки. По законам XII таблиц (V. 4) при наследовании без завещания в случае, когда у умершего не окажется прямого ближайшего наследника (*suus heres*), имущество наследует ближайший агнат (*agnatus proximus*).

Нормы наследования имущества *ab intestato* (XII tab. V. 4–5), соотносенные с упоминанием Гая (III. 154а) о первоначальной неразде-

²¹ Штаерман 1974, 42.

ленной собственности, позволяют точнее представить положение фамилий как знати, так и рядовых общинников в этот период. Гай сообщает, что раньше после смерти *pater familias* имущество не делилось, а существовало сообщество братьев и прочих лиц, которое называлось «сообщество при неразделенной собственности» (*societas ercto non cito*). В этом товариществе, если один отпускал на волю раба, то он считался вольноотпущенником всех членов, и если один посредством манципации приобретал вещь, то она становилась общей²². Из этого пассажа Гая следует, что раньше (*olim*) наследство после смерти главы фамилии не делилось. Его сыновья составляли своеобразное сообщество, которое коллективно владело семейной неразделенной собственностью. Законы XII таблиц разрешили вчинять иск о разделе имущества.

Таким образом, приведенный выше материал позволяет установить, как эволюционировала структура римской фамилии накануне и после принятия децемвирального свода. Первоначально в эпоху Ранней республики в структуре общества преобладала большая патриархальная семья, *familia communi iure* (D. 50. 16. 195. 2)²³, состоящая из всех агнатических родственников, как женатых так и холостых, независимо от их возраста и состояния в браке, которые когда-либо находились под властью одного и того же домовладыки (деда или прадеда), а после его смерти стали главами собственных семей. Однако все они называются членами его фамилии, так как произошли от одного и того же дома и рода (*eadem domo et gente proditi sunt*: D. 50. 16. 195. 2). В Ранней Республике такая семья фактически представляла собой общину братьев с неразделенной собственностью.

Но с эпохи законов XII таблиц законодательно был закреплён приоритет собственно фамилии, *familia proprio iure*, над остальными объединениями родственников. Это открывало путь не только к выделению индивидуальной семейной собственности на земельные участки из собственности коллективной (родовой, большесемейной, общинной или государственной), но и превращению фамилии в само-

²² *Gai.* III. 154a–b: *Est autem aliud genus societatis proprium ciuium Romanorum. Olim enim mortuo patre familias inter suos heredes quaedam erat legitima simul et naturalis societas, quae appellabatur ercto non cito, id est dominio non diviso... (b) In hac autem societate fratrum ceterorumve qui ad exemplum fratrum suorum societatem coierint, illud proprium erat, unus quod vel unus ex sociis communem servum manumittendo liberum faciebat et omnibus libertum acquirebat: item unus rem communem mancipando eius faciebat, qui mancipio accipiebat.*

²³ Об этой архаической форме неразделенной семейной собственности имеется обширная литература. Отметим только несколько работ: Кофанов 2006, 373–378; Маяк 1983, 146–148; Serrao 1984, 75–79; Franciosi 1995, 10–19.

стоятельную и в перспективе доминирующую хозяйственную единицу в римском обществе.

§2. Сущность фамилии в древнем Риме.

Развитие древнеримского общества начинает напрямую связываться с жизнедеятельностью семей лишь с конца IV – начала III в. до н.э.²⁴ По крайней мере, первые семейные погребения возникают как раз на рубеже IV и III вв. до н.э. В это время происходит и эволюция сакральных представлений. Именно в III в. до н.э. термин *dominus* (господин) вытеснил термин *egus*, который восходил к культу Ларов-Героев (*Heros*) и к обожествлению *virī fortes*, умерших предков знатных родов. Лары в этот период становятся только божествами семей²⁵. Таким образом, в это время уже оформляются все черты, характеризующие своеобразие древнеримской фамилии, которая будет существовать на протяжении всей последующей истории древнего Рима.

Фамилия в древнем Риме предстает сложным феноменом, и в этом смысле термину *familia* в современном языке аналогий нет. И у античных авторов в зависимости от контекста источников, и у современных исследователей в зависимости от того, какой аспект рассматривается, понятие *familia* получает различное наполнение. Поэтому прежде чем переходить к рассмотрению места фамилии в хозяйственной жизни древнего Рима, необходимо уточнить, какое содержание мы будем вкладывать в это понятие в данном аспекте заявленной темы, исходя из того, что включали в фамилию античные авторы, когда касались ее хозяйственной жизни. Это позволит приблизиться к системе мышления представителей той эпохи и выяснить, как они понимали этот феномен, какие значения вкладывали в соответствующий термин.

Фамилия имеет как социальный аспект (который и будет в центре нашего внимания), так и правовой. Так как римское право является отражением системы мышления древних римлян, именно юристами исторически точно дано понимание сущности фамилии и ее структуры. Поэтому удобней начать рассмотрение нашей темы с позиции римского частного права, где фамилия нашла наиболее полное и систематизированное отражение в различных ситуациях. Тем более что частное право традиционно было правом семьи, находящейся под

²⁴ Franciosi 1995, 23; Ляпустин 1997, 234–243.

²⁵ Штаерман 1978, 58–59.

властью отца²⁶. Хотя здесь для историка возникает проблема, заключающаяся в том, чтобы за правовыми аспектами не потерять из вида социально-экономические реалии жизни древнеримской семьи, которые мы и попытаемся реконструировать.

Термин *familia*, отражая все своеобразие этого древнеримского феномена, в процессе исторического развития приобрел различные смысловые оттенки, которые перечислены в обширном фрагменте Ульпиана из 46 книги «Комментариев к эдикту» (D. 50. 16. 195. 1–5). Разбирая ряд значений понятия *familia*, юрист классического периода (II–III вв. н. э.) выделяет семью своего права (*familia proprio iure*: D. 50. 16. 195. 2), которая предстает малой патриархальной семьей римских граждан (вне зависимости от ее размера). Во главе семьи, включавшей отца семейства, мать семейства, подвластных сыновей и дочерей и далее по нисходящей, стоял домовладыка (*pater familias*).

Два других понимания фамилии как группы родственников, приведенных Ульпианом в Дигестах – *familia communi iure* (D. 50.16.195.2) и фамилия в еще более широком смысле как все лица, которые по крови происходят от одного и того же родоначальника (например, *familia Iulia*: *ibid.* 4), приниматься во внимание не будут. Это связано с тем, что в двух последних значениях фамилия не являлась единым хозяйственным организмом. По утвердившемуся в последнее время мнению исследователей, большая семья у высших слоев римского общества в эпоху Поздней республики практически сошла с исторической арены. С этого времени доминировала малая, «нуклеарная» семья, включавшая родителей и детей²⁷.

Отец семейства располагал различными формами власти над всеми ее членами. Отцовская власть (*patria potestas*) устанавливалась над детьми, внуками и далее по прямой линии либо по рождению – *natura* (по естественным причинам), либо по усыновлению – *iure* (в силу права). Как подчеркивал Гай, власть отца над детьми, рожденными в законном браке, является особенностью статуса римского гражданина, что отличает римлян почти от всех других народов²⁸. Еще одной такой особенностью была власть над женой, *manus* (Gai. I. 108), причем «в отеческой власти могут находиться и мужчины и

²⁶ Франчози 2004, 128.

²⁷ Hölkeskamp 2004, 117.

²⁸ Gai. I. 55: *Item in potestate nostra sunt liberi nostri quos iustis nuptis procreavimus. Quod ius proprium civium Romanorum est; fere enim nulli alii sunt homines qui talem in filios suos habent potestatem, qualem nos habemus.*

женщины, а в мужнюю власть поступают только женщины»²⁹. Патриархальный характер семьи выражался в патрилокальности брака, то есть в переходе жены в дом мужа. Состояние домоладцев под властью домовладыки выступает как основное условие принадлежности свободных мужчин и женщин к семейной группе. В римской фамилии причудливо переплелись потестарные и кровнородственные отношения.

Отец семейства не только властвовал над домоладцами, но и имел право безраздельно распоряжаться всей собственностью (*in domo dominiū habet*: D. 50. 16. 195. 2), которая была экономической основой жизни фамилии. Домовладыка самостоятельно распоряжался всем движимым и недвижимым имуществом фамилии, в состав которого римляне включали и рабов. Рабы также как и другие подвластные лица, были подчинены его *potestas*. Пока был жив домовладыка, и существовал этот *corpus personarum*, находящийся под властью *pater familias*. Со смертью отца семейства прекращалась система подчинения, и во главе с каждым сыном, который принимал на себя звание отца семейства, возникала своя отдельная семья (*ibid.*). Потестарный характер семейной структуры³⁰ свое наивысшее выражение находит в праве главы фамилии распоряжаться жизнью и смертью подвластных лиц³¹.

Правовые источники и моральные нормы, отраженные в *mos maiorum*, фиксируют скорее идеальную модель, в которую жизнь вносила свои поправки. И ко времени Поздней республики многое во взаимоотношениях между домовладыкой и подвластными ему членами фамилиями изменилось. Представить себе реалии этой власти в эту эпоху позволяют нам события, произошедшие во время цензорства Катона Старшего. Согласно принципам, которые отстаивал Катон, власть мужа над женой освящалась авторитетом предков³². Однако ко времени Поздней республики эта суровая норма претерпела существенные изменения, о чем наглядно свидетельствуют произошедшие в 195 г. до н. э. массовые выступления женщин в поддержку отмены Оппиева закона против роскоши. Как сетует Ливий, женщин не могли

²⁹ *Gai. I. 109*: *In manum autem feminae tantum conveniunt.*

³⁰ Франчози 2004, 122–145.

³¹ Смирин 1985, 5–78.

³² *Cp.: maiores nostri... voluerunt (Liv. 34. 2. 11); muliebria iura quibus licentiam earum colligaverint maiores vestri per quaeque subiecerint viris (ibid. 34. 3. 1: «законы, которыми наши предки старались обуздать своеволие женщин и подчинить их мужьям»;* пер. Г.С. Кнабе).

удержать дома ни власть и авторитет мужей, ни почтение к ним³³. Катон, выступавший за сохранение строгих законов в духе предков, вынужден был признать, что мужьям едва удастся удерживать своих жен в повиновении. Этот эпизод свидетельствует, что хотя власть мужа над женой сохранялась, она стала значительно мягче, что соответствовало взглядам большинства римских граждан на их отношение к женам. Отражая эту новую моральную атмосферу, плебейский трибун Луций Валерий, сторонник отмены Оппиева закона, в ответ на претензии Катона заявил, что чем больше у мужей власти над женами, тем более умеренной она должна быть³⁴.

Суровые нормы с течением времени смягчались, и многие из них применялись все реже. Однако отец имел право в любой момент воспользоваться своими правами, когда считал это необходимым. Так у Плавта (*Pers.* III. 1) описывается эпизод, когда отец хочет продать дочь ради денег. И дочь смиряется с этим решением, повинаясь его власти (*imperium*: v. 343; *potestas*: v. 344) и необходимости (*necessitate*: v. 382). Весьма сурово обошелся с сыном Луций Манлий Капитолийский, получивший за свой крутой нрав прозвище Империз («Самовластный», «Грозный»). Как сообщает Тит Ливий, своего сына Тита, не совершившего ничего дурного, он изгнал из города, из дома и от пенатов, не допуская на форум и в общество сверстников, и отправил в деревню на рабские работы, чуть ли ни в тюрьму и эргастул³⁵. Там юноша из высшего сословия проводил дни в повседневных лишениях (*cotidiana miseria*). Сын, однако, не только не протестовал против несправедливой доли и безропотно повиновался, но и даже защищал право отца на подобное решение.

Но в это время уже большинство римлян порицали излишне суровое обращение с детьми. Так, у Плавта и дочь, и вместе с ней зрители воспринимали эту продажу негативно, считая, что так поступать с родными детьми не пристало (*fieri pervorse*: v. 368). А против Луция Манлия в 363 г. до н. э. выступил плебейский трибун Марк Помпоний, обвинив его в частности и в том, что суровый отец сослал своего сына на сельские работы и обращался с ним, как с рабом. Однако сын, когда узнал об этом, немедленно примчался в Рим в дом трибуна и, угрожая мечом, заставил Марка Помпония прекратить судебное

³³ *Liv.* 34. 1. 5: *matronae nulla nec auctoritate nec verecundia nec imperio virorum contineri limine poterant.*

³⁴ *Liv.* 34. 7. 15: *quo plus potestis, eo moderatius imperio uti debetis.*

³⁵ *Liv.* 7. 4. 4: *extorrem urbe, domo, penatibus, foro, luce, congressu aequalium prohibitum, in opus servile, prope in carcerem atque in ergastulum dederit.*

преследование отца (Liv. 7. 5. 1–8). Впоследствии, во время 2-й Латинской войны (340 г. до н.э.), этот самый сын, Тит Манлий Торкват, следуя суровым нравам предков, казнил уже своего сына только за то, что он, нарушив воинскую дисциплину, самовольно вступил в поединок и убил насмехавшегося над римлянами тускуланца Гемина Мессия (Liv. 8. 7. 1–22). И хотя Манлиева расправа над сыном, который был ему дорог, была продиктована суровыми законами военного времени, тем не менее, эта казнь вызвала у окружающих «жалость, слезы и проклятья» и осталась для всех мрачным примером суровости³⁶.

Власть отца над детьми оставалась непоколебимой на протяжении всего периода Республики. Еще один представитель упомянутого знатного рода Тит Манлий Торкват сам судил своего сына, претора 141 г. до н. э. Децима Юния Силана, когда послы македонян прибыли с жалобой на его злоупотребления в провинции. Отец вынес суровый приговор, изгнав его из дома. Сын не смог пережить такого позора и покончил с собой (Liv. Per. 54). Такое поведение отца находилось в русле *mos maiorum*. От детей и жены, согласно заветам предков, требовали почтительности и безупречного поведения, но и относились к ним в повседневной жизни с теплотой и любовью. Слова Катона: «Кто бьет жену или ребенка, поднимает руку на самую высокую святыню»³⁷, – выражали отношение в семье к своим близким подавляющего большинства римских граждан.

Однако помимо отеческой и мужней власти фамилия имела еще одно важное начало. Полемизируя с историками римского права, делавшими упор на потестарном характере семейной структуры, Фюстель де Куланж доказывал, что «религия очага и предков» являлась основным началом семьи³⁸. Домовладыка был главой семейного культа поклонения покровителям дома ларам и пенатам, в котором принимали участие все: как свободные, так и рабы. Этот религиозный культ был унаследован фамилией еще от родовой структуры. Домовладыка выступал основным связующим звеном между семьей и окружающим ее миром, и прежде всего он был посредником между миром живых и миром мертвых. Отправление религиозного культа предков и забота о поддержании домашнего очага и его чистоты были главной обязанностью римского гражданина³⁹. Поэтому право воз-

³⁶ Liv. 8. 7. 22: ...*Manlianaeque imperia non in praesentia modo horrenda sed exempli etiam iustis in posterum essent*; пер. Н.В. Брагинской.

³⁷ *Plut. Cat. 20. 3* (пер. С.П. Маркиша).

³⁸ Фюстель де Куланж 1906, 37–39.

³⁹ Ср. *Cic. De leg. II. 57: familia pura* (сакрально чистая семья).

главлять и организовывать религиозный культ и способность выявлять волю богов с помощью гаданий (*auspicia*) и наделяли *pater familias* властными полномочиями в семье⁴⁰. Все остальные формы деятельности домовладыки – мудрое и рачительное хозяйствование ради экономического процветания фамилии, продолжение рода в детях, а затем и передача всего комплекса в надлежащем виде наследнику после смерти – были лишь главными условиями обеспечения непрерывности фамильных священнодействий. Вместе с обязанностью отправлять семейный культ преемник получал по наследству и власть над фамилией.

Таким образом, главной особенностью римской фамилии был ее властный характер: вся организация жизни и деятельности семейной группы вращалась вокруг власти *pater familias*, опиравшейся на гражданское законодательство, религиозные представления и верования, традиционные морально-этические нормы и ценности (*mos maiorum*). Поэтому принадлежность к семье определяется подчинением домовладыке, главе семейного культа, единственному обладателю личной власти (*patria potestas* и *manus*) и владельцу всего семейного имущества. Наличие всевластного домовладыки предстает важнейшим и исконным римским институтом, неизвестным в такой форме другим народам (*ius proprium civium Romanorum* – Gai. I. 55). Эта обширная власть была направлена не на бесправие домочадцев, а на обеспечение покровительства и социальной стабильности лицам, принадлежащим к фамилии. *Pater familias* был в римской гражданской общине единственным полноправным лицом в сфере частного права и представлял интересы фамилии за ее пределами при различных спорах и конфликтах. Таким образом, фамилия, как моногамная семья, скрепленная властью домовладыки, выступает, начиная с III в. до н.э., важнейшей структурной единицей римского общества.

Второй аспект фамилии, отмеченный античными авторами, – это группа рабов, находящаяся под властью господина и относящаяся к его хозяйству⁴¹. Причем уже два раба обозначались понятием *familia*⁴². Над рабами хозяин имел господскую власть, *dominica potestas*, «по праву народов» (Gai. 1. 52). В таком значении слово *familia* широко употребляется в эпоху Поздней республики у авторов трактатов

⁴⁰ Фюстель де Куланж 1906, 38–39.

⁴¹ *Paul. ex Fest. P. 77 L: famuli origo ab Oscis dependit, apud quos servus famel nominabatur, unde et familia vocata; D. 50. 16. 195. 3: ...familiae appellatio omnes servos comprehendit.*

⁴² *Paul. Sent. V. 6. 3: familiae autem nomine etiam duo servi continentur.*

по сельскому хозяйству, Катона и Варрона. Включение рабов в фамилию непосредственно влияло на один из основных феноменов античного Рима – классическое рабство. Все своеобразие рабства в античном Риме вообще и роли рабов в хозяйственной жизни в частности во многом определялось двойственностью положения раба в фамилии. В правосознании римлян раб одновременно воспринимался и как вещь (*res*), говорящее орудие (*instrumentum vocale*, по определению Марка Теренция Варрона RR. I. 17. 1), и как лицо (*persona*). Раб, с одной стороны, был абсолютно бесправен, что утверждало полную власть господ над рабами, вплоть до права жизни и смерти, и возможность нещадной эксплуатации. А с другой, он в то же время служил прямым продолжением личности господина. Доверенным рабам поручалось приумножать имущество домовладыки. Они были агентами господ в самых различных делах⁴³ (ссужали деньги под проценты, организовывали торговые морские предприятия и т.п.) и активно участвовали в расширении сферы политического и экономического влияния *pater familias*⁴⁴. Их доходы от торгово-ремесленной и финансовой деятельности были порой весьма значительными. Однако все, что приобреталось через раба, приобреталось для господина (Gai. I. 52).

В фамилии и рабы-иноплеменники, и рабы, рожденные в доме, приобщались к культу ларов, исконных покровителей италийских рабов. Таким образом, их духовная жизнь вводилась в нужные рамки. Во время сакральных священнодействий они приобщались к религиозным святыням – как семейным, так и государственным, усваивали правила и нормы поведения, которые регулировали жизнь гражданской общины. Это было важно, поскольку римский раб был «латентным гражданином»: в Риме, в отличие от других обществ, освобождение из рабства приводило к наделению отпущенника гражданскими правами и включению его в состав римской гражданской общины. Решение об освобождении своего раба принимал исключительно домовладыка. Однако освобождение санкционировалось гражданской общиной либо через участие цензора или претора, либо через присутствие свидетелей.

Получивший свободу раб становился полноправным римским гражданином и создавал собственную семью, но связи с фамилией своего бывшего хозяина не утрачивал. Отпущенник получал родовое

⁴³ Ср. Andreau 2004b, 111–126.

⁴⁴ Ляпустин 2007, 85–105. О месте и роли рабов в управлении хозяйством фамилии см. также: Дурново 2004a, 101–124; Aubert 1994.

имя и преномен бывшего хозяина и становился членом рода патрона, продолжая оставаться участником родового культа. Отношения между патроном и получившим свободу рабом регулировались *ius patronatus*. По нему отпущенник обязан был выказывать уважительное отношение к патрону (*obsequium*), завещать часть или даже все имущество патрону, подносить дары и исполнять определенное количество дней работы (*operae libertorum*), в чем отпущенник давал клятву (D. 38. 1. 7. 2; 3). Фактически жизнь отпущенного на волю раба и фамилия бывшего господина во многих отношениях оставались тесно связанными еще со времени законов XII таблиц⁴⁵. Поэтому юристы в понятие фамилии включали и вольноотпущенников, но только в ситуациях, когда рассматривались их отношения с патроном (D. 31. 77. 27). Нарушивший условия договора отпущенник мог быть опять обращен в раба.

Тесную связь с главой знатной фамилии на протяжении всей жизни поддерживали и клиенты. Первоначально клиенты – это свободные плебеи, которые отдавая себя под покровительство знатного рода, получали за это земельный участок. Затем, в период Поздней республики, масса клиентов формировалась из числа городского и сельского плебса. Между патроном и клиентом возникали правовые отношения, регулируемые *ius applicationis* и основанные на *fides* (честность, верность данному слову, нравственная обязанность выполнять свое обязательство). Они подразумевали ряд обязанностей клиента по отношению к патрону, в том числе и определенные трудовые обязательства⁴⁶.

В строго юридическом смысле вольноотпущенники и клиенты, которые не попадали под власть домовладыки и не являлись агнатами, стояли вне фамилии как семьи. Однако в силу наличия трудовых обязательств и *operae libertorum* в экономической сфере клиенты и отпущенники были важным элементом хозяйственной жизни фамилии как основной социально-экономической единицы.

Третий аспект, отраженный в юридических источниках еще со времени законов XII таблиц, обозначает фамилию как имущество (*res*: D. 50. 16. 195. 1). Римская фамилия в экономической сфере выступает независимой производственной единицей. Ее хозяйственная жизнь организовывалась домовладыкой, под руководством которого

⁴⁵ D. 50. 16. 195. 1: *Ad personas autem refertur familiae significatio ita, cum de patrono et liberto loquitur. lex: «ex ea familia», inquit, «in eam familiam».*

⁴⁶ Бартошек 1989, 49–50, 70.

протекала деятельность подвластных ему детей и жены. Ему же принадлежали и средства производства, наиболее важные для воспроизводства и выживания фамильного хозяйственного комплекса. К ним относились городской участок с домом, поместья со строениями и земельными участками, а также рабы и прирученный тягловый и молочный скот, т.е. наиболее важная часть фамильного комплекса, включающая тот набор вещей, который обеспечивал и гарантировал жизнедеятельность фамилии. Этот комплекс вещей, возникший еще в ранний период истории Рима и непосредственно связанный с примитивной сельской экономикой, первоначально вовсе не предназначался для вовлечения в гражданский оборот. Но по крайней мере со времени законов XII таблиц эта часть имущественного комплекса фамилии могла отчуждаться с помощью манципации и стала называться *res mancipi*. В отличие от них *res pes mancipi* (одежда, золото, серебро, посуда и т.п.) переходили из рук в руки путем передачи (*traditio*), не требовавшей сложных процедур. Таким образом, постепенно с усложнением социальной и хозяйственной жизни римской гражданской общины важнейшая часть фамильного имущества (*res mancipi*), непосредственно связанная с личностью домовладыки, была вовлечена в активный оборот.

С подразделением имущества фамилии, включенного в хозяйственную деятельность и торговый оборот, на *res mancipi* и *res pes mancipi* связано появление бинома *familia* и *rescupia*, которым обозначали всю совокупность имущества семьи. Впервые этот термин засвидетельствован в законах XII таблиц⁴⁷. Эти два слова нередко стоят рядом: *familia rescupiaque*. О значении слова *rescupia* в данном контексте продолжают спорить, и существуют различные точки зрения⁴⁸. Так, одни, отталкиваясь от свидетельств Гая (II. 104) и Цицерона (*De leg.* III. 7), видят в *rescupia* собственно имущество. Другие же, основываясь на текстах Феста (P. 21 L), Варрона (RR. II. 1. 9; 11) и других, — деньги и богатство. Не вдаваясь в эту сложную и длящуюся со времен Моммзена до современности дискуссию, отметим только, что в интересующую нас эпоху с конца III в. до н. э. архаическая специфика терминов, составляющих бином *familia rescupiaque*, была утрачена, оба они приобрели генерализирующее значение «имущество» и стали

⁴⁷ *Cic. De inv.* II. 148; *Gai.* II. 104.

⁴⁸ Об этом см., например: Leonhard 1909, 1980–1981, а также краткий, но исчерпывающий обзор в кн.: Дождев 1993, 118–119.

взаимозаменяемыми⁴⁹. Таким образом, мы можем не задерживаться далее на рассмотрении «*rescunia*», и с хозяйственной точки зрения понимать под «*familia*» семейное имущество, состоящее из манципируемых вещей. Употребление термина *familia rescuniaque* в несколько расплывчатом смысле наглядно показывает, каким сложным и противоречивым социально-экономическим феноменом предстает в римской истории *familia*.

Согласно принципам классического права, лица, подчиненные отцовской власти и власти господина, не могли иметь собственного имущества. Всем имуществом семьи полновластно распоряжался домовладыка. С развитием товарно-денежных отношений и ростом семейной собственности ее главе в одиночку руководить сложным хозяйством становилось все труднее, и *pater familias* был вынужден передавать сыну часть имущества в виде пекулия, которым тот распоряжался самостоятельно. Наряду с этим распространение получил и рабский пекулий (*peculium servile*). В эпоху Республики практику, когда лица чужого права (*alieni iuris*) могли располагать определенным имуществом, претор включил в систему правового регулирования. Пекулий передавался подвластному лицу с целью увеличения имущества домовладыки⁵⁰. Вверенный рабу или сыну, пекулий хотя и становится автономным экономическим организмом, тем не менее, в конечном итоге обогащает *pater familias*. Но счета раба и господина ведутся при выделении пекулия уже отдельно. Связь подвластного с пекулием становилась настолько прочной, что когда сын или раб выходили из-под власти домовладыки, они, как правило, так или иначе сохраняли имущество пекулия за собой.

Находясь во главе фамилии, *pater familias* в области хозяйственной деятельности нес ответственность за все промахи своих подвластных и отвечал по долгам и договорам сыновей и рабов, управлявших пекулием. Однако он отвечал не вместо подвластного, а вместе с ним: в притязании иска (*intentio*) фигурировало имя подвластного, а в судебном решении уже оглашалось имя домовладыки.

Претор устанавливает такого рода ответственность с помощью ряда исков. Прежде всего, это иск о пекулии, выделенном домовладыкой подвластному (*actio de peculio*), где ответственность была ограничена размером пекулия. Похожий принцип был положен в основу иска об институте, поставленном домовладыкой во главе какого-

⁴⁹ Diosdi 1964, 87–105.

⁵⁰ D. 15. 1. 4. 1: *re enim, non verbis peculium augendum est.*

либо предприятия (лавки или мастерской). Формулой такого иска (*actio institoria*) предусматривалась ответственность *pater familias* в полном объеме (*in solidum*: Gai. IV. 71) в рамках предписанной инститору деятельности. Свои особенности имел иск о судовладельце (*actio ex-ercitoria* – Gai. IV. 71; D. 14. 1. 1. 15–20), который сам мог быть лицом, подчиненным власти *pater familias*, но ставил во главе корабля старшего (*magister navis*). По определенным обязательствам из сделок подвластных господин отвечал в полном объеме (*in solidum*). Так было в случае предъявления иска по поводу действий, совершенных ими по приказу домовладыки (*actio quod iussu*) или приведших к его прямому обогащению (*actio de in rem verso*). Но если подвластный совершал сделки по своей инициативе, то *pater familias*, как правило, отвечал лишь в объеме пекулия⁵¹. Все эти правовые механизмы регулировали хозяйственную деятельность в рамках фамилии и оказывали воздействие на размеры и структуру имущественного комплекса, находившегося под контролем *pater familias*.

Рост экономической и хозяйственной жизни и развитие товарно-денежных отношений, основанных в первую очередь на торговле и ремесленном производстве, привел к возрастанию роли денег в жизни римской фамилии. С развитием древнеримской экономики шло неуклонное накопление домовладыкой значительных богатств. Это вело к повышению в экономической жизни фамилии роли драгоценностей, украшений и наличных денег. Другой стороной этого процесса явилось распространение владений фамилии и ее имущества в различных формах на значительном расстоянии от Рима. Такие изменения разрушили основание для деления вещей на *res mancipi* и *res nec mancipi*, и в эпоху классического права появляется новое понятие, точнее связанное с новой экономической ситуацией, – *res pretiosiores*, особо ценные вещи⁵². Деление вещей на *res mancipi* и *res nec mancipi*, характерное для аграрной экономики, в условиях развитых товарно-денежных отношений теряет первичное основание, и не только в бытовом восприятии древних римлян, но даже в юридическом сознании эти понятия в конце концов вытесняются другими⁵³.

Итак, понятие *familia* отражает широкий спектр неразрывно связанных между собой в единое целое лиц, выступающих в различных

⁵¹ Cp.: D. 14. 1. 1. 20: si sit in aliena potestate, si quidem voluntate gerat, in solidum eum obligari, si minus, in peculium.

⁵² Дождев 2008, 355.

⁵³ Гарсия Гарридо 2005, 236.

статусах, и вещей, предстающих в самых разнообразных формах и качествах, которые целиком и полностью подчинены домовладыке. В основе этого явления, как в свое время отметил В.М. Смирин, лежит представление об изначальном нерасчлененном единстве лиц и вещей⁵⁴, характерное для архаического мышления, господствовавшего в древнеримском обществе, которое наиболее полно проявлялось на ранних этапах существования древнего Рима. Отражение этих реалий мы находим даже в римском праве классической эпохи, в котором были доведены до логического совершенства систематизация и внутреннее членение любого феномена. *Familia*, по словам Ульпиана, обозначает как вещи (совокупность имущества), так и лица (группу лиц)⁵⁵, которые целиком и полностью подчинены власти домовладыки.

Целью самостоятельной хозяйственной деятельности домовладыки было обеспечить себе и своей семье достаток и возможность накопления богатств. Однако абсолютной свободы в этом у домовладыки не было, поскольку римская фамилия и гражданская община выступают в неразрывном единстве. Существование сакрально чистой и экономически крепкой семьи служило залогом процветания всей римской гражданской общины. Поэтому *civitas* устанавливала определенные рамки для жизни фамилии и поведения ее главы и создавала механизмы контроля над деятельностью *pater familias*. Была создана система защиты экономической основы существования римской семьи, которая не допускала расточительной траты средств и имущества домовладыкой⁵⁶.

Данный аспект важен потому, что фамилия играла центральную роль в формировании состава и структуры римского гражданского коллектива, так как войти в состав римских граждан можно было только через фамилию. Община регулировала этот процесс и определяла принципы и механизмы его пополнения. Вне фамилии не мог стоять ни свободный, ни раб. Войти в нее или выйти можно было лишь под контролем общины или, по крайней мере, с ее ведома, в частности, через практику усыновлений. Усыновленный попадал под власть домовладыки, принимал его имя, участвовал в семейных культах и не имел права принятия самостоятельных решений. Под

⁵⁴ Смирин 1985, 72.

⁵⁵ D. 50. 16. 195. 1: *familiae appellatio varie accepta est. Nam et in res et in personas deducitur.*

⁵⁶ Ляпустин 1991, 50–61; Квашнин 2006; 2009; Sauerwein 1970; Hunt 1996.

контролем главы семейства в совместной с ним политической и хозяйственной деятельности подвластный усваивал нормы и правила поведения и господствующие в обществе ценности. Фамилия выступала важнейшей структурой, в рамках которой шло становление римлянина как гражданина и подготовка его к полноценной и активной политической, социально-экономической и военной деятельности.

§3. Фамилия и крестьянское хозяйство

Римская фамилия, подобно греческому ойкосу, выступает центральным явлением в экономической жизни античного общества⁵⁷, и в ее рамках шло становление крестьянского хозяйства. Это напрямую связано с особенностью античной формы собственности, в силу которой полноценным и полноправным гражданином мог быть только владелец земли на территории общины⁵⁸. По мнению Е.М. Штаерман, именно в начале III в. до н.э., ко времени войны с Пирром (т.е. одновременно с оформлением фамилии), сложилось и римское крестьянство, составившее основу гражданского и военного строя римской *civitas*⁵⁹.

Хозяйство крестьянина, целиком связанное с сельскохозяйственным производством, характеризует ручной труд его самого и членов его семьи с привлечением силы животных. Итальянские крестьяне использовали весьма ограниченный набор сельскохозяйственных орудий, практически не изменявшийся на протяжении всего периода Республики. Значительная доля элементов орудий труда была деревянная, только рабочая часть изготавливалась из железа. Итальянский плуг имел железный лемех, но был бесколесным и не имел отвала. Широко использовались мотыги и лопаты. При сборе урожая повсеместно применяли серп. Единственным механическим приспособлением, широко применявшимся в сельском хозяйстве, были прессы для выжимания винограда и оливок. Весьма неудобным и тихходным из-за несовершенства упряжи был и наземный транспорт. Все это вместе взятое было одним из факторов (помимо ограниченности пашенных площадей в римской общине), ставивших определенные границы возможностей расширения возделываемого участка⁶⁰.

⁵⁷ Finley 1973, 18.

⁵⁸ Штаерман 1973, 5; 1996, 54.

⁵⁹ Штаерман 1974, 34–67; 1996, 55, 76. М. Финли также считал, что история древнего общества представляет собой историю крестьянства (Finley 1973).

⁶⁰ Кузичин 1973, 34; Nicolet 1988a, 59.

Мы не располагаем статистическими данными о размерах крестьянских участков в республиканском Риме. В царский период надел в 2 югера (*bina iugera*) был обычным для римского гражданина (Plin. NH. XVIII. 7). Момзен, исходя из размеров ценза, считал, что представители первого разряда владели участками в 20 югеров⁶¹, а представители низших разрядов – соответственно меньшими. Однако традиционно считается, что домовладыка имел 2–7 югеров с правом пользоваться общей землей общины, на территории которой располагался участок⁶². В римской литературе, прославлявшей простоту и скромность знаменитых полководцев и сенаторов Ранней республики, специально (явно в дидактических целях) подчеркивались небольшие размеры наделов, которые те сами и обрабатывали. Колумелла (Praef. 14) восхваляет Квинция Цинцинната, который после победы над врагами снял с себя диктаторские полномочия и вернулся к 4 югерам дедовского надела. Восхищается он и Г. Фабрицием, и Манием Курием Дентатом, которые, прославив себя победами над самнитами и борьбой с Пирром, как и простые квириты продолжали трудиться на семи югерах, с презрением относясь к богатству и отвергнув богатые подношения врагов. В этом же духе противопоставления простоты и скромности предков безудержной погоне за богатством в современном ему обществе Плиний вспоминает легендарных Мания Курия с 7 югерами и Цинцинната с 4 югерами (Plin. NH. XVIII. 18–20). К этому следует добавить, что колонисты в IV в. до н.э. действительно получали небольшие наделы. В земле вольсков было нарезано по 3 и $7/12$ югера (*terna iugera et septunces viritim*), а на вейской земле по 7 югеров (*septena iugera plebi* – Liv. V. 24. 4; 30.8). Как видим, в эпоху Ранней республики крестьянский надел в 7 югеров не только служил удовлетворению материальных потребностей фамилии, но и позволял достойно выполнять гражданские функции.

Только уже в начале II в. до н.э., после I Македонской войны легионеры-колонисты стали получать значительно большие наделы: в Вибионе по 15 югеров, а всадники в два раза больше (Liv. XXXV. 40. 5–6). А в Бононии воины получили по 50 югеров, а всадники 70 югеров (Liv. XXXVII. 57. 7–8). Такие же большие участки колонисты получили только в Аквиле в 181 г. до н.э.: рядовые воины по 50, центурионы по 100, а всадники по 140 югеров (Liv. XL. 34. 2). Судя по дошедшим сведениям, это наибольшие размеры участков, которые

⁶¹ Моммзен 1994, 91.

⁶² Штаерман 1996, 53.

получали рядовые квириды при раздаче земли в колониях. Однако и деление земель носило массовый характер, и именно в начале II в. до н.э. колонизационное движение достигло апогея. Типичный надел крестьянина, как показали исследования, колебался от 2–5 до 30 югеров⁶³. К этому добавилось и богатая добыча в виде скота, пахотных быков, денег, а порой и рабов, которую стали получать в ходе победоносных войн рядовые легионеры. Это укрепляло экономические основы крестьянского хозяйства.

Мы не будем останавливаться на описании характерных для крестьянского хозяйства принципах организации рабочей силы, приемах обработки почвы и возделывании культур. Они уже были подробно рассмотрены в отечественной науке⁶⁴. Остается только присоединиться к утвердившемуся выводу, что подавляющее большинство римских граждан в III в. до н.э. были крестьянами, а Италия до II в. до н.э. оставалась преимущественно крестьянской страной⁶⁵.

Отсюда ясно, что говорить о самостоятельном функционировании фамилии как хозяйственного организма можно не ранее III в. до н.э., и фамилия первоначально предстает как крестьянская семья, ведущая хозяйство своими силами. В контексте экономики для нас важно прежде всего то, что словом *familia* обозначали всех зависимых от *pater familias* домочадцев, совместно проживавших на его собственности и включенных вместе с ней в единую хозяйственную деятельность (D. 50. 16. 40. 2; 195. 2).

Однако, как представляется, полностью отождествлять крестьянское хозяйство и фамилию неправомерно. По крайней мере, в период расцвета древнего Рима во II в. до н.э. – I в. н.э. хозяйственная структура фамилий знати была совершенно иной. Кроме того, древнеримская крестьянская фамилия обладала рядом особенностей, отличавших ее от крестьянства в других докапиталистических обществах.

Прежде всего, если во всех цивилизациях семья составляла первичную социально-экономическую ячейку общества, то в латинском языке не возникло самостоятельного термина обозначающую только семью. *Familia* имеет более широкий и неоднозначный смысл: это все лица, свободные или нет, которые зависят от власти *pater familias*; другое значение – это все, кто происходит от общего предка; далее,

⁶³ Кузищин 1973, 24.

⁶⁴ Кузищин 1973, 11–51.

⁶⁵ Кузищин 1973, 13.

это обозначение совокупности имущества (собственности) одного лица; наконец – это просто рабы (и связанные с домовладыкой отпущенники), но не жена и дети⁶⁶. По существу в этом многогранном термине нашла отражение концентрация значительного большего социально-экономического потенциала, чем у традиционной семьи в других древних и средневековых обществах. Фамилию Е.М.Штаерман верно характеризует как общину⁶⁷. Этот потенциал создавал больше возможностей для домовладыки активно проявлять себя во всех сферах деятельности, а не только в экономике. Однако и сам по себе крестьянский тип хозяйства – явление весьма противоречивое.

Исследуя организацию крестьянского хозяйства, А.В. Чаянов отмечал, что, какое бы значение ни придавалось «влиянию рынка, размерам землепользования, наличности средств производства и естественным условиям плодородия... технически организующим элементом всякого производственного процесса являются рабочие руки»⁶⁸. Поэтому степень трудовой активности всецело определяется составом и размером семьи. Однако эта активность имеет широкий диапазон и может значительно колебаться при одинаковом уровне развития производительных сил в одной природно-климатической среде, поскольку крестьянское хозяйство представляет собой весьма изменчивый феномен. Оно может функционировать как в высшем, так и низшем пределах объема ее хозяйственной деятельности при абсолютно одинаковых производственных условиях. Низший объем хозяйства определяется той суммой материальных благ, которые необходимы для существования семьи и сводятся к замкнутому, натуральному самообеспечению. Но это же хозяйство при необходимости может достигнуть и наивысшего предела объема хозяйства за счет наибольшего и напряженного использования в труде рабочей силы⁶⁹. Как было отмечено в работах по исследованию крестьянской экономики, крестьянское хозяйство в отличие от капиталистического предприятия не стремится к максимальному использованию своих хозяйственных возможностей, а служит по большей части удовлетворению потребностей в пределах низшего объема⁷⁰. Поэтому, рассматривая производственный процесс в крестьянском обществе, необходимо

⁶⁶ Finley 1973, 16.

⁶⁷ Штаерман 1974, 41–49; 1978, 73–75; Кузищин, Штаерман 1989, 44.

⁶⁸ Чаянов 1989, 214.

⁶⁹ Чаянов 1989, 214, 221, 230.

⁷⁰ Дубровский 2010, 43.

учитывать помимо размеров и структуры трудовой семьи также и иные факторы, которые влияют на ее хозяйственную деятельность.

Действительно, как показывают факты из древней и средневековой истории и этнографический материал, крестьянская экономика позрывает в объеме при внешнем давлении на нее и сразу же сворачивается, когда это внешнее давление ослабевает. Интенсивность крестьянского труда падает, когда надо кормить меньше ртов. Крестьяне предпочитают меньше работать, а не богатеть. По данным археологических исследований, после падения античного общества в раннем средневековье в отдельных районах Италии материальная культура начинает напоминать культуру эпохи неолита: происходит переход от пашенного земледелия к мотыжному и даже к охоте и собирательству. На протяжении всего раннего средневековья европейское общество остается бедным, потому что власть имущие получали сравнительно небольшую долю общественного продукта. Но в это время и крестьяне не богатеют. Это означает, что крестьяне меньше работают. Однако с установлением сеньориального строя после 1000 г. начинается подъем средневековой экономики, что вызвано усилением принуждения к труду зависимого крестьянства феодалами⁷¹. Под внешним давлением эксплуатации средневековое крестьянское хозяйство выходит на «наивысший предел объема»⁷² его деятельности».

Однако если закон функционирования крестьянского хозяйства, открытый Чаяновым на материале русской деревни, универсален (а в пользу этого говорят приведенные выше исследования средневековой экономики), то возникает вопрос, с какой стороны исходило то внешнее давление, которое не позволяло хозяйству римского крестьянина свернуться до низшего уровня, стимулировало его развитие и в конечном счете повышение товарности и стремление к денежным доходам? Несомненно, главным фактором, влияние которого было многогранным (о чем уже неоднократно говорилось выше), выступает политика, которая в античном Риме глубоко проникла во все сферы экономики и подчинила ее себе. Квирита можно назвать истинным *homo politicus*⁷³. Особенность римского крестьянства, отличающая его от других земледельцев древности и средних веков, – статус гражданина, предполагавший политическую активность, участие в на-

⁷¹ Дубровский 2010, 43–45.

⁷² Чаянов 1989, 214.

⁷³ Вебер 2001b, 470.

родном собрании и военном ополчении, и, следовательно, необходимость вооружаться на собственные средства. В принципе это вполне обеспечивало уже фамильное хозяйство на 7 югерах. Плиний передает слова Мания Курия, который своим примером показывал квири-там, как, возделывая такой участок, можно успешно решать хозяйственные дела и всегда быть готовым к исполнению гражданских, военно-политических функций: «Опасным надо считать гражданина, которому семи югеров недостаточно»⁷⁴.

Помимо этого, в гражданской общине на экономическую деятельность влиял такой фактор, как потребность постоянно поддерживать свой социальный статус и при возможности стремиться к его повышению. В этом плане характерна переданная Плинием история вольноотпущенника Гая Фурия Кресима. После освобождения из рабства он стал получать с довольно маленького участка урожай гораздо обильнее тех, которые в округе получали собственники значительно больших земельных владений, что вызвало зависть соседей и обвинение в колдовстве. Тогда, чтобы пресечь кривотолки, новоявленный гражданин привел на форум здоровенных рабов, сытых и хорошо одетых, ухоженных волов и принес весь свой сельскохозяйственный инвентарь с железными орудиями превосходной работы. И к этому добавил: «Вот мое колдовство, квирицы, но я не могу показать вам или привести на форум мое раннее вставание, мое бодрствование по ночам, проливаемый мною пот». В результате он был оправдан⁷⁵. По всей видимости, у Кресима был участок около 30 югеров, поскольку после 167 г. до н.э. в сельские трибы стали записывать тех отпущенников, которые имели владения в сельской местности стоимостью свыше 30 000 сестерциев, что примерно и соответствует размерам такого надела⁷⁶. И хотя этот рассказ Плиний приводит в контексте прославления личного труда свободного крестьянина в противоположность отделившимся от этого идеала владельцам вилл, однако он отражает реальный процесс влияния на римского квирита, заня-

⁷⁴ *Plin. NH. XVIII. 18: perniciosum intellegi civem, cui septem iugera non essent satis.*

⁷⁵ *Plin. NH. XVIII. 41–43: C. Furius Cresimus e servitute liberatus, cum in parvo admodum agello largiores multo fructus perciperet, quam ex amplissimis vicinitas, in invidia erat magna, ceu fruges alienas perliceret veneficiis. quamobrem ab Spurio Albino curuli <aedile> die dicta metuens damnationem, cum in suffragium tribus oporteret ire, instrumentum rusticum omne in forum attulit et adduxit f<am>iliam suam validam atque, ut ait Piso, bene curatam ac vestitam, ferramenta egregie facta, graves ligones, vomeres ponderosos, boves saturos. postea dixit: «Veneficia mea, Quirites, haec sunt, nec possum vobis ostendere aut in forum adducere lucubrationes meas vigiliisque et sudores». omnium sententiis absolutus itaque est.*

⁷⁶ Штаерман 1964, 91–93; Кузищин 1973, 28–29.

того сельским трудом, тех стимулов, которые позволяли ему утвердиться в данном социальном статусе или даже подняться выше. Недаром Кресим привлек для возделывания участка физически крепких и, по-видимому, квалифицированных рабов.

В принципе состав, организация власти, формы господства и подчинения в фамилии идеально подходили к размерам и формам трудового процесса, а также самим целям жизни и деятельности крестьянского хозяйства, создавая наилучшие условия для его интенсивного функционирования на высшем уровне и в полном объеме. Исследования крестьянского хозяйства в древнем Риме показали, что это был жизнеспособный организм, который безболезненно мог пережить сложную рыночную конъюнктуру, трудности денежного обращения и т.п.⁷⁷ Однако исторические рамки его успешного функционирования были предопределены самой природой древнеримского общества. Верхний предел развития крестьянского хозяйства был достигнут, когда верхушка римского общества оформилась в *ordines*, поднявшиеся над рядовыми гражданами, и включилась в серьезное, профессиональное участие в политике. Этот феномен оказывал значительное, если не решающее, влияние возможности развития и даже самого существования такого хозяйства. Для вхождения в элиту и профессионального участия в политике требовалась хозяйственная структура более крупная, развитая, сложная и доходная, чем крестьянское хозяйство, ориентированное на самообеспечение. Поэтому экономическая история фамилии начинается как история крестьянского хозяйства, но высших форм своего развития эти структурная единица римского общества достигает только тогда, когда отрывается от него.

Однако сказанным не исчерпывается все многообразие социально-экономических процессов, протекавших в Риме в эпоху, когда завершалось складывание того типа общества, с которым связан расцвет римского государства периода Поздней республики и Ранней империи. Особенностью античного мира была предельная сближенность и глубокое взаимопроникновение самых различных сфер жизни: хозяйственной, государственно-политической, идеологической и повседневно-бытовой. Эти аспекты оказались так естественно переплетены между собой, что разделить их, не привнося искажения в древнеримские реалии, оказывается невозможным⁷⁸.

⁷⁷ Кузищин 1973, 50–51.

⁷⁸ Кнабе 1988, 12.

Структурные изменения шли постепенно и не означали автоматически синхронного и адекватного формирования единых коллективных представлений и выражения их в экономической и духовной сферах жизни. Для того чтобы фамилия с активным гражданином во главе стала основой римской гражданской общины, недостаточно только правовых норм и повседневно-бытовой практики. Необходимо, чтобы главы семей осознали свое главенствующее место и роль в жизни общества, чтобы изменилась мотивация их поведения. Без этой духовной составляющей полноценное функционирование семейного организма как основной ячейки древнеримского общества просто невозможно. Поэтому важно проследить, каким образом происходило то осознание римскими гражданами своего нового места в общественной жизни, которое напрямую влияло на мотивацию экономического поведения глав семей.

Преградой на пути превращения фамилии в основную структуру античного Рима стояли знатные, влиятельные и богатые роды. Как известно, древнейшая история Рима была прежде всего историей *gentes*, которые продолжали доминировать и в эпоху Ранней республики. Источники упоминают *gentes* и гентильные организации⁷⁹, куда входили и римские семейные группы. В начальный период римской истории *gentes* представляли собой общинную организацию и были основными носителями социально-экономических отношений. Первоначально *gens* – это группа, осознававшая общее происхождение, имевшая единое родовое имя (*nomen*), родовой культ и родовую гробницу. Позже родовые связи между членами рода (*gentiles*) ослабли, и в позднереспубликанское и императорское время *gentes* уже не составляли общин⁸⁰. Однако по законам XII таблиц при наследовании без завещания гентильные связи продолжали учитываться⁸¹.

Уже со времен царского Рима утвердилась традиция называть курии, паги и трибы по именам наиболее влиятельных патрицианских *gentes*, что связано с их большим влиянием на жизнь римской общины⁸². А свидетельства в источниках о наделении известных родов землей указывают на родовой характер земельной собственности⁸³. Римские *gentes* выступали основными фигурами в жизни римской

⁷⁹ XII tab. V. 5–7a; *Dionys.* IX. 18; *Liv.* II. 49.

⁸⁰ Маяк 1983, 149.

⁸¹ XII tab. V. 5; cf. *Cic. De inv.* II. 50. 148: si paterfamilias intestato moritur, familia pecuniaeque eius agnatum gentiliumque esto.

⁸² Маяк 1983, 124–125.

⁸³ *Liv.* II. 16; *Dionys.* V. 40; *Cic. Har. resp.* 8. 16.

civitas. Опираясь на свой потенциал, они стремились расширить свои земельные владения за пределы римской общины и установить там свое влияние. Наиболее сильные и многочисленные роды, как Фабии, совершали самостоятельные военные походы на соседей⁸⁴. Все это укрепляло доминирование знатных gentes над фамилиями во всех сферах жизни – от политической до экономической. Но этот процесс аграрной экспансии был в значительной мере ограничен законами Лициния–Секстия (367 г. до н.э.). Введение земельного максимума в 500 югеров надолго ограничило рост крупного землевладения и ослабило влияние знатных родов⁸⁵.

Эти законы в аграрной области привели к существенным социально-экономическим изменениям в древнеримском обществе. Наиболее важным здесь было даже не введение максимума на аренду ager publicus, хотя это и сыграло важную роль в массовом формировании самостоятельных фамилий, располагавших большими (по сравнению с предыдущим периодом) земельными наделами, находившимися в их руках, и появлению древнеримского крестьянства как самостоятельной социально-экономической и политической силы⁸⁶. Главное – то, что начавшийся еще в конце V в. до н.э. и активно протекавший в IV в. до н.э. процесс колонизации вывел из-под контроля патрицианских gentes основную массу римских колонистов. А это неизбежно ослабляло влияние знатных родов во всех сферах, в том числе и экономической. Наиболее наглядно новая расстановка сил в древнеримской общине выразилась в том, что учреждаемые в ходе экспансии новые сельские трибы получали названия по местности, а не по именам патрицианских gentes.

К концу IV в. до н.э. относятся и самые ранние следы центуриации ager publicus на территории Апеннин⁸⁷. Этот аграрный процесс не столько подорвал земельную силу знати, сколько заложил основы того типа землевладения, на котором базировались и социальный престиж, и экономическое благополучие древнеримских фамилий. И хотя земельный участок колониста в IV и III вв. до н.э. был лишь прототипом villa rustica, и до сельскохозяйственного поместья катонов-

⁸⁴ Dionys. IX. 18; Liv. II. 49.

⁸⁵ Не имея возможности останавливаться на вопросах, выходящих за рамки нашей темы, укажем только литературу, в которой данная проблема рассматривается подробно: Утченко 1947, 153–162; Заборовский 1978, 10–19; Кофанов 1994, 162–164; Штаерман 1996, 33–35; Guarino 1990, 76–82; Cassola, Labruna 1991, 218–222.

⁸⁶ Штаерман 1996, гл. 1, особ. 33–34.

⁸⁷ Torelli 1990, 125–127.

ского типа еще предстоял длительный путь развития⁸⁸, тем не менее, фактически благодаря этому сложился новый социально-экономический порядок. В итоге патрицианские *gentes* были оттеснены в этой сфере с ведущих позиций, и на их место в римской *civitas* приходит фамилия. При этом нивелировались различия между патрицианскими и плебейскими семьями. Интересно, что в начале III в. до н.э., судя по консульским фастам, за короткий период времени среди носителей высшей магистратуры появляется восемь новых фамилий, пять из которых вообще были неримского происхождения⁸⁹. Это наглядно свидетельствует об общем направлении и синхронности многих изменений, происходивших тогда в древнем Риме. Однако процесс этот был сложным и неоднозначным. Ошибкой было бы считать, что экономическое равенство автоматически порождало утверждение в жизни новой духовной атмосферы и системы ценностей. Этого не могло быть уже хотя бы потому, что экономика в античном мире, в отличие от современности, была не базовым элементом, а наоборот, вторичным, зависящим от политической, идеологической и других сфер жизни общества.

Широкие слои квиритов не могли автоматически осознать свое новое место в обществе и, тем более, внятно выразить это в общественной и духовной жизни и в мотивации поведения. А это означало, что перед римской *civitas* в III в. до н.э. открылись пути альтернативного развития. И от того, в каком направлении соединятся действия объективных факторов и субъективных действий сил, доминировавших в гражданской общине, зависели дальнейшие пути развития римского общества и утверждение той или иной политической и экономической модели.

Главы рядовых фамилий получили благоприятные условия для развития и увеличения своей роли в жизни общины. Однако патрицианские фамилии и влившаяся в ряды нобилитета новая знать продолжали сохранять лидирующее положение в *civitas* и влияние в военно-политической жизни Рима. Поэтому основная линия противоречия проходила по линии рядовые граждане – нобили. Представители знатных родов, которые фактически составляли командный состав военной организации, стремились всячески подчеркнуть свой авторитет. Главным инструментом этого выступали трофеи и богатства, добытые полководцами в победоносных войнах. Однако упомянутая

⁸⁸ Torelli 1990, 127–132.

⁸⁹ Forsythe 2005, 335–336; Квашнин 2009а, 65.

ныше зависимость экономики от идеологических и морально-этических норм приводила к тому, что богатая военная добыча использовалась ими не для личного обогащения, а шла на сооружение в Риме от своего лица монументальных сооружений (главным образом храмов⁹⁰ и квадрипортиков). Согласно данным триумфальных списков, с 345 по 190 г. до н.э. от имени полководцев, удостоенных триумфа, было построено 32 храма⁹¹.

Эти сооружения становились архитектурными центрами Рима, украшавшими город, и служили прославлению знатных родов, к которым принадлежали фамилии, принесшие в дар Юпитеру Капитолийскому военные трофеи. Однако такое украшение и преобразование центра города не следует воспринимать только как служение *civitas*. Скорее это было одно из средств утверждения своего господства в ней. По верному замечанию Пьера Гро⁹², сооружения этой эпохи ни в коей мере не представляли собой элементов систематической монументальной застройки Рима, которая отвечала бы организации общественного пространства в интересах общины. Напротив, это была яркая форма демонстрации престижа отдельных патрицианских семей. В данном феномене, как в зеркале, отразилась борьба знатных фамилий за политическое влияние и доминирование в Риме.

В том же русле утверждения престижа знати велась застройка римского Форума. В III в. до н.э. знатные роды Лициниев, Мений и Тициев имели там частные здания с атриумами⁹³, которые использовались владельцами для различных целей. Именно перед своими атриумами Мений впервые обустроил пространство для гладиаторских игр⁹⁴. В то же время плебсу на форуме принадлежали только таберны: они так и назывались – *plebeiae tabernae*⁹⁵ – и в III в. до н.э. с трех сторон окружали Римский форум⁹⁶.

Это различие в типах строений, пожалуй, наиболее наглядно свидетельствовало о реальном политическом неравенстве, различной социально-экономической роли и доле участия этих групп в жизни

⁹⁰ О храмовом строительстве в предшествующий период см.: Сморяков 2011, 28–44.

⁹¹ См. об этом: Oakley 1993, 27; Квашнин 2009а, 60–62.

⁹² Gros 1990, 135–137.

⁹³ Coarelli 1985, 45–46; Gros 1990, 135–137.

⁹⁴ *Fest.* 120 L: *Maeniana appellata sunt a Maenio censore, qui primus in foro ultra columnasigna proiecit, quo ampliarentur superiora spectacula.*

⁹⁵ *Fest.* 258 L: *<Plebeias tabernas no>vas vocant nos <...> ...as esse, et septem feruntur olim fuisse. Plebeias appell>amus a genere magistratus. Eas enim faciendas curaverunt M. Iunius Brutus, Q. Oppius aediles plebis.*

⁹⁶ Coarelli 1985, 149.

римского государства. До пожара 210 г. до н.э. в Риме вообще не существовало общественных базилик⁹⁷, которые бы олицетворяли единство и равенство гражданского коллектива. В этой ситуации у плебса не было никакой возможности что-либо противопоставить мощному влиянию со стороны патрицианских фамилий.

Но в формировании духовной атмосферы III в. до н.э. важную роль сыграло политическое противостояние между знатными патрицианскими фамилиями и влившимися в нобилитет плебейскими семьями⁹⁸, которое помогло молчаливому рядовому большинству, неспособному преодолеть архаическое сознание, осознать свое новое положение в римской *civitas* и адекватно выразить себя во всех сферах деятельности. В этот период в Риме шло настоящее состязание между патрицианскими и плебейскими фамилиями на ниве строительства общественных зданий, которые буквально преобразили облик города и более внятно стали отражать новую духовную ситуацию в римской гражданской общине. Сооружению патрицианскими фамилиями храмов из военной добычи на Капитолии и Палатине Тиберий Семпроний Гракх в 238 г. до н.э. противопоставил возведение храма Свободы на Авентине на деньги от штрафов (Liv. XXIV. 16. 19). Постройке цирка Фламиния было противопоставлено открытие в 221 г. до н.э. *Circus Maximus*, где были устроены плебейские игры. Луций Постумий еще будучи курульным эдилом построил на средства, взысканные по суду, храм Победы на Палатине (Liv. X. 33. 9), явно противопоставляя его храму Юпитера, сооруженному там же Фабием Руллианом. А Клавдий Марцелл вообще попытался открыто оттеснить и затмить представителя патрицианской знати: храм Чести, сооруженный в 233 г. до н.э. перед *Porta Capena* Квинтом Фабием Кунктатором, он согласно дважды данному им обету посвятил в 208 г. до н.э. двум божествам — Чести и Доблести (Liv. XXVII. 25.7) — и украсил его богатой добычей, захваченной при взятии Сиракуз.

Вся эта строительная деятельность в Риме (сюда надо еще добавить сооружение квадрипортиков) отражала острое соперничество за доминирование в римской *civitas*⁹⁹. Особенно показательна в этом плане борьба, развернувшаяся вокруг храма, который Клавдий Марцелл решил посвятить Чести и Доблести. Раздосадованная патрицианская знать через понтификов воспрепятствовала освящению храма

⁹⁷ Liv. XXVI. 27. 3: *neque enim tum basilicae erant*.

⁹⁸ Об этом см. Cassola 1962.

⁹⁹ Gros 1990, 137.

под предлогом, что нельзя двум божествам быть в одном помещении, ибо если туда попадет молния или случится какое другое несчастье, то будет непонятно, какому богу надо приносить жертву, и трудно будет получить искупление, да и вообще двум божествам якобы нельзя приносить жертву (Liv. XXVII. 25. 8–9). Сопротивление патрицианских родов было настолько сильным, что освещение храма было проведено только в 205 г. до н.э. сыном Марцелла, уже после гибели полководца.

Эти архитектурные сооружения, возводившиеся представителями плебейских фамилий, так же как ранее патрициями, несомненно, должны были напоминать о величии посвященных. Однако результаты деятельности плебейской знати, выступавшей против засилья патрициата в политической и духовно-идеологической сферах и апеллировавшей к широким слоям плебса, не ограничивались только ростом их престижа, но объективно служили интересам всей общины. В этом были напрямую заинтересованы сами лидеры плебса, прежде всего из-за личного соперничества в политике.

Для своего утверждения новым политическим лидерам необходимо было противопоставить авторитету патрицианской знати, опиравшемуся на богатство и традицию, популярность и поддержку рядовых граждан. Без этой опоры ни славы, ни престижа новой знати было не добиться. А только это обеспечивало победу на выборах высших магистратов и соответствующий статус и авторитет. Кроме того, в ходе первой и особенно второй Пунических войн перед лицом военной угрозы резко возросла роль рядовых квиритов и сплоченность всех членов общины, что неизбежно вело к установлению равенства и возрастанию роли общинного начала в общественной и духовной жизни.

Отражением именно этих тенденций стал закон плебейского трибуна Оппия о роскоши, принятый в 215 г. до н.э., в самый сложный период Ганнибаловой войны после катастрофического поражения римских легионов у Канн. Ограничение трат на роскошь, когда женщинам было запрещено надевать цветные платья, носить золотые украшения и выезжать на колесницах (Liv. XXXIV. 1. 3), конечно, было продиктовано потребностями военного времени¹⁰⁰. Однако то, что этот закон строго регулировал на протяжении 20 лет денежные траты в римских фамилиях не только во время разрушительной вой-

¹⁰⁰ Подробнее об Оппиевом законе против роскоши см.: Sauerwein 1970, 39–42; Ляпустин 1991, 50–62; Квашнин 2006, 71–93.

ны, но и после ее окончания, свидетельствует о более глубоких процессах, протекавших в это время в римском обществе. Закон Оппия несомненно имел для Рима еще и «ценностный смысл»¹⁰¹. Опираясь на авторитет нравов предков, он фактически уравнивал в повседневном поведении женщин из богатых семей с представительницами рядового плебса, а через это в определенной мере повлиял и на место этих фамилий в повседневной жизни и изменение всей общественной атмосферы.

Духовная жизнь любого общества неизбежно отражается и фиксируется в архитектуре. В Риме этого периода ценностный аспект находил свое материализованное выражение в организации центра римской общины – Форума. Смена основных типов зданий на нем свидетельствовала о смене духовных и социально-политических приоритетов. Как говорилось выше, в IV–III вв. до н.э. на Форуме доминирующее положение занимали дома атриумного типа *atrium regium*, атриум Лициниев, Мениев, Тациев с лавками по бокам, которые не являлись жилыми домами¹⁰². Благодаря своим размерам и функциям они господствовали над мелкими табернами плебса. Сам характер важнейших гражданских сооружений в Риме в форме частного дома наглядно свидетельствует о лидирующем положении богатых и знатных семей в жизни общины и подавлении ими коллективного начала.

Однако в конце III в. до н.э., когда в римской общине рядовые граждане стали реальной социальной и политической силой, с принесением коллективных начал в повседневную жизнь *civitas* на Форуме происходят радикальные изменения. На месте *atrium regium* Эмилий строит первую базилику. А на месте выкупленных для государства атриумов Мениев и Тициев в 184 г. до н.э. Марк Порций Катон, разрушив частные здания, возводит базилику, названную его именем¹⁰³. Ликвидация частных атриумов на Форуме знаменовала победу общинно-коллективного начала в римской *civitas*, осознание рядовыми квиритами своего места и роли в обществе и фиксацию этой новой духовной атмосферы и системы ценностей в новых архитектурных формах. Утвердилась новая духовная атмосфера, сформировавшая новую мотивацию поведения римского гражданина, главы фамилии.

¹⁰¹ Кнабе 1985, 162.

¹⁰² Welin 1953, 179–202; Coarelli 1985, 45–46, 140–146.

¹⁰³ *Liv.* XXXIX. 44.7: *Cato atria duo, Maenium et Titium, in lautumiis, et quattuor tabernas in publicum emit basilicamque ibi fecit, quae Porcia appellata est.*

Эти радикальные изменения в духовной жизни и системе ценностных ориентиров завершают сложный и мучительный процесс, начавшийся еще в эпоху законов XII таблиц. Только теперь, после череды политических, социальных и культурных преобразований, закрепленных как в правовых актах, так и в морально-этических нормах, римская фамилия предстает основой социальной структуры общества, фундаментом политической организации древнего Рима, важнейшей сакральной ячейкой (группой лиц, связанных единством культа) и, наконец, независимой экономической единицей.

Рассмотренный выше материал позволяет нам дать предварительное понимание фамилии как экономического феномена, сложившегося к эпохе расцвета древнего Рима. *Familia* предстает сложным социально-экономическим организмом. В безраздельном распоряжении домовладыки находится все имущество фамилии, состоящее из городской и сельской собственности, включающей дом и усадьбу, инвентарь, производственные и складские помещения, произведенный для потребления и продажи товар. В его же распоряжении состоят подвластные лица: дети, жена и принадлежащие ему рабы, труд которых он организует через администрацию фамилии (различного рода «начальников работ») по своему усмотрению. В хозяйственную сферу органично включены и юридически стоящие вне фамилии отпущенники и клиенты, связанные с патроном обязательствами по выполнению работ, в число которых могли входить и квалифицированные ремесленные работы (*operae fabriles*: D. 38. 1. 9. 1). Ко времени Поздней республики *familia* приобретает помимо указанного выше содержания также и значение семейной группы в современном смысле слова¹⁰⁴, что также необходимо учитывать при рассмотрении различных аспектов ее хозяйственной жизни.

Но, конечно, содержание понятия *familia* было значительно шире, чем только социально-экономическая ячейка в современном смысле слова. Это обусловлено прежде всего особой ролью и правами главы семейства. *Pater familias* был автономной личностью, единственным полноправным лицом и носителем власти (*suae potestatis*: Gai. II. 147; D. 1. 6. 4). Именно самостоятельная фамилия стала тем организмом, где воспроизводились и реализовывались в повседневной практике все насущные потребности *pater familias*, что и позволяло ему осознавать себя свободным, полноправным и независимым членом гражданской общины.

¹⁰⁴ Франчози 2004, 121.

В свете этого определяется и специфика экономической деятельности основной экономической ячейки – фамилии, и особое место экономики в древнеримском обществе. Экономика предстает (в отличие от современных обществ) не первичным, главным элементом, а вторичным, то напрямую, то опосредованно зависимым и подчиненным политической, сакральной и морально-этической сферам жизни. Под их влиянием домовладыка осуществлял в мире живых (в римском обществе) все формы связей – от политических до сакральных, в том числе и различные сделки в хозяйственной сфере от имени фамилии.

В эпоху расцвета Рима фамилия предстает многогранным и сложным феноменом. Она была основой социальной структуры общества, независимой экономической единицей, группой, объединенной общим религиозным культом, и фундаментом политической организации древнего Рима¹⁰⁵. Именно в фамилии наиболее полно и всесторонне проявлялась одна из важнейших особенностей античного Рима – предельная сближенность хозяйственной, государственно-политической и личной, повседневно-бытовой сфер. Эти аспекты были так естественно взаимосвязаны и настолько глубоко проникали друг в друга, что разделить их в жизни фамилии и деятельности домовладыки без привнесения искажения в древнеримские реалии практически невозможно¹⁰⁶.

Перечисленные выше сущностные черты позволяют определить фамилию, ставшую (помимо экономического организма) основой гражданского и военного строя *civitas*, как хозяйственно-политическую ячейку римского общества. С отмеченным своеобразием связаны дополнительные трудности в изучении нашей темы. Чтобы попытаться максимально приблизиться к экономическим реалиям древнего Рима, необходимо учитывать все указанные выше функции фамилии, а также духовную атмосферу и особенности архаического мышления, господствовавшие в римском обществе.

§4. *Familia, familia urbana, familia rustica* в контексте экономики в эпоху Поздней республики.

Социально-политические процессы, протекавшие в римской *civitas*, в сочетании с развитием античной экономики и привилегиями

¹⁰⁵ См.: Leonhard 1909, 1980–1984; Франчози 2004, 113–117; Гарсиа Гарридо 2005, 235–237.

¹⁰⁶ Кнабе 1988, 12.

нобилитета способствовали быстрому обогащению высших слоев римского общества. Львиная доля добычи в ходе победоносных войн попадала в руки полководцев и высших командиров – членов сенатского сословия. Значительные доходы попадали в руки сенатской знати и при управлении ими провинциями¹⁰⁷. Неравенство в доступе к плодам завоеваний бичует Саллюстий, влагая в уста Меммия, выступавшего на народной сходке, такие слова: «В прежние годы вы молча негодовали, глядя, как государственная казна опустошается, как цари и свободные народы платят дань нескольким знатым людям, как одним и тем же людям достались и высшая слава, и огромные богатства» (пер. В.О. Горенштейна).¹⁰⁸ Богатство, скопившееся в руках элиты, способствовало тому, что экономика знатных фамилий переросла рамки крестьянского хозяйства. Данный процесс проявился прежде всего в радикальном изменении структуры сельских владений домовладык. На смену крестьянскому двору у римской политической элиты пришло рабовладельческое поместье. Его хозяйственным центром стала вилла, которая появилась, по-видимому, уже в III в. до н.э.¹⁰⁹ По крайней мере во II в. до н.э. поместье средних размеров (100–240 югеров), описанное Катонем, становится типичным явлением. Этот тип сельскохозяйственной собственности домовладыки и будет в центре нашего внимания.

Сначала остановимся на классификации различных частей хозяйственного комплекса фамилии в эпоху Поздней республики. Как известно, в научной литературе для определения городской и сельской частей усадьбы широко применяются словосочетания «*familia rustica*» и «*familia urbana*». Посмотрим, когда эти термины появились и в каком контексте они употреблялись в данную эпоху.

Для этого необходимо обратиться к двум самым известным и обширным экономическим сочинениям эпохи Поздней республики – трактатам Катона и Варрона, с тем, чтобы выяснить, каким образом они обозначали различные части имущества столь сложного и многогранного экономического организма, как фамилия. Однако сразу надо оговориться, что на полное и исчерпывающее представление нам рассчитывать не приходится. Несмотря на довольно значительный объем обоих трактатов, и у Катона, и у Варрона представлено не описание

¹⁰⁷ Утченко 1965, 125; Трухина 1986, 37.

¹⁰⁸ *Sall. Jug.* 31, 9: *Superioribus annis taciti indignabamini aerarium expilari, reges et populos liberos paucis nobilibus vectigal pendere, penes eosdem et summam gloriam et maximas divitias esse.*

¹⁰⁹ Кузищин 1973, 53–55.

реальной жизни поместья во всех ее проявлениях, а дается скорее нормативный образец¹¹⁰.

Слово *familia* Катон употребляет довольно часто, более двадцати раз по разным поводам в главах 4, 5, 14, 25, 56–59, 132, 134, 138–143, 149, 155. Но преимущественно в одном только смысле: фамилия – это коллектив рабов, занятых в производственной деятельности в поместье. Понятие же раб (*servus* или *homo*) появляется только вне производственного контекста, когда речь идет об отдельных, индивидуально определенных рабах, их личных качествах, состоянии здоровья: питании больных рабов (2. 4), продаже старого раба (2. 7), расчете потребления вина на одного раба (*in singulos homines*:– 57). А для обозначения своей собственности в сельской местности он применяет слова *villa* (2. 1) или *villa rustica* (3. 2). Обращает на себя внимание, что у самого Катона полностью отсутствует термин *familia rustica*, который современные исследователи применяют при описании его виллы с рабами. Складывается впечатление, что для него классификации хозяйства по принципу «городская/сельская фамилия» не существовало, что наглядно иллюстрирует доминирование архаического нерасчлененного видения фамилии, которое еще не затронула ни повседневная экономическая практика, ни философско-правовые принципы мышления. Он видел в своих руках единый хозяйственный организм, а термин *familia* употреблял только как технический – для обозначения рабочей силы, находящейся в его собственности.

Несколько иную картину можно видеть у Варрона, написавшего свой трактат на столетие позже Катона, в условиях более высокого уровня развития экономики и научного знания. Значений слова *familia* у него уже несколько. В трактате о сельском хозяйстве, когда речь заходит о пребывании войска и флота Помпея на острове Керкира во время войны с Цезарем, упоминается окружение Варрона, которое составляли его спутники и домочадцы (*suos comites ac familiam incolumes reduxit*: Varr. RR. I. 4. 5). Далее, при описании виллы, у него, как и у Катона, словом «фамилия» обозначаются рабы, занятые в сельскохозяйственном производстве (*ibid.* I. 13. 1; 15; 18. 1, 3, 6–7). Однако когда, отталкиваясь от цифр Катона, Варрон приводит расчет численности рабов, перечисляя их специальности и количество, в котором их необходимо приобрести на виллу, он пользуется словом *mancipia* (I. 18. 1). У Катона это слово, обозначающее – в данном контексте – рабов как оборотоспособную вещь, не встречается. То, что

¹¹⁰ Aubert 2004, 161.

Варрон употребляет его по отношению к рабскому персоналу виллы, указывает на усложнение понимания феномена фамилии как совокупности *res* и *personae* (cf. D. 50. 16. 195. 1) и свидетельствует о повышении роли товарно-денежных отношений в хозяйствах фамилий этого времени.

Наконец, касаясь проблемы постоянной занятости работников на вилле и указывая на недопустимость того, чтобы рабы бросали работу и праздно разгуливали по будням, Варрон говорит о «рабах из имения» (*de fundo familia*: RR. I. 16. 4). Здесь автор учитывает территориальный критерий, указывая на место их пребывания, но никак не род занятий, хотя в данном пассаже речь идет о ремесленниках, как правило, работавших в городе и появившихся на вилле по найму.

Совершенно иную терминологию мы находим в Дигестах Юстиниана. Здесь юристы уже оперируют понятиями «*familia rustica*» и «*familia urbana*», как, например, Папиниан¹¹¹, Сцевола¹¹² и Павел¹¹³. Прежде всего, следует отметить значительный разрыв во времени между II–I вв. до н. э. и периодом деятельности классических юристов. Между ними лежит важная с точки зрения формирования принципов мышления эпоха, наиболее полно отразившаяся в произведениях Цицерона. Именно тогда метод классификации был обогащен греческой философией, наложившей сильный отпечаток на оформившееся к III в. до н. э. правовое мышление римлян¹¹⁴. Цицерон имел непосредственное отношение к этому процессу. Например, в письме к брату Квинту, говоря о новостях вообще, он классифицирует их как частные и публичные, городские и сельские (*de re, publica privata, rustica urbana*: Ep. ad Q. fr. 2. 9. 1). Здесь не место характеризовать в целом систему мышления этой великой личности, достаточно лишь упомянуть, какое значение приобретает в ней противопоставление «городской – сельский» в культурном смысле. Кстати, именно у Цицерона встречается и прямое упоминание о *familia*

¹¹¹ D. 31. 65 pr.: *idem in familia erit, sive universam familiam suam sive certam (veluti urbanam aut rusticam) legaverit ac postea servorum officia vel ministeria mutaverit.*

¹¹² D. 32. 41. 2 : *ut... coheredes... restituerent cum omnibus, quae ibi erunt, et mancipiis rusticis vel urbanis et actoribus exceptis manumissis.*

¹¹³ D. 32. 99 pr.: *servis urbanis legatis quidam urbana mancipia non loco, sed opere separant, ut, licet in praediis rusticis sint, tamen si opus rusticum non faciant, urbani videntur. dicendum autem est, quod urbani intellegendi sunt, quos pater familias inter urbanos adnumerare solitus sit: quod maxime ex libellis familiae, item cibariis deprehendi poterit.*

¹¹⁴ Дождев 2008, 39–47.

urbana: речь идет о рабах его жены Теренции, с которыми он рекомендует ей переждать в Арпинском поместье сложное время¹¹⁵.

Соотносительное употребление прилагательных «rusticus – urbanus» применительно к фамилии в интересующем нас смысле у юристов связано главным образом с различными казусами завещательных распоряжений (легатов и фидеикомиссов), когда трудно было порой понять, кто и что передается по завещанию. Юристы вводят новый принцип оценки не по месту нахождения раба той или иной специальности, а по роду занятий, что и становится главным в определении того, относится ли упомянутое в завещании лицо к персоналу городского дома или сельского поместья¹¹⁶.

Поэтому следует признать, что в эпоху Поздней республики для глав фамилий, подобных Катону и Варрону, ни с точки зрения их экономического мышления, ни с точки зрения развития научно-философской мысли как культурного феномена деление фамилии на городскую и сельскую свойственно не было. Для них familia представлялась единым организмом вне зависимости от места расположения и форм занятий.

§ 5. Экономические воззрения и хозяйственная деятельность Катона Старшего

Римская фамилия в эпоху Поздней республики предстает основной социально-экономической ячейкой, в рамках которой протекала повседневная хозяйственная деятельность *pater familias*. Однако многие стороны экономической жизни семейного организма до сих пор раскрыты недостаточно полно из-за одностороннего характера дошедших до нас источников. Поэтому восстановить реальную жизнь можно, лишь сопоставляя мозаичные отрывки самого различного характера, имеющие отношение к конкретной исторической личности. Представляется, что такой фигурой для конца III – первой половины II в. до н.э. выступает знаменитый Марк Порций Катон Старший, через личность и деяния которого можно проследить и экономическое мышление отдельного человека, и реалии экономической жизни общества. Для этого необходимо выяснить, какие принципы лежали в основе экономических воззрений строгого цензора и знатока сельско-

¹¹⁵ *Cic. Ep. ad fam.* 14. 7. 3: *fundo Arpinati bene poteris uti cum familia urbana si annonae carior fuerit.*

¹¹⁶ *D.* 50. 16. 166 pr.: «urbana familia» et «rustica» non loco, sed genere distinguitur (Помпоний); cf. *D.* 32. 99 pr.

го хозяйства и насколько полно они могли быть реализованы в повседневной хозяйственной практике главы фамилии.

Сначала остановимся на экономических взглядах Катона. Принципы, которыми он руководствовался, нашли отражение как в трактате «Земледелие» и сохранившихся в отрывках речах, так и в решениях и действиях при исполнении им высших магистратур в римском государстве. Наиболее последовательное их изложение можно найти в знаменитой консульской речи Катона в защиту *lex Oppia* (Liv. 34. 2. 1–4. 19), одного из первых среди более чем 40 законов против роскоши, принимавшихся период Поздней республики и Раннего принципата¹¹⁷. Закон этот был принят в разгар Ганнибаловой войны после жестоких поражений римских армий в 217 и 216 гг. до н. э. Для ведения боевых действий не хватало средств, и в 215 г. до н.э. плебейский трибун Гай Оппий провел плебисцит, запретивший «римским женщинам иметь больше полуунции золота, носить окрашенную в разные цвета одежду, ездить в повозках по Риму и по другим городам или вокруг них на расстоянии мили, кроме как при государственных священнодействиях» (Liv. 34. 1. 3; пер. Г.С. Кнабе). Этот закон был призван укрепить военно-экономическое положение древнего Рима. Частично военные проблемы решались за счет трибута, собираемого с граждан для военных нужд. Однако в республиканском Риме, где военная организация непосредственно совпадала с гражданской общиной, многие функции, которые впоследствии стали сферой деятельности государства, в этот период выполняла фамилия¹¹⁸: на ее средства вооружались воины, как пехотинцы, так и всадники, оплачивались основные военные расходы, а домохозяйства оказывались основными поставщиками продовольствия населению. Поэтому в затяжной и кровопролитной войне, когда опустела казна, Рим мог выйти победителем, только располагая экономически крепкими фамилиями.

Закон Оппия против роскоши и потребовал в этот критический для римского государства момент исключить траты частных средств на бесполезные женские украшения, дорогие ткани и повозки. Тем самым создавались условия для укрепления хозяйств, опираясь на которые можно было успешно вести военные действия. Мобилизации всех сил перед лицом Ганнибаловой угрозы служили и другие реше-

¹¹⁷ О законах против роскоши см.: Kübler 1931, 901–908; Savio 1940, 174–194; Sauerwein 1970; Ляпустин 1991, 50–62; 2011, 173–177; Квашнин 2009а, 28–49, 71–93.

¹¹⁸ Штаерман 1989, 80–90.

тельные меры: еще в начале войны в 217 г. до н.э. был принят закон (lex Metilia), запрещавший тратиться на дорогостоящую обработку мужских одежд умбрийским мелом. А за lex Oppia последовал плебисцит о покупке рабов на военные нужды (Liv. 34. 6. 12; Val. Max. 7. 6. 1). Римские граждане эти суровые меры воспринимали с одобрением, понимая, что только полное подчинение всех материальных и духовных ресурсов отражению опасности может принести победу над врагом. В самые критические моменты войны с Ганнибалом и мужчины и женщины добровольно жертвовали последние драгоценности, зная, что сохранив государство, они сохраняют свою жизнь, свободу и гарантию благосостояния после окончания войны (Liv. 26. 35–36).

Но после победы во Второй Пунической войне непосредственные экономические причины, вызвавшие к жизни ограничения на роскошь, как считало большинство граждан, исчезли. Отражая такие настроения, плебейские трибуны Марк Фуданий и Луций Валерий в 195 г. до н.э. предложили отменить закон Оппия. Это вызвало раскол среди квиритов и бурные споры: одни поддерживали идею отмены, другие, которых возглавил Марк Порций Катон, в то время консул, ревностно отстаивали необходимость сохранения закона (Liv. 34. 1. 1–7). В защиту своей позиции Катон выступил перед гражданами с яркой речью, которую привел в своем историческом сочинении Тит Ливий. Хотя относительно подлинности этой речи мнения исследователей разделились¹¹⁹, тем не менее все признают, что мысли и оценки, изложенные в ней, полностью соответствуют образу жизни и деятельности Марка Порция Катона Старшего¹²⁰.

Исполняя консульскую магистратуру, он не мог оставаться в стороне от событий в государстве, а оценка происходящего и поведение сурового ревнителя старины целиком определялись его воззрениями. В своей речи консул упрекает сограждан, что они разрушают традиционные нормы, на которых издавна зиждилось благополучие римской фамилии. Допустив публичное выступление женщин на улицах и площадях Рима, мужчины сами позволили нарушить установленный еще в далеком прошлом порядок в доме, основанный на власти и почитании главы семьи (Liv. 34. 2. 1). Предки своими законами стремились обуздать своеволие женщин и держать их в подчинении мужей (ibid. 34. 3. 1). Своеволье женщин, по мнению Катона, опасно тем, что матроны тут же забудут благочестивый семейный

¹¹⁹ Подробнее см.: Ляпустин 1991, 54–55.

¹²⁰ Hellmann 1940, 81–86.

долг и бросаться в траты, которым не будет предела. Расточительность же — это один из пороков, который подтачивает государство. Обращаясь к согражданам, он призывал их следовать нормам предков и строить жизнь на основе воздержанности и бережливости. А сторонников отмены закона Катон укорял: «самый отвратительный стыд, когда стыдятся бережливости и бедности»¹²¹. Главным аргументом в пользу сохранения Оппиева закона, с его точки зрения, было то, что не все женщины смогут на свои деньги удовлетворить жажду приобретения украшений и станут требовать денег у мужей (ibid. 34. 4. 16). И горе этим мужьям, заключает Катон. Ведь на такие траты уйдут средства, которые могли быть с пользой вложены в рачительное ведение домашнего хозяйства: поддавшись на уговоры женщин отменить закон, квириды поступят против себя, своего достоинства и своих детей¹²².

Занятая Катонем бескомпромиссная позиция в отношении попытки отменить закон Оппия не была лишь сиюминутной позой или политической демагогией. Речь консула отражала те принципы, которыми он руководствовался на протяжении всей своей жизни. До нас дошли многочисленные упоминания о бережливости и умеренности Катона, которые лежали в основе его жизненных ценностей. Как сообщает Плутарх, с юности примером Катону служил Маний Курий, который в римской традиции предстает олицетворением простоты и воздержанности в духе заветов предков. Этот прославленный победитель Пирра и трижды триумфатор жил в скромном жилище (которое Катон, живший по соседству, видел своими глазами), сам обрабатывал небольшой участок и ел непритязательную крестьянскую пищу. Катон стремился быть похожим на прославленного квирида и, подражая ему, стал в жизни следовать простоте и умеренности, отвергая расточительность (Plut. Cato Mai. 2), а борьбе с роскошью посвятил всю свою жизнь, нажив себе этим немало врагов (ibid. 18).

Сам Катон никогда не носил платья дороже 100 денариев, а припасов для обеда покупалось только на 30 ассов. Во время исполнения магистратур он пил то же вино, что и простые работники (Μετὰ τὴν ἐξουσίαν: Plut. Cato Mai. 4). В военных походах и поездках по государственным делам он всегда избегал излишних трат и не позволял своим друзьям и свите обогащаться за счет государств-

¹²¹ Liv. 34. 4. 13: pessimus quidem pudor est uel parsimoniae uel paupertatis.

¹²² Ср.: Liv. 34. 4. 18: aduersus te et rem tuam et liberos tuos exorabilis es.

ва¹²³. А когда плыл на корабле в Испанию, откуда возвратился с триумфом, то пил то же вино, что и гребцы (Plin. NH. 14. 91). В речи «О моих расходах» (164 г. до н.э.) он с гордостью заявлял, что у него нет ни постройки, ни вазы, ни одежды какой-либо дорогостоящей, ни дорогого раба или рабыни (Cat. Orat. Fr. 174). При таких взглядах и соответствующем им реальном поведении вполне естественно, что Катон как носитель идеи воздержанного образа жизни, традиционной добродетели предков, обрушивается с моральными обличениями на всех, кто выступает не бережливыми накопителями, а расточителями.

Запрещение трат на женские украшения должно было пресечь не только непроизводительные расходы на роскошь, но и утечку денег из фамилии. Как свидетельствует Плавт, украшения и дорогие одежды по большей части приобретались мужчинами отнюдь не для женщин своей фамилии, а раздаривались гетерам, которые щеголяли в нарядах более роскошных, чем у римских матрон¹²⁴. А такие траты уже можно было рассматривать как нечто ненормальное. Римляне не делали принципиального различия между душевнобольным и мотом, назначая им попечителей (curatores), когда речь заходила об управлении имуществом¹²⁵.

Однако несмотря на все усилия Катона и его сторонников закон Оппия был отменен. Но то, что не удалось суровому ревнителю традиционных обычаев предков в 195 г. до н. э., он успешно осуществил через 10 лет в период своего цензорства в 184 г. до н.э.¹²⁶ Под давлением Катона было проведено решение, по которому «одежда, повозки, женские украшения и домашняя утварь, стоившие более полутора тысяч денариев, оценивались в десять раз выше своей настоящей стоимости, имея в виду, что с больших сумм будут взыскиваться и большие подати. Кроме того, он увеличил сбор до трех ассов с каждой тысячи, чтобы римляне, тяготясь уплатой налога и видя, как люди скромные и неприхотливые платят с такого же имущества меньшие налоги, сами расстались с роскошью» (пер. С.П. Маркиша)¹²⁷. Из этого отрывка видно, как строгий цензор стремился вынудить глав фамилий все наличные средства вкладывать в обустройство семейного хозяйства, а не тратить их на престижную роскошь. И его мероприя-

¹²³ Cat. Orat. Fr. 173: numquam ego argentum pro vino congiario inter apparitores atque amicos meos disidi, neque eos malo publico divites feci.

¹²⁴ Plaut. Most. 142–145, 286–291; Poen. 304; Curc. 345–348.

¹²⁵ D. 27. 10. 1 pr. (Ulp. 1 ad Sab.); cf. Cic. De sen. 22.

¹²⁶ Подробнее о цензуре Катона см.: Astin 1989, 181–185.

¹²⁷ Plut. Cato Mai. 18; ср.: Liv. 39. 44. 1–3.

гия действительно вынудили многих римлян отказаться от подражания богатой знати, погони за роскошью, вкладывать силы и средства в расширение и обустройство своих хозяйств и прежде всего земельных участков, которые не так бросались в глаза, как роскошь в одежде и украшениях, но служили традиционным символом престижа и высокого статуса.

Свои представления о принципах хозяйствования главы фамилии Катон изложил и в трактате «Земледелие». В первой же главе он дал описание идеального поместья (*praedium quod primum siet: De agr. 1. 7*), в котором наиболее полно отразились воззрения автора, сложившиеся к началу II в. до н. э.¹²⁸ Идеальное поместье уже неоднократно было предметом самого пристального внимания как отечественных, так и зарубежных историков, которые приходили к диаметрально противоположным выводам. Одни считали, что здесь у Катона предполагалось натуральное хозяйство¹²⁹. Другие, наоборот, полагали, что идеальное поместье ориентировано на получение дохода в денежной форме, и важнейшую роль в этом играла связь с рынком¹³⁰. Представляется, что воззрения Катона в трактате нельзя отрывать от общих его взглядов на принципы организации экономической жизни фамилии. А в них можно выделить несколько моментов.

Посмотрим, что Катон советует хозяину виллы в его управлении земельной собственностью фамилии. Исходя из личного опыта, он утверждает, что хозяин поместья «должен быть скор на продажу, а не на покупку»¹³¹. Строгая бережливость соблюдается при управлении сельской виллой: деньгами следует дорожить, расходовать их рачительно, после тщательных подсчетов. Доход Катон рекомендует получать не в погоне за прибылью, а путем сведения до минимума ненужных расходов¹³². Благодаря возделыванию в поместье основных сельскохозяйственных культур (винограда, маслин, овощей, зерновых) и разведению скота у домовладыки появляются идеальные условия, не тратя ни асса, обеспечить всем необходимым и поместье с работниками и скотом, и хозяина с домочадцами в городе. А коль скоро останутся излишки, а рядом есть еще и богатый город, судоходная река, море или торговый путь (*Cat. De agr. 1. 3*), то при случае их можно будет выгодно продать. Таким образом, по представлению Ка-

¹²⁸ Кузищин 1973, 55.

¹²⁹ Сергеев 1950, 126–127; 1958, 10–24; Sirago 1958, 189–216.

¹³⁰ Кузищин 1973, 67–70.

¹³¹ *Cat. De agr. 2. 7: patrem familias vendacem, non emacem esse oportet.*

¹³² Сергеев 1970, 6–8.

тона, идеальное поместье позволяет вести рачительный и бережливый образ жизни в духе заветов предков и даже получать доход, который будет самым чистым и верным (Ibid. Praef. 3). Таким образом, идея бережливости ради развития семейного хозяйства и расширения собственности не только отразилась в речах и делах Катона, но и положена в основу его трактата «Земледелие».

Все это вместе взятое позволяет прояснить как экономические воззрения Катона (а в его лице и значительного числа римлян), так и мотивацию его поведения в новой экономической обстановке начала II в. до н. э. Главное для Катона — это создание экономически крепких семей на основе традиционных ценностей предков. Такие взгляды долгое время оказывали влияние на развитие, как семейного хозяйства, так и всей древнеримской экономики.

Создание и поддержка крепких и богатых семей не были для Катона самоцелью, к которой он стремился сам и побуждал к этому других. В этом он видел залог обогащения и укрепления самого Рима. В экономических воззрениях Катона особое место занимали взаимоотношения отдельной семьи с гражданской общиной. Во всех своих мероприятиях по укреплению римской *civitas* он исходил из безусловного приоритета общинных интересов перед частными. Катон организовал разработку железных и серебряных рудников Испании, защищал интересы казны и решительно пресекал все действия, ставящие под угрозу ее стабильное и бесперебойное наполнение. Именно в этом плане необходимо рассматривать гонения на ростовщиков с их неумными аппетитами во время его преторства на Сардинии¹³³. В том же русле шли его действия во время цензуры: он добился разрушения незаконных строений на *lota publica*; сократил плату за подряды на ремонт зданий и до предела поднял цену на откуп государственных налогов. За счет сэкономленных на этом средств Катон построил для граждан первую в Риме базилику, названную его именем¹³⁴. Но наиболее наглядно взгляды Катона на место семьи в общине проявились в перекрытии желобов, по которым вода из общественного водопровода текла в частные дома и сады¹³⁵. Сам принцип функционирования водопроводов и фонтанов, как показал Г.С. Кнабе, подчинялся архаической общинной традиции, и счита-

¹³³ *Liv.* 32. 27. 3–4: *Sardiniam M. Porcius Cato obtinebat, sanctus et innocens, asperior tamen in faenore coercendo habitus; fugatique ex insula faeneratores et sumptus quos in cultum praetorum socii facere soliti erant circumcisi aut sublatis*; cp.: *Plut.* Cato Mai. 6.

¹³⁴ *Liv.* 39. 44. 4–5; 7–8.

¹³⁵ *Liv.* 39. 44. 1; *Plut.* Cato Mai. 19.

лось, что в принципе вообще вся вода в городе целиком принадлежала общине, а личное и бесконтрольное пользование ею было большой привилегией, которая давалась только людям, олицетворявшим собой общину. Да и то такие действия зачастую рассматривались как покушение на единство и целостность гражданского коллектива¹³⁶.

Таким образом, Катон и его последователи выступали за поддержание и сохранение вполне определенных и конкретных экономических форм существования фамилии. С одной стороны, она предстает как самостоятельный организм, где в идеале доход стремятся получить, избегая лишних расходов. А с другой стороны, сторонники этого направления мыслили существование своей фамилии в неразрывном единстве со всей общиной. Причем община первична по отношению к фамилии, явлению вторичному. Иначе говоря, поддерживаются и возобновляются архаические представления, идущие еще от эпохи римской *civitas* времен предков, но с поправкой на превращение фамилии в самостоятельный организм, добывающий доходы за счет исключения нерациональных трат.

Действия по совершенствованию хозяйства фамилии как в городе, так и в деревне были для домовладыки необходимой и важнейшей задачей. Они служили прежде всего целям поддержания высокого социального статуса, авторитета и влияния глав знатных фамилий в обществе и государстве¹³⁷. Так как в повседневной жизни римской элиты публичные и частные роли и обязанности частично совпадали и причудливо переплетались, то для нобилия его городской дом, так же как и обширные земельные владения «являлись не менее важной ступенью для утверждения его статуса и влияния», чем его политическая карьера¹³⁸.

Однако исторические реалии вносили свои коррективы в идеальные представления о хозяйственной деятельности главы фамилии. Потребность в деньгах и забота о том, как решить эту проблему за счет поместного хозяйства, постоянно стояла перед домовладыкой. Катон стремился примирить свои жизненные принципы с постоянно возрастающими тратами с помощью рациональной и интенсивной организации труда на вилле, постоянного личного контроля над деятельностью администрации и работников и строгого учета результатов труда. Эта повседневная практика также нашла отражение на

¹³⁶ Кнабе 1986, 79–81.

¹³⁷ Ср.: Nicolet 1974a, 361.

¹³⁸ Hölkeskamp 2004, 114.

страницах трактата «Земледелие». Прежде всего, Катон как сторонник рациональной организации труда определяет оптимальное количество работников, которых придется приобрести хозяину имения для обработки земли. Для поместья с виноградником в 100 югеров он рекомендует иметь 16 рабов (*De agr.* 11. 1). А для имения с масличным садом в 240 югеров достаточно 13 человек (*ibid.* 10. 1). Он рассчитывает уроки для рабского персонала, решает, какие работы надо сделать в поле и на вилле и сам проверяет их выполнение (*ibid.* 2–4). Домовладыка руководит и деятельностью управляющего поместьем – вилика (*ibid.* 5)¹³⁹. Причем вилик не имел предпринимательской свободы, и без ведома хозяина ни покупать, ни продавать ему ничего не позволялось (*ibid.* 5. 4). Представители рабской администрации, занятые в «коммерческой» сфере, у Катона вообще не фигурируют¹⁴⁰, что свидетельствует об отсутствии стремления развивать товарные отношения на вилле.

Помимо земледельческого труда Катон рекомендует проводить силами фамилии и нехитрые ремесленные работы, которые не требовали специальной квалификации. На вилле пряли шерсть, а затем на ткацких станках изготавливали одежды (*ibid.* 14. 2), починяли старые и плели новые веревки (2. 3) и корзины (23. 1), мыли и смолили доли, занимались починкой одеял и плащей (2. 3). А затем, подведя счет тому, что заготовлено, домовладыка намечает торговые операции: что нужно купить или продать, а что необходимо сдать с подряда (*quae opus sint locato, locentur*: 2. 6).

Автор несколько раз останавливается на торговых связях виллы, которые в силу необходимости становятся разнообразными и интенсивными. Развитие производства на вилле требовало постоянных расходов, и перед *pater familias* встает проблема, как их минимизировать. Рачительный хозяин должен сам знать, что и где можно купить хорошего качества, не впадая в расходы. Таковым и предстает Катон в своем трактате. Он хорошо знает, что, какого качества и за какую цену можно купить на рынках Лация и Кампании, где находились его поместья, и со знанием дела советует: в Риме надо покупать туники, тоги, плащи, лоскутные одеяла и деревянные башмаки; в кампанском городе Калы и в городке Минтурны на границе Лация с Кампанией – накидки, железные инструменты и наборную упряжь; в кампанском

¹³⁹ Более подробно о рациональной организации труда на вилле катоновского типа см.: Кузищин 1973, 65–101.

¹⁴⁰ Дурново 2004а, 107–108.

городе Венафре лучшие лопаты, керамические изделия (долии, чаны и черепица); в расположенной рядом Суэссе и в Лукании хороши телеги. Высоко оценивает Катон изделия на заказ кожевника Луция Тунния из Венафра. В Альбе и Риме покупают молотильные доски. Плуги хороши римские и кампанские; ярма для быков и ключи с запорами – в Риме; трапеты – в городках близ Везувия, Помпеях и Ноле. В Ноле следует покупать медную посуду, а Капуя славится качественной медной посудой, кампанскими корзинами, изделиями из спарта и ремнями для пресса. Римские корзины лучше покупать в Риме, но они хороши и в кампанских Суэссе и Казине (De agr. 135. 1–3). Такое множество деталей ясно указывает на широкую практику закупки самим Катонем ремесленных изделий для нужд его поместий.

Однако покупка на различных итальянских рынках была не всегда эффективной, так как перевозка на большие расстояния значительно удорожала стоимость покупки. Поэтому Катон рекомендует домовладыкам использовать другой способ получения необходимых ремесленных изделий. При выборе поместья он указывает, что одним из преимуществ является наличие довольно крупного поселения (*opridum validum*), где много работников (*coria operariorum*: 1. 3). Их труд по мере необходимости привлекается для работ в имении.

При таком подходе к организации хозяйственной деятельности от главы фамилии требовалось знание правовых форм заключения сделок. Это и демонстрирует в своем трактате Катон. Он как *peritus iuris consultus* (Nep. Cat. 3. 1) со знанием дела излагает условия контрактов, которые заключает либо сам домовладыка, либо наказывает заключить вилику (Cat. De agr. 144–145). Для работ на вилле практикуют либо наем работников (*operarii conducti erunt*), либо сдачу работы с подряда (*facienda locata erit*: *ibid.* 145. 1). В трактате подробно рассматривается сдача с подряда важных сельскохозяйственных работ: сбор маслин и изготовление масла (144, 145, 146), сбора зерновых и бобов (136), уход за виноградником и хлебным полем (137), зимнее пастбище (149). При большом объеме работ всеми операциями руководит подрядчик – *redemptor* (144–145). Работник за свою работу может по договору получить долю урожая. В этом случае в трактате он обозначается термином *politor*. Если же за свои труды работник получает часть дохода, то его именуют *partiarius*.

Сделки *locatio-conductio*, которые относятся к арендным контрактам, предполагают аренду вещей (*locatio conductio rei*) и наем ус-

луг работника (*locatio conductio operarum*), а также подряд (*locatio conductio operis*)¹⁴¹. Эти же договоры Катон практиковал и в тех немногих случаях, когда приходилось организовывать ремесленные работы. Приглашенному ремесленнику (*faber*) сдается с подряда строительство виллы (*De agr.* 14), стены ограды (15), изготовление оборудования виллы и инструментов: два ткацких станка (14. 1), трапеты (135. 6). С подряда сдается и изготовление кузнецом (*faber*) железных деталей (21. 5). Причем эти работы в поместье проводятся регулярно, и для этих целей у Катона специально была сооружена кузница, которую, впрочем, успешно использовали и для сушки винограда (7. 2). Катон сдавал с подряда и обжиг извести, хотя с этой работой успешно справлялись и рабы. Нехитрый рецепт, как эту известь изготовить своими силами, он приводит в главе 38. Как мы видим, основная часть необходимых ремонтных и ремесленных работ регулярно производилась за счет найма профессиональных ремесленников, а это требовало дополнительных финансовых затрат.

Частично Катон эту проблему решает регулярной продажей на оптовых аукционах ягнят и шерсти (*De agr.* 150. 2). Для этой цели *pater familias*, чтобы не отвлекаться от более важных дел, приглашал по контракту *coactor*'а, который за определенный процент осуществлял продажу на аукционе, а затем вырученные деньги передавал хозяину поместья.

Как мы видим, сделки *locatio-conductio* и плата по подрядам занимают в практической деятельности Катона весьма значительное место. Но к ним домовладыка, несмотря на свои жизненные принципы, вынужденно прибегал из-за того, что численность персонала на вилле была невелика. Ни по составу работников в хозяйстве, ни по наличию квалифицированных управляющих фамилия не была в состоянии исключительно своими силами обеспечивать экономическую деятельность в полном объеме. Необходимость нанимать дополнительных работников вырывала фамилию из замкнутых рамок хозяйствования в духе староримских ценностей и активно втягивала в мир денег, которых постоянно не хватало, и домовладыке приходилось изыскивать их всеми доступными способами. Ведь от того, каков его дом и поместье, во многом зависел его престиж в обществе. Однако отношение к путям и формам извлечения прибыли у Катона были неоднозначным, о чем свидетельствует описание автором трактата пригородного хозяйства, которое и рассмотрим в следующем параграфе.

¹⁴¹ Гарсия Гарридо 2005, 619–634.

§6. Место пригородного поместья в хозяйственной жизни фамилии по трактату Катона

В эпоху Поздней республики в древнем Риме сложился особый тип сельского поместья – пригородное хозяйство (*suburbanum*). Его описание дошло до нас в трактатах ученых земледельцев того времени – Катона и Варрона. Исследователи экономики древнего Рима, как отечественные, так и зарубежные, подходя к классификации возникших в это время различного вида имений прежде всего с позиций товарности хозяйства, относят описанные упомянутыми авторами пригородные поместья к одному типу¹⁴². Главным критерием при этом выступает уровень связей с рынком и возможность получения высоких доходов за счет продажи выращенной продукции в находящемся поблизости городе. Такая классификация на первый взгляд выглядит убедительной и обоснованной, поскольку опирается на прямые высказывания ученых земледельцев¹⁴³. Однако при детальном прочтении их трактатов становятся заметными различия в подходах Катона и Варрона к оценке *suburbanum* и в принципах хозяйствования в нем, что порождает сомнения в универсальности предлагаемого критерия. Поэтому представляется необходимым внимательно рассмотреть, какой путь прошло в своем развитии пригородное поместье в эпоху Поздней республики и в чем были схожи, а в чем различались между собой *suburbana*, описанные Катонem и Варроном.

Действительно Варрон в III книге своего сочинения прямо заявляет, что разведение домашней живности в пригородном поместье (*villaticae pastiones*) заведено, как и два других направления сельского хозяйства – земледелие и скотоводство, которым посвящены первые две книги трактата, – «дохода ради» (*fructus causa* – III. 1. 9.). И такая усадьба может приносить немалый доход¹⁴⁴. Исследователи Варрона справедливо отмечают, что в своем сочинении он стремится дать рекомендации по организации развитого товарного производства с целью получения максимально высокого денежного дохода. Подобный подход к ведению пригородного хозяйства они видят и у Катона, описавшего пригородное поместье в 7 и 8 главах. Поэтому его совет, как следует возделывать такое имение – *uti quam sollertissimum habeat*, – переводится исходя из представлений о вовлеченности сель-

¹⁴² Сергеевко 1958, 93–146, 150–160; Кузищин 1973, 133–149; Dohr 1965, 69–71.

¹⁴³ См. Кузищин 1973, 133.

¹⁴⁴ *Varr. RR. III. 2. 10: villa, in qua propter pastiones fructus capiuntur magni.*

скохозяйственного поместья в развитые товарно-денежные отношения: «чтобы оно было как можно прибыльнее»¹⁴⁵. Однако, на наш взгляд, в этой фразе Катон лишь рекомендует возделывать поместье «как можно искуснее» и прямого призыва подобного вароновскому к получению максимального дохода в этой фразе нет.

Попробуем разобраться, чем вызвано это имеющее длительную традицию понимание текста античного агронома¹⁴⁶. Несомненно, исследователи учитывали и контекст сочинения Катона, и хозяйственную практику самого автора. А он уже в начале 7 главы указывает, что из пригородного имения хозяину можно продавать не только выращенную продукцию, но и дрова, и хворост (7. 1). Кроме того, как известно, сам Катон несмотря на призывы быть «хорошим земледельцем и хорошим хозяином»¹⁴⁷ в конце жизни ради денег не гнушался заниматься сомнительными операциями (Plut. Cat. Mai. 21). М.Е. Сергеев специально останавливается на этом противоречии в словах и делах ученого земледельца¹⁴⁸. Все это наложило отпечаток на представление о личности Катона, который на страницах трактата предстает, по оценке В.И. Кузищина, как «ловкий прожженный делец-предприниматель, заботящийся прежде всего о прибыли»¹⁴⁹. Такая готовность увидеть в любых высказываниях Катона погоню за прибылью была обусловлена точкой зрения на римскую экономику эпохи Поздней республики как на высокотоварную (либо капиталистическую, либо рабовладельческую) и стремлением найти как можно больше свидетельств, подтверждающих эту позицию. Такой подход, когда исследователи оперировали категориями, заимствованными из анализа капиталистического производства, и невольно уделяли преувеличенное внимание развитию товарно-денежных отношений, как отметила в одной из последних работ Е.М. Штаерман, порождал в отечественной науке «бессознательную модернизацию»¹⁵⁰ при исследовании античной экономики, а следовательно и искажал реальную картину.

¹⁴⁵ Этот перевод М.Е. Сергеев (Катон 1950, 15) полностью поддерживает В.И. Кузищин (1973, 133). Ср. ее же перевод в издании под редакцией М.И. Бурского (1937): «чтобы оно было наиболее выгодным» (с. 94). *Cat. De agr.* 8. 2: *fundum urbanum, et qui eum fundum solum habebit, ita paret itaque conserat, uti quam sollertissimum habeat.*

¹⁴⁶ Ср. «damit es den größten Nutzen bringtv» (Maróti 1985, 43; ср. Dohr 1965, 67).

¹⁴⁷ *Cat. De agr. Praef.* 2□3: *uirum bonum quom laudabant, ita laudabant: bonum agricolam bonumque colonum; amplissime laudari existimabatur qui ita laudabatur.*

¹⁴⁸ Сергеев 1976, 157□158; 1950, 124. Ср. Кузищин 1966, 61.

¹⁴⁹ Кузищин 1966, 61; ср. Marcone 1997, 20–21.

¹⁵⁰ Штаерман 1987, 39.

Попробуем понять, какой же смысл мог вкладывать Катон в свои слова при характеристике пригородного хозяйства. Для реконструкции его взглядов прежде всего необходимо учитывать время составления «Земледелия». Единого мнения на счет в науке нет, хотя доминирует представление, что трактат был написан в середине II в. до н.э.¹⁵¹ Однако, на наш взгляд, наиболее аргументированной выглядит точка зрения В.И. Кузищина, которой мы и будем следовать, и поэтому рассмотрим ее подробнее. Прежде всего, историк вслед за Плутархом выделяет в жизни Катона два этапа. В молодости он активно занимался обустройством поместий, и «в ту пору у него было только два источника дохода – земледелие и бережливость» (Plut. Cato Mai. 25; пер. С.П. Маркиша), а на втором этапе «сельские работы доставляли ему приятное времяпрепровождение», доход же он стал получать от различных торговых и финансовых операций порой сомнительного свойства (ibid. 21). Это свидетельствует об эволюции в хозяйственном мировоззрении Катона □ отношение к земледелию как к основному источнику дохода сменилось отношением к нему как к занятию, преследующему иные цели. Исследователь справедливо отмечает, «что дух, идеи, характер трактата соответствуют не тому времени, когда Катон считал уже деревню местом отдыха и развлечения, но первому этапу жизни Катона, когда земледелие было для него важнейшим источником дохода»¹⁵².

Далее Кузищин приводит в пользу своей точки зрения развернутую систему доказательств. Факты, собранные из различных источников, позволили ему убедительно обосновать написание *De agricultura* в период первого этапа жизни автора. Исследователь считает, что трактат был создан в короткий отрезок времени непосредственно после возвращения Катона из Греции в 191 г., но до 187 г. до н.э., когда начали чеканить денарии, о которых, однако, в трактате нет ни одного упоминания¹⁵³. Именно тогда, на рубеже III–II вв. до н.э. в Италии получают распространение сельские виллы классического типа¹⁵⁴, и перед владельцами поместий встает вопрос, как их обустроить наи-

¹⁵¹ О различных точках зрения на датировку «Земледелия» Катона, с подробной библиографией см. Кузищин 1966, 54.

¹⁵² Кузищин 1966, 55–56.

¹⁵³ Кузищин 1966, 64.

¹⁵⁴ Конечно, в Италии в III в. до н.э. существовали немногочисленные крупные поместья, но появление товарной виллы относится именно к рубежу III–II вв. до н.э. (Кузищин 1973, Marcone 1997, 13–133). Археологические исследования фиксируют распространение классических рабовладельческих вилл в Италии с начала I в. до н.э. (Carandini 1988, 45–48, 225–234; Rosenstein 2008, 7–8).

лучшим образом. В этой ситуации Катон после окончания Ганнибаловой войны, ознакомившись с передовыми сельскохозяйственными знаниями пунийцев и греков и накопив личный богатый практический опыт, сумел в кратчайший срок наладить оптимальные формы функционирования собственных имений. Результаты своей деятельности он и изложил в трактате, предназначенном для современников, которые в хозяйственной практике шли тем же путем и остро нуждались в советах подобного рода. В этот период Катон еще считал возможным получение достаточно высокого дохода от земледельческой деятельности.

Кроме того, как подчеркнул В.И. Кузищин, честолюбивый Катон, опубликовав трактат, преследовал еще и цель завоевания политической популярности и славы, которая ему была нужна в начале 80-х годов, когда он готовился к выборам на должность цензора¹⁵⁵. Поэтому трактат «О сельском хозяйстве» базировался помимо собственного опыта автора также и на заветах предков¹⁵⁶. Эти выводы исследователя весьма значимы для понимания места пригородного хозяйства в воззрениях Катона. Однако В.И. Кузищин, акцентируя внимание на товарном производстве в катоновских поместьях, оставил без внимания бережливость упомянутую Плутархом наряду с земледелием как источник дохода. Представляется, что этот момент также важен для понимания смысла рекомендаций ученого земледельца.

В этот период бережливость действительно предстает одной из главных черт образа жизни и мышления Катона, что ярко проявилось во время исполнения им высших магистратур¹⁵⁷. В духе своих представлений о необходимом образе жизни и деятельности домовладыки Катон дает советы хозяину виллы в его управлении земельной собственностью фамилии. Исходя из личного опыта, он утверждает, что хозяин поместья «должен быть скор на продажу, а не на покупку»¹⁵⁸. Строгая бережливость соблюдается при управлении сельской виллой: деньгами следует дорожить, расходовать их рачительно, после тщательных подсчетов. Доход Катон рекомендует получать не в погоне за прибылью, а путем сведения до минимума ненужных расходов¹⁵⁹.

Эти же взгляды лежат и в основе так называемой шкалы доходности имения как важной черты идеального поместья. Катон пере-

¹⁵⁵ Кузищин 1966, 65.

¹⁵⁶ Кузищин 1966, 63.

¹⁵⁷ Об этих эпизодах в жизни Катона речь уже подробно шла выше в § 5.

¹⁵⁸ *Cat. De agr.* 2. 7: *patrem familias vendacem, non emacem esse oportet.*

¹⁵⁹ Сергеев 1970, 6–8.

числяет участки, занятые определенными культурами, в следующем порядке: «Во-первых, с виноградником, если вино хорошее и если вина много; во-вторых, с поливным огородом; в-третьих, с ивняком; в-четвертых, с масличным садом; в-пятых, с лугом; в-шестых, с хлебной нивой; в-седьмых, с лесом, где можно резать листья на корм скоту; в-восьмых с виноградником, где лозы выются по деревьям; в-девятых, лес с деревьями, дающий желуди¹⁶⁰». Этот отрывок уже Варрон (RR. 1. 7. 9), и Плиний (NH. 16. 176) воспринимали как шкалу доходности, недоумевая, как Катон мог ивовую лозу по доходности поставить на третье место, впереди масличного сада, хлебного поля и луга. Возникшую проблему М.Е. Сергеевко пыталась снять утверждением, что хозяйственные отрасли в поместье Катона перечислены в том порядке, в каком они приходили ему в голову¹⁶¹. Однако эти неувязки не следует воспринимать как небрежность автора. В описании оборудования имения он все тщательно и скрупулезно просчитывает.

Если при рассмотрении вопроса отталкиваться от его взглядов на ведение фамильного хозяйства, то становится ясно, что данный пассаж написан отнюдь не для того, чтобы показать, на чем домовладыка может заработать больше денег. Как отметил В.М. Смирин, здесь указывается, какие отрасли в имении дают наибольшую экономию и позволяют избежать лишних трат¹⁶². С этой точки зрения рекомендации Катона идеальны. Расположение ивняка сразу после виноградника и огорода не случайно, так как в данном пассаже дана шкала основных и вспомогательных отраслей, при помощи которых владелец поместья может собрать, сохранить и переработать урожай с наименьшими потерями.

Рассмотрим, как Катон в 11 главе рекомендует оборудовать стоюгерное поместье с виноградником. Уже в начале главы среди шестнадцати необходимых членов персонала упомянут человек, который специально смотрит за участком засаженным ивой (11, 1). А далее, после указания на необходимое количества доливов, для виноградного вина и хлеба сразу же идет перечисление дополнительного оборудования из лозы, чтобы сохранить изготовленное вино: три

¹⁶⁰ Cat. De agr. 1. 7; пер. М.Е. Сергеевко.

¹⁶¹ Сергеевко 1950, 126.

¹⁶² Эти выводы были сделаны В.М. Смирным в докладе «Несколько наблюдений над текстом Катона «Земледелие»». См. Научные чтения памяти С.Л. Утченко // ВДИ. 1989. № 4. С. 184–186. Однако ряд ученых придерживается точки зрения, что здесь Катон имел в виду именно получение дохода в денежной форме. См., например: Кузищин 1973, 65–70.

фильтра, сплетенных из ивовых веток, столько же шумовок, чтобы снимать плесень с вина (11. 2) и три плетеных корзины для винного осадка (11. 4). Кроме того, для работ по удобрению почвы в имении было необходимо четыре навозных плетенки, из лозы, из прутьев наверняка был сделан и сам навозный короб (11. 4). Наконец в хозяйстве нужны были двадцать особо прочных америйских корзин для сбора урожая и два больших корыта, в которых носили виноград в давилню, да еще сорок корзин использовавшихся при посадке (11. 5). Катон не оставил описания оборудования для огорода, но несомненно для сбора и транспортировки зелени и овощей также широко использовали корзины и плетенки различных видов. Все это и изготавливал, тот, кто следил за ивняком в поместье. Данное дополнительное оборудование органично входило в виноградарское и овощеводческое хозяйство. Своя лоза позволяла не только собрать, транспортировать, переработать и сохранить выращенный урожай, но и не тратить денег на то, что можно было изготовить силами рабской фамилии. Поэтому лозняк следует рассматривать не как самостоятельную товарную отрасль производства на вилле, а как важную и обязательную часть поместья, которая позволяла бережливо вести хозяйство.

Кроме того, наличие основных сельскохозяйственных отраслей обеспечивало продуктами питания персонал поместья, домовладыку и его городскую фамилию. Катон прямо заявляет, что хозяин не только без труда продаст продукцию и дрова, полученные с *arbustum*, в городе, но и сам сможет использовать их для своих нужд¹⁶³. Виноградник дает много вина, самого различного качества, как для дневного пайка работников, так и для хозяина. Этим же целям служит и поливной огород, способный приносить несколько обильных урожаев овощей в год. Масличный сад обеспечивает необходимое количество оливок и масла в рационе питания фамилии. Луг нужен для выпаса скота, прежде всего для волов и овец. Без урожая с хлебного поля немислим ежедневный паек рабской фамилии. Листья из леса идут на корм овцам, из молока которых приготавливали сыр, в большом количестве потребляемый всеми слоями римского общества. Виноград, вьющийся по деревьям, дает лучшие сорта вин при минимальных затратах. И, наконец, лес с желудями поставляет и корм для свиней, и материал для работ и поделок. Наличие такого набора отраслей позволяло владельцу значительно экономить свои деньги, обеспечивая

¹⁶³ *Cat. De agr.* 7.1: et domino erit, qui utatur.

основными продуктами питания свою семью, а так же рабов и прислугу в городе и деревне

А если рядом есть еще и богатый город, судоходная река, море или торговый путь (Cat. De ag. 1. 3), то оставшиеся излишки при случае можно будет выгодно продать. Таким образом, по представлению Катона, при таком наборе отраслей и в том порядке, в котором они перечислены идеальное поместье позволяет вести рачительный и бережливый образ жизни в духе заветов предков и даже получать доход, который будет самым чистым и верным (Ibid. Praef. 3). Таким образом, идея бережливости ради развития фамильного хозяйства и расширения собственности не только отразилась в речах и делах Катона, но и положена в основу его трактата «Земледелие». Поэтому не случайно, что в трактате пригородному поместью уделено всего две главы. Оно мало вписывалось в экономические воззрения автора.

Это видно уже с первых строк седьмой главы, где Катон заявляет, что пригородному поместью, у которого тесные связи с городским рынком больше всего подойдет арбустум. Однако в так называемой шкале доходности идеального поместья (1.7) он отводит винограднику, где лозы выются по деревьям, лишь предпоследнее 8-е место. Здесь мы видим явное противоречие, и возникает проблема, как может согласоваться между собой первое и восьмое место, отведенное для *arbustum* автором трактата. Мароти, который видел в «шкале доходности» иерархию рентабельности отдельных отраслей хозяйства, специально остановился на данной проблеме. Он отверг высказанное предположение, что *arbustum* у Катона не мог означать виноградный сад, где лозы выются по деревьям, так как такой способ устройства виноградника яко бы в то время еще не был известен в Италии¹⁶⁴. С таким способом выращивания винограда автор трактата мог познакомиться в Греции или в Карфагене. Ведь для Катона было характерно везде, где бы он ни был, на хозяйственную жизнь смотреть глазами крестьянина¹⁶⁵. Помимо аргументов Мароти в пользу этой точки зрения свидетельствует и способ изложения материала автором. Катон всегда, когда писал об основной отрасли, то следом сразу же упоминал и непосредственно связанную с ней вспомогательную: виноградник (*vinea*) и лозняк (1.7), виноградный сад (*arbustum*) и дрова с хвостом (7,1), которые появляются в избытке при постоянной обрезке

¹⁶⁴ Olck 1895, 422.

¹⁶⁵ Maróti 1985, 48.

деревьев¹⁶⁶, так как для получения высокого урожая нельзя было допускать, чтобы кисти винограда оказывались в тени¹⁶⁷.

Мароти считал, что разные места *vinea* и *arbustum* в «шкале доходности» связаны с тем, какой урожай от них получали¹⁶⁸. Он предложил видеть в упомянутом списке перечень поместий с указанием их специализации наподобие *forma censualis*, приведенной Ульпианом (D. 50. 15. 4pr.)¹⁶⁹. С этим можно было бы согласиться, если бы не присутствие на третьем месте лозняка. По-видимому, все-таки надо признать, что пригородное поместье, прочно привязанное к запросам городского рынка, когда арбустум позволял получать прибыль от продажи, как продукции виноградарства, так и дров и хвороста (Cat. 7. 1) не соответствовал экономическим воззрениям, базировавшимся на идеалах *mos maiorum*, которые, как общепризнано, оказывали значительное влияние на характер изложения материала в трактате. Да и советовать согражданам, живущим по заветам предков, для идеального поместья практически неизвестный доселе способ выращивания винограда, заимствованный у побежденных врагов, было бы весьма неосмотрительно. Поэтому арбустум, при возделывании которого на римском рынке кроме винограда и вина в придачу еще можно продать и дрова, лучше всего подходит для пригородного участка. А в идеальном поместье, расположенном вне зоны *suburbium*, традиционный виноградник сразу же выходит на первый план.

В главах 7 и 8 обращает на себя внимание и то, в каких терминах автор описывает имение, обозначенное в 7. 1 как *fundus suburbanus*. В гл. 8. 2 он говорит о хозяйстве, употребляя термин *sub urbe* – под городом. А чуть ниже он называет владение не подгородным, а городским – *fundus urbanus*. То, что Катон свое поместье считает то подгородным, то городским весьма примечательно и указывает на местоположение этого участка. Дионисий Галикарнасский отмечал, что еще с эпохи царей со всех сторон вплотную к Риму примыкали многочисленные и обширные пригороды. Дома с сельскими участками вклинивались в территорию города, и невозможно было определить «до какого предела простирается город и откуда начинается загородная территория». Таким образом город и сельская местность слились вместе и складывалось впечатление, что город тянется бес-

¹⁶⁶ Сергеев 1955, 31.

¹⁶⁷ *Plin. HN. XVII. 200*; Maróti 1985, 48.

¹⁶⁸ Maróti 1985, 47.

¹⁶⁹ Maróti 1985, 41.

конечно (Dionys. IV. 13. 3□4). Этот пассаж выражал господствующее в массовом сознании представление римлян о ситуации, сложившейся в подгородной зоне, что и нашло отражение в терминологии Катона.

Исследование пригородов Рима имеет давнюю традицию. Антиковеды, занимающиеся экономической историей, отталкиваются от теории, сформулированной И. фон Тюненом еще в 1826 г. в книге «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике». Согласно ему, сельскохозяйственную территорию вокруг города можно условно разделить на нескольких concentрических кругов. И существовала непосредственная зависимость между степенью удаленности земельного участка от города и набором возделываемых на нем сельскохозяйственных культур. Возле самого города располагались огороды и хозяйства, специализировавшиеся на производстве молока и молочных продуктов. Далее шли пахотные земли и пастбища для скота. Римская пригородная зона, как единодушно отмечают историки, является прекрасной иллюстрацией этой теории¹⁷⁰. Непосредственно к Риму примыкала зона огородов и садов, опоясывавшая город сплошной полосой.

В этой связи необходимо остановиться на толковании слова *hortus* у Катона (8. 2). В переводе М.Е. Сергеевко, и по мнению некоторых других историков, *hortus* – это овощи: «Под городом сажай всяческие овощи...»¹⁷¹. Однако в литературе существует и другая точка зрения, которую предложил П. Тильшер¹⁷² и аргументированно поддержал Э. Мароти¹⁷³: «*sub urbe hortum*» Катона следует понимать в смысле *hortus suburbanus*. Мароти показал, что *hortus* в значении «овощи» в древнеримских текстах употребляется лишь дважды: у Варрона (RR. I. 23. 6) и у Горация (Sat. II. 4. 16), и выразил сомнение, можно ли на основе этих примеров видеть у Катона в *hortus* также овощи. Мароти обращает внимание, что когда античные авторы цитируют Катона, то они употребляют *hortus* в значении сад. Так, Варрон почти дословно следует за Катonom, отмечая, что весьма выгодно *sub urbe colere hortos*. М.Е. Сергеевко и здесь переводит *hortos* как «овощи», хотя с последующим перечислением различных цветов го-

¹⁷⁰ Carandini 1988, 339–340; Kolendo 1994, 60; Morley 1996, 11.

¹⁷¹ Катон 1950, 15; ср. ее же перевод в издании под редакцией М.И. Бурского (1937): «Под городом сделай так, чтобы разводились овощи всех видов...» (с. 126). Ср. Кузищин 1973, 133. См. также Dohr 1965, 67.

¹⁷² Thielscher 1963, 44□45.

¹⁷³ Maróti 1985, 42□43.

раздо лучше сочетаются «сады»¹⁷⁴. Наконец наиболее важным аргументом в пользу, того что *hortus* у Катона означает «сад» предстает свидетельство Плиния Старшего, который прямо указывал, что Катон рекомендовал в садах сажать растения для венков¹⁷⁵. К этому можно еще добавить, что Катон подробно перечисляет и цветы, и растения, и плодовые деревья, которые следует сажать в саду, но ни разу не упоминает ни одного овощного растения, кроме спаржи в предпоследней 161 главе трактата. Однако, напротив, в описании крестьянского хозяйства в *Moretum*¹⁷⁶ перечисляются практически все овощи, выращиваемые под Римом. Все это вместе взятое позволяет видеть под термином *hortus* именно сад, а не овощи.

Подобное подгородное владение, ориентированное на выращивание садово-огородных культур, не было явлением новым. Как сообщает Плиний Старший, сады под Римом существовали издавна. Они располагались на небольших участках и принадлежали весьма небогатым людям (*Plin. NH. 19. 52*), которые своими руками возделывали землю, выращивая зелень, овощи и цветы. Римский рынок, куда бедняки поставляли продукцию, был для них единственным источником средств существования. В римском обществе и прежде всего у представителей элиты сложилось определенное отношение к собственности, расположенной там. Этот аспект непосредственно наложил отпечаток на различие и в объеме, и в содержании изложенной информации о пригородном поместье у обоих авторов. В то время как Варрон посвятил *suburbanum* почти треть своего сочинения, у Катона речь о нем идет лишь в двух главах (7□8), а центральное место занимает *villa rustica* среднего размера. Такая диспропорция, как представляется, неслучайна. Столь малое внимание, уделяемое пригородному поместью ученым земледельцем, косвенно указывает, что оно в хозяйственной структуре знатной римской фамилии (у сенаторов и всадников) в начале II до н.э. имело небольшое значение. Это непосредственно проистекало из представлений высших социальных групп римского общества о приоритете *mos maiorum* в мотивации хозяйственной деятельности, о характере престижной собственности и достойных формах деятельности.

¹⁷⁴ *Varr. RR. I. 16. 3*: itaque sub urbe colere hortos late expedit, sic violaria ac rosaria, item multa quae urps recipit. Именно так понимает это место Е. Колендо (*Kolendo 1994, 64*).

¹⁷⁵ *Plin. NH. 21. 1*: in hortis seri et coronamenta iussit Cato.

¹⁷⁶ [*Verg.*] *Moretum* 71□89.

Трактат Катона прямо начинается с рассуждений о том, чем пристало заниматься достойному гражданину (*vir bonus*). Глава фамилии должен стремиться получать доход, однако не всякая деятельность достойна домовладыки. Он противопоставляет земледелию торговлю и ростовщичество. Торговля не привлекательна, а отдавать деньги в рост не почетно (*Praef. 1*). Глава фамилии должен стремиться быть «хорошим землевладельцем и хорошим хозяином» (*Praef. 2*; перю М.Е. Сергеенко). Только такой род занятий давал доход самый чистый и самый верный. Во вступлении прямо прослеживается анти-ростовщическая направленность и вера в возможность получения дохода за счет отлаженного поместного хозяйства. По представлению Катона, когда вскоре после окончания Ганнибаловой войны он писал этот трактат и начал заниматься активной хозяйственной практикой, при налаженной эксплуатации поместья среднего размера можно было получить солидный доход. И эти представления были, видимо, типичны в среде римской элиты того времени¹⁷⁷. Ранний Катон и Катон на старости – это люди с разными представлениями о формах и способах получения прибыли.

Определенные требования Катон предъявляет и к поместью, которое должно отражать престижный статус хозяина. Имение должно быть хорошим (*bonum praedium*) и расположено в хорошей местности (1. 1–3). Подводя итог своим рассуждениям, он подчеркивает, что лучшее поместье (*praedium quod primum est*) – это поместье с разнообразными и лучшими почвами (*de omnibus agris optimo*: 1.7). А хорошая местность – это здоровое место (*locus saluber*: 1. 3; 14. 5), чему древние придавали большое значение, и которое мог себе позволить выбрать не каждый. В противоположность имению средних размеров у пригородного поместья было мало данных для демонстрации высокого статуса хозяина, поскольку значительную часть его занимал сад, где росли различные фруктовые деревья (7. 3) и цветы (8. 2).

Таким образом, в то время, когда Катон писал свое сочинение, гарантией и олицетворением высокого социального статуса римской элиты было расположенное, как правило, в центральных районах Италии поместье средних размеров, основанное на труде рабов. А пригородные владения знати, расположенные под стенами Рима по соседству с небольшими участками рядовых граждан и мало отличавшиеся от них по набору возделываемых культур, такой роли не играли. Хотя современные авторы отмечают удивительно высокую

¹⁷⁷ Кузишин 1966, 64–65.

доходность пригородного хозяйства¹⁷⁸, тем не менее размер прибыли в глазах Катона еще не делал это поместье идеальным для *vir bonus*.

Для таких владельцев, у которых одно из имений находилось поблизости от Рима, Катон и дает в 7 и 8 главах краткие рекомендации по обустройству пригородного хозяйства. Он прежде всего рекомендует возделывать как и в идеальном поместье всякие сорта винограда (7. 1). Хотя для хозяина, привыкшего считать каждый асс, виноградный сад, где лозы вьются по деревьям, видится наиболее выгодным. И вообще надо подходить к данному вопросу разумно и выращивать все, что подходит (7. 1). В пригородном хозяйстве должен быть фруктовый сад, где растут яблони, груши нескольких сортов, гранаты, столовые сорта айвы (7. 3) и смоковницы нескольких видов (8. 1). Маслины хорошо иметь двух сортов, для засолки и потребления в свежем виде (7. 4), и несколько видов орехов, в том числе и миндаль (8.2). Впрочем, по поводу рекомендации миндаля Дор выразил недоумение, поскольку в те времена этот сорт орехов был практически неизвестен римлянам¹⁷⁹. Здесь же Катон дает советы, как обработать плоды для длительного хранения. Кроме того, он рекомендует выращивать в пригородном саду и разнообразные цветы для венков, свадебный и другие сорта мирта, лавр и мегарский лук (8. 2). В этом перечислении обращает на себя внимание прежде всего два момента: во-первых, многообразие видов садовых культур, а во-вторых, как смело автор рекомендует возделывать новые растения (лоза, вьющаяся по дереву, миндаль), которые были в новинку для римских земледельцев, но могли принести хозяину большую пользу.

Перечень всех этих плодов, выращенных для продажи в спелом виде, переработанных или заготовленных впрок для продажи, к которым добавлены заодно еще и дрова (7. 1), показывает, что перечисленными оказались товары, способные значительно разнообразить стол различных слоев городских жителей, как в будни, так и в праздники, а также то, без чего нельзя было обойтись во время семейных и общественных празднеств. В трактате Катон в 7 и 8 главах как раз и дал совет домовладыке, уже имеющему поместье среднего размера и знакомому с практикой его обработки, как следует возделывать еще и садовый участок, непосредственно примыкавший к городу или даже находившийся на его окраине, и чему там отдать предпочтение. Ведь

¹⁷⁸ Кузищин 1973, 133□139; Maróti 1985, 44; White 1970, 49.

¹⁷⁹ Dohr 1965, 69.

пехитрый набор овощей на крестьянском участке и так издавна был хорошо известен каждому римскому земледельцу.

Все это показывает, что Катон рекомендует изобретательно подходить к решению проблемы выбора сельскохозяйственных культур, возделываемых в пригородном садовом участке, чтобы уйти от традиционно узкого набора культур в крестьянском хозяйстве. Поэтому и *sollertissimum* в гл. 8. 2 в контексте всего выше изложенного следует переводить как «наиболее искусно», то есть иначе, чем это традиционно делалось в крестьянском хозяйстве, с учетом новых знаний и возможностей.

Однако несмотря на стремление ученого земледельца к новациям и попыток уйти от старых подходов при наборе культур в пригородном хозяйстве, Катон все же не в силах полностью порвать с крестьянским мировоззрением. Он бережно хранит и передает опыт крестьянина и неосознанно придерживается крестьянских способов ведения хозяйства. Как подметила М.Е. Сергеенко, характеризуя автора трактата: «Сквозь неуклюжие и деловые строчки проглядывает облик старозаветного итальянского хозяина»¹⁸⁰. Катон в духе крестьянской мудрости дает советы, как можно длительное время сохранять свежим виноград и как приготовить из него изюм (7. 1), как обработать для длительного хранения иные плоды и ягоды (груши, маслины, рябину), чтобы продукты не пропали и их можно было бы употреблять в пищу членам фамилии, а также вывозить на продажу уже после окончания сбора урожая, когда цены вырастут. Как уже отметил Кузицин, начало трактата с его антиростовщических настроений и прославлением хороших земледельцев, из которых выходят самые стойкие солдаты (RR. Praef. 1–3), написано с позиции крестьянского идеала¹⁸¹.

Наиболее ярко его крестьянская ментальность пробивается при описании характера экономической деятельности. В свое время Тибилетти, с которым полностью солидаризировался В.И. Кузицин, характеризуя крестьянские подходы к экономической деятельности ученого земледельца, отмечал, что у Катона отсутствует предпринимательская стратегия по регулярному получению максимальной прибыли от земельной собственности. Его рекомендации по распродажам (а они содержатся в гл. 2. 7 и 7. 1) позволяют получить лишь небольшую компенсацию за инвестиции при создании поместья. И эти

¹⁸⁰ Сергеенко 1958, 25.

¹⁸¹ Кузицин 1966, 61.

«патриархальные наставления...больше подходят к небольшому полю старого времени с его натуральным хозяйством, чем к имению в сотни югеров...»¹⁸².

Это свидетельствует о противоречивости взглядов Катона в период написания трактата. С одной стороны, он уже умеет считать прибыль и знает, как ее получить наилучшим образом. Однако, с другой стороны, он – носитель гражданских ценностей, основанных на *mos maiorum*, с отношением к земле как статусной ценности. Эту черту Катона, нашедшую отражение на страницах трактата, кратко и точно обозначил В.И.Кузищин: «Во многих его советах сквозит расчет скорее узкий крестьянский экономизм, чем трезвый деловой расчет крупного хозяина»¹⁸³. Поэтому Катон, касаясь деятельности домовладыки в поместье под Римом, располагавшим огромным спросом на сельскохозяйственную продукцию, рекомендует обустраивать пригородное хозяйство «как можно искусней», но с оговоркой: «если оно у хозяина одно»¹⁸⁴. А все силы и средства следует вкладывать в поместье среднего размера, стремясь приблизить его к идеальному. В эпоху Катона пригородное поместье как доходное предприятие, ориентированное на удовлетворение самых широких запросов горожан, еще не сложилось, что уже отмечалось в исторической литературе¹⁸⁵. Катону еще далеко до тех предприимчивых владельцев поместий, которые появятся в следующем веке, создав в земельных владениях высокодоходные предприятия, ориентированные на городской рынок и приносящие регулярно высокую прибыль домовладыке.

Таким образом, развитие поместного хозяйства требовало значительных финансовых затрат, а доходы приносило небольшие. И одной бережливостью, сведением расходов к самому необходимому минимуму проблему решить было невозможно. Ситуация, когда ведение фамильного хозяйства и поддержание высокого социального статуса требовали все больше и больше денег, лишь усугублялась распространившимся после Ганнибаловой войны стремлением к роскоши и богатству. Одной из фигур, наиболее полно олицетворявшей эту тенденцию, традиционно считается постоянный оппонент и политический противник Катона, соперник в военной доблести и носитель

¹⁸² Цит. по: Кузищин 1966, 61.

¹⁸³ Кузищин 1966, 61.

¹⁸⁴ *Cat. De agr.* 8. 2: *fundum urbanum, et qui eum fundum solum habebit, ita paret itaque conserat, uti quam sollertissimum habeat.*

¹⁸⁵ Кузищин 1973, 134.

принципиально иного образа жизни – Сципион Африканский, привнесший в римскую повседневность «царские обычаи»¹⁸⁶.

Однако растущую потребность в деньгах одни сельскохозяйственные угодья обеспечить не могли. Оказавшись в таком положении, главы фамилий бросаются добывать их самыми разными способами. Доход извлекали из всех возможных источников: получали деньги по завещаниям, активно вторгались в торгово-ремесленную деятельность, принуждали клиентов и вольноотпущенников делать дорогие подарки и т.д. Именно в этом контексте следует рассматривать очередную закон против роскоши, *lex Cincia*: по предложению народного трибуна 204 г. до н. э. Марка Цинция патронам было запрещено принимать дорогие подарки и подношения от их клиентов¹⁸⁷.

Катон тоже не остался в стороне от процесса поиска денег. По словам Плутарха (*Cato Mai.* 21), в ходе многолетней практической деятельности он пришел к мысли, что земледелие несмотря на все усилия не может быть источником высокого дохода. Поэтому он расчетливо стал помещать деньги в доходные предприятия, активно используя в хозяйственной деятельности своих рабов. Он приобретал водоемы, горячие источники и участки, удобные для устройства фуллоник, продукция которых была широко востребована в античном Риме: ремесленники-фуллоны занимались стиркой одежд и валянием сукна и войлока. Зная, что заморская торговля приносит огромную прибыль, он охотно ссужал деньги под большие проценты торговцам, занимавшимся этим прибыльным, но весьма рискованным делом. С этой целью он не раз организовывал торговые сообщества через своего вольноотпущенника Квинктиона, связанного с патроном обязательствами исполнять *operae libertorum*. Когда набиралось пятьдесят дольщиков с пятьюдесятью судами, Катон, оговорив для себя одну пятидесятую долю прибыли (помимо процентов за ссуду), отправлял торговую флотилию под присмотром Квинктиона за заморскими барышами и всегда получал огромные прибыли. Такая форма обогащения вызывала осуждение, и Плутарх ее назвал самой постыдной (*Cato Mai.* 21. 6).

Однако в своей деятельности Катон не переступал закона, запрещавшего нобилям заниматься ростовщичеством. В этом же духе он ссужал деньги и своим рабам, которые приобретали мальчиков, а затем через год, после основательного обучения с выгодой их прода-

¹⁸⁶ Ср.: *Liv.* 29. 19. 3 (...*externo et regio more*); *Plut.* *Cato Mai.* 3. 4–7.

¹⁸⁷ *Liv.* 29. 20. 11; *Cic.* *De sen.* 10. Подробнее об этом законе см.: Sauerwein 1970, 3, 64.

вали. Деньги Катон либо отдавал в рост внутри фамилии, либо такую сделку совершал вольноотпущенник, имевший статус свободного римского гражданина. Продолжая заниматься сельским хозяйством, он предпочитал приобретать плодородные земли с пастбищами и лесами и с выгодой сдавать их в аренду, как это он советовал в своем трактате (*De ag.* 149). И здесь Катон нашел способ получения максимальной прибыли: он практиковал передачу съемщику на временный выпас пары хозяйских волов и мерина в придачу, получая арендную плату и не тратясь на собственного пастуха.

Особенно широкий масштаб с этого времени приобрело обогащение за счет военной добычи¹⁸⁸. В принципе и Катон не осуждал тех, кто старался обратить войну в средство наживы (*Plut. Cato Mai.* 10. 5), рассматривая получение на войне добычи как компенсацию за пролитую кровь и перенесенные опасности. В речи в защиту Л. Цезетия он прямо говорит, что если воин останется цел на войне, но не раздобудет денег, то упадет в нищету¹⁸⁹. Однако свои руки и руки близких к нему людей он сохранил чистыми от грабежа.

Главными инициаторами войн, суливших обогащение, становятся нобили. Как сообщает Ливий, предложенный в 200 г. до н.э. закон о войне с Македонией первоначально был отклонен почти всеми центуриями. А плебейский трибун, выражая мнение большинства, прямо обвинил сенаторов в том, что они, не считаясь с мнением народа, закупают одну войну за другой (*Liv.* 31. 6. 4). Как отметила Н.Н. Трухина, «со времени Сципиона Великого кончилась эпоха тех римских воинов, которые разбивали лагерь вокруг яблони и покидали стоянку, не тронув ни одного сладкого плода, устарели правила строгих полководцев... вышла из моды слава сравнительно бедных “деревенских триумфов”»¹⁹⁰. По существу войны стали вестись не ради процветания общины и безопасности государства, а ради добычи и славы полководца за счет крови общинников. И данный источник обогащения для римской верхушки стал самым предпочтительным.

Таким образом, у Катона прослеживается двойственное отношение к экономической жизни фамилии. С одной стороны, его идеальные представления о формах хозяйственной деятельности *pater familias* базировались на господствовавших в римской гражданской об-

¹⁸⁸ Подробнее см.: Piganiol 1967, 387–391.

¹⁸⁹ *Cat. Orat. Fr.* 208: *audite sultis, milites, si quis vestrum in bello superfuerit, si quis non invenerit pecuniam, egebit.*

¹⁹⁰ Трухина 1986, 110.

мине mores maiorum: главной ценностью выступали умеренность и бережливость. Этим принципам Катон искренне стремился следовать как в повседневной жизни, так и в хозяйственной практике, и всячески побуждал к этому других. Но, с другой стороны, потребность в деньгах для обеспечения успешного функционирования поместья хозяйства и поддержания на подобающем уровне городского дома (и то и другое призвано было подтвердить социальный статус и престиж pater familias в глазах окружающих), толкала его на сомнительные с моральной точки зрения, но весьма прибыльные операции. И вообще, обогащение вне сферы сельского хозяйства, в первую очередь, за счет военной добычи, становится нормой повседневной экономической деятельности и поиска необходимых средств даже у такого ревнителя старины, как Марк Порций Катон Старший.

ГЛАВА 2

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФАМИЛИИ В ПОСЛЕДНИЙ ВЕК РЕСПУБЛИКИ

§ 1. Новые аспекты хозяйственной жизни фамилии в I в. до н.э. по трактату Варрона «Сельское хозяйство»

Хозяйственный организм знатной римской фамилии в эпоху Поздней республики находился в постоянном развитии. И, как это можно проследить по трактату Варрона «Сельское хозяйство», в I в. до н.э. в его функционировании наметился ряд новых черт. Сочинение агронома начинается с обсуждения, что следует включать в понятие земледелие и в чисто земледельческую деятельность. При этом негативной оценке подвергаются труды предшественников, писавших о земледелии по-пунийски, по-гречески и по-латыни, из-за слишком широкого круга рассматриваемых вопросов, которые неуместны в сочинении, посвященном земледелию (I. 2. 13). Сам автор обещает изложить предмет короче и конкретнее (I. 1. 8–11). Появление данного сюжета не было случайным. М.Е. Сергеевко считала, что в указанном пассаже Варрон демонстрирует формальную критику «не по существу», и для него важнее было создать труд, подобный отточенным греческим сочинениям. Поэтому он старается заменить «неуклюжие» творения предшественником стройным агрономическим трактатом¹.

Однако кроме культурно-лингвистических причин были и другие, побудившие Варрона к писательской деятельности в сельскохозяйственной сфере. Надо учитывать, что Апеннинский полуостров, отличавшийся природно-географическим разнообразием, являл собой к тому же довольно пеструю этнополитическую картину. Эти факторы влияли на то, что материковая Италия вплоть до 90–60 гг. до н.э. оставалась в политическом отношении разнородной². Но еще до утверждения политического единства римляне завершили колонизацию всех районов полуострова, распространив свои сельские владения по всей территории Италии, и практически освоили обширные территории.

В результате уже I в. до н.э. в обществе сформировалось представление об Италии как о единой стране, принадлежащей римлянам. Это нашло отражение в упоминании Варроном общей карты Италии (I. 2. 1), которую рассматривали собеседники автора трактата. И

¹ Сергеевко 1963, 5–7.

² Nicolet 1988a, 43–44.

главное – это пассаж о восхвалении Италии (I. 2. 3–10), за которую участники диалога испытывают гордость. На вопрос откупщика П. Агразия, видел ли кто-нибудь землю, обработанную лучше, чем Италия, участники встречи единодушно отвечают отрицательно. Утверждение Г. Агрия, римского всадника и поклонника Сократа, что нет страны, которая была бы так возделана вся целиком (I. 2. 3), дополняет тест писателя Г. Фунданий, говоря, что нет ни одного полезного растения, которое бы не росло в Италии и к тому же не было бы превосходным. Лучшая полба – кампанская, пшеница – апулийская, вино – фалернское, масло – венафрское, а из-за обилия фруктовых деревьев вся Италия кажется сплошным садом³. Отзвуки этого пассажа мы находим в целой череде восхвалений Италии в античной литературе (Verg. Georg. II. 136–176; Strab. V. 1. 1, 4; VI. 4. 1; Plin. NH. III. 38–42; VII. 159; Vitruv. VI. 1. 10–11). В них отразился внутренний мир римлян, которые осознавали себя хозяевами освоенного ими пространства Апеннин⁴.

Разнообразие ландшафта, почв и климатических условий объективно способствовало сельскохозяйственной специализации. Античные авторы отмечали многообразие природных условий и богатство растительного мира, подчеркивали специфические особенности того или иного региона, наличие или отсутствие благоприятных условий для жизни людей и развития отдельных отраслей сельского хозяйства. Прибрежная зона, пригодная для обработки в течение всего года, значительно отличалась от горных регионов. Апулия, Лукания и Бруттий располагали прекрасными пастбищами и оставались чисто скотоводческими регионами. Знамениты были своими пастбищами и самнитские горы. Равнины Этрурии возделывались под зерновые культуры и виноградники. Плодородная Почва Кампании давала обильные урожаи зерновых, винограда и оливок. Долина реки По (хотя, по представлениям древних, она не входила в состав собственно Италии) после заселения и романизации во II в. до н.э. славилась обильными урожаями хлеба и свиноводством. Прекрасные условия для земледелия и разведения скота были в Лации и Сабинской земле. Эти знания, приобретенные эмпирическим путем и зафиксированные античными авторами, позволяли организовать в поместье занятие именно тем видом сельскохозяйственной деятельности, который позволит добиться наилучших результатов.

³ *Varr. RR. I. 2. 6: non arboribus consita Italia, ut tota pomarium videatur?*

⁴ Ср. Nicolet 1988b, 272–273; Gély 1991, 11, 28, 317.

Освоение многообразных природных зон требовало в каждом конкретном случае различных подходов в приемах обработки и возделывания почвы. Поэтому трактат Катона, практические знания которого во II в. до н.э. ограничивались лишь хорошо известными ему областями Кампании и Лация, не удовлетворял новым запросам и выглядел устаревшим. А его разнообразные, но зачастую нелогично соединенные между собой рассуждения, естественно, вызывали не удовлетворение у Варрона, географический кругозор которого охватывал весь Апеннинский полуостров. Хотя для Варрона сельское хозяйство было повседневным занятием в меньшей степени, чем для Катона, однако он, как отметила М.Е. Сергеевко, опираясь на многочисленные конкретные упоминания данного региона⁵, хорошо знал хозяйственную практику Сабинской области, откуда был родом⁶. Природные особенности этого края позволяли получать хорошие урожаи зерновых и успешно заниматься скотоводством, что и нашло отражение в первой и второй книгах трактата. Для возделывания винограда условия здесь были неподходящие, поэтому ему уделено меньше всего внимания⁷. Это обусловило, что в сочинении Варрона экономическое поведение главы фамилии обрисовано не абстрактно, а в непосредственной связи с конкретной хозяйственной деятельностью прежде всего в Сабинской области. Но его грамотные рекомендации землевладельцам не исчерпываются лишь собственными практическими знаниями.

Широкий кругозор позволяет автору касаться и других областей Италии. Он знает, чем славится Кампания, Апулия, Венафр, что в некоторых областях Италии один югер приносит по 10 мехов вина, как на северо-востоке Италии в области пиценов (I. 2. 7), и даже по 15. А в Фавентинской области виноградная лоза дает с югера 300 амфор, как в поместье Марция Либона, префекта фабров, и ее там так и называют «трехсотницей» (I. 2. 7). Варрон регулярно вставляет в свой трактат сведения о тех или иных знакомых ему землевладельцах и о том, чем интересны их поместья. Знает он и то, чем славятся отдельные области в Греции. Знания, полученные от сведущих в сельскохозяйственной деятельности друзей и знакомых, автор активно применяет в своем сочинении.

⁵ См., например: *Varr. RR.* I. 1.14; I. 6.1, 6; I. 8. 3, 5–6; II. 2. 9; III. 1. 6; 2. 3, 5; 12. 1).

⁶ Сергеевко 1963, 12–14; Кузищин 1976, 101.

⁷ Сергеевко 1963, 11–13.

При организации поместного хозяйства ученый агроном, прежде всего, обращает внимание на рельеф местности. От расположения участка на равнине, на холме или на горе в первую очередь зависит характер хозяйственной деятельности, то, какие культуры стоит возделывать и даже сроки проведения тех или иных работ, так как на высоких местах и сеют и жнут позднее, чем внизу (I. 6. 1–6). Здесь мы опять видим, как учет географического разнообразия Италии сочетается с практической деятельностью Варрона и его знакомых. Варрон владел поместьем на горе Везувий (I. 15). Сам он был родом из холмистой Сабинской области, там же находилось и поместье его жены (I. 15). На обширных пастбищах Апулии паслись его овечьи стада, а нездоровые места, о которых идет речь в трактате (I. 6. 3), – это неизвестные ему апулийские болота вдоль побережья, упомянутые и Витрувием (Vitr. I. 4. 12). Варрон со знанием дела рекомендует миндаль и смоковницы сажать по низинам, в то время как лучшие ели и сосны вырастают на горах (I. 6. 4). Хлеба дают лучший урожай на равнинах, виноград – на холмах. Зимой луга покрыты сочной травой на равнинах, а летом много травы в горах (I. 6. 5). Эти знания уже прочно укоренились у наиболее образованной части землевладельцев, что дало основание Скрофе, названному в трактате «самым опытным в сельском хозяйстве римлянином»⁸ заявить, что предки получали с таких же, как у них, участков хлеба и вина меньше и хуже качеством.

Столь же обширны и конкретны знания автора и о своеобразии почв, что позволяет хозяину подобрать оптимально выгодный набор растений в поместье. Автор демонстрирует знания по всему ареалу Средиземноморья, отмечая связь того или иного растения с почвами (I. 7,5–8; I. 8,1–6), активно используя сведения, почерпнутые из агрономических трактатов греков и пунийцев. Он дает профессиональную оценку структуры верхнего слоя земли, ее влажность и плодородие: в Пупинии недалеко от Рима почва скудная, в Этрурии – жирная, а в местечке Тиволи – средняя (I. 9,5–6).

Знание особенностей различных регионов позволило Варрону давать такие рекомендации, которыми могли пользоваться владельцы поместий в любом уголке Италии. Таким образом, разнообразие географических условий Италии, которую повсеместно освоили римляне, потребовало более обширных и глубоких знаний, чем это требо-

⁸ Varr. RR. I. 2. 10: qui de agri cultura Romanus peritissimus existimatur (пер. М.Е. Сепренко).

валось от землевладельцев веком раньше. Поэтому-то Варрон и строит свой трактат, обращенный к широкому кругу владельцев имений, на широком привлечении трех видов взаимодополняющих источников: 1) личный опыт автора, полученный при управлении, как своих поместий, так и поместий жены, расположенными в различных районах Италии; 2) то, что он прочитал в сочинениях ученых-земледельцев и 3) то, что узнал от опытных хозяев (I. 1,11). Таким образом, в распоряжении крупных земельных собственников в I в. до н.э. оказались обширные знания о всевозможных приемах и способах сельскохозяйственной деятельности в каждом регионе Италии с учетом расположения участка и местных особенностей, как климата, так и почв и рекомендации к их практическому применению в поместных хозяйствах.

Вся рассмотренная выше сумма фактов отразила одну из главных черт хозяйственной жизни фамилии, которая проявлялась в ее неразрывной связи с жизнью гражданской общины, обусловившая ее место и роль в экономическом развитии древнеримского общества. Развитие и рост основной хозяйственной ячейки был опосредован и в основных направлениях напрямую предопределен развитием древнеримской *civitas*. Вслед за *civitas*, которая вышла за границы своего первоначальной территории и установила господство над всей Италией, *familiae* представителей верхних слоев римского общества, повторяя этот путь, перешагнули через границы крестьянского хозяйства в Лации и распространили свои владения по всей территории Апеннинского полуострова. Это была та экономическая субстанция, на основе которой и было возможно создать прочный политический организм, при том что до 90–60-х годов до н.э. применительно к полуостровной Италии можно говорить лишь об относительном политическом единстве⁹.

На этих итальянских просторах начали функционировать многочисленные поместья римской знати. Это создало благоприятные условия для формирования крупной земельной собственности. Впрочем, как показывают просопографические исследования, большая часть земельных владений сенаторов и всадников были весьма велики уже в конце II в. до н.э. П. Красс Муциан в конце II в. до н.э. обладал состоянием, превышавшим миллион денариев, и владел примерно 100 000 югеров земли¹⁰. Сципион Старший, сколотивший свое со-

⁹ Nicolet 1988a, 44.

¹⁰ *Cic. De off.* 17.

стояние за счет военной добычи, имел несколько поместий стоимостью до двух миллионов сестерциев¹¹. Земельные владения и богатства остальных представителей римской элиты в этот период, по видимому, не превышали известные примеры. Земельная собственность в этот период состояла из нескольких поместий катоновского типа.

Как показали специальные исследования, посвященные определению размеров и структуры крупнейших землевладельцев Рима в конце Республики¹², таких как Гай Марий, который, по словам Плутарха, накопил царские богатства (Plut. Mar. 45), и Марка Туллия Цицерона, одного из самых богатых сенаторов эпохи поздней Республики и крупнейшего землевладельца, мало что изменилось в этой сфере. Крупное землевладение имело дробную структуру и представляло совокупность поместий небольшого и среднего размера¹³.

Однако в эволюции крупной собственности наметились и новые черты, нашедшие отражение в варроновском «Сельском хозяйстве». С одной стороны, как уже было отмечено в литературе, трактат Варрона отражал «опыт функционирования крупного земельного хозяйства»¹⁴. Владельцем нескольких поместий был сам Варрон, такими же богатыми собственниками предстают его собеседники и персонажи, приведенные в качестве примера. Рост землевладения, однако, не изменил структуру и размеры поместий. Типичным и распространенным практически повсюду остается вилла катоновского типа. Такое поместье средних размеров, основанное на применении рабского труда, по единодушному признанию всех исследователей римского сельского хозяйства, было в центре внимания Варрона¹⁵. Он знает советы Катона, но, тем не менее, при характеристике наилучшего имения и расположения хозяйской усадьбы у него есть свои собственные представления. Вилла и хозяйственные постройки должны соизмеряться с размерами поместья (I. 1, 11). Усадьба должна быть защищена от негативного воздействия различных природных факторов и постройки необходимо расположить так, чтобы их обдували здоровые ветра. Лучшее расположение хозяйского дома у подножья лесистой горы (I. 12. 1).

¹¹ Кузищин 1976, 36.

¹² Кузищин 1976, 67–131.

¹³ Кузищин 1976, 71, 130.

¹⁴ Кузищин 1976, 102.

¹⁵ Gummerus 1906, 56–57; Dohr 1965, 25–28, 145–148; Сергеев 1963, 14–20; Кузищин 1976, 103–104.

Организация работ такая же, как и у Катона, хотя его расчет рабского персонала для поместья Варрон подверг едкой критике (I. 18. 1–5). Впрочем он не намерен был слепо следовать и указаниям Сазерны, к советам которого относился с уважением (I. 18. 6). Во главе поместного хозяйства стоит виллик. Земля обрабатывается трудом рабов, но основной объем сезонных работ, требующих большого числа рук, как сбор винограда и сенокос, выполняют нанятые свободные работники (I. 17. 2). Расчет количества работников, тягловых животных и инвентаря каждый домовладыка должен делать сам, сообразуясь с реальной практикой в своей местности, так как для поместья в долине реки По, в гористой Лигурии и в Кампании для одного и того же вида работ потребуется разное время, иной рабочий скот и другой набор инвентаря (I. 18. 6–8; 19–23). Так же подробны рекомендации Варрона (вложенные в уста Скрофы) и о том, какие растения и деревья следует сажать в поместье и где они подойдут лучше всего (I. 23–26). Таким образом, владельцы рабовладельческих имений среднего размера могли найти в трактате Варрона как конкретные практические рекомендации, так и общие принципы подхода к организации ведения традиционного поместного хозяйства фамилии.

Однако, с другой стороны, в трактате Варрона появляется первое свидетельство о появлении новой формы крупной земельной собственности, представленной единым обширным земельным владением (*lati fundi* ~ I. 16. 4). Это упоминание очень краткое, и автор дает лишь общие черты характерные для латифундии. Латифундии принадлежат богачам. Персонал этих обширных поместий весьма многочисленный и включает не только рабов, занятых на сельскохозяйственных работах, но и толпы домашней челяди (*domestica copia*), среди которой находились и специалисты, занимавшиеся профессиональной ремесленной деятельностью, что не может себе позволить подавляющая масса землевладельцев. Из контекста видно, что латифундии еще весьма редкое явление, и никто из собеседников Варрона поместьями такого типа не располагал. Как показало специальное исследование В.И. Кузищина, латифундии в конце Республики были явлениями единичными, и никаких «жалоб на повсеместное распространение латифундий и губительность их для сельского хозяйства страны, как правило, в источниках I в. до н.э. нет»¹⁶, в отличие от I в. н.э.

¹⁶ Кузищин 1976, 103–105.

Да и сам термин *latifundium* входит в широкий обиход только в эпоху Империи¹⁷.

Однако главы фамилий в этот период все же перешли к использованию крупных земельных массивов в хозяйственной практике. Это было непосредственно связано с утвердившимися в среде римской знати представлениями о цели занятия сельским хозяйством. Деятельность домовладыки с ее тратами и поисками прибыли была подчинена двум главным целям, о чем прямо заявляет Варрон (I. 4. 1). Владельцы поместий «должны стремиться к двум целям: пользе и к удовольствию. Польза требует того, что доходно; удовольствие того, что приятно» (пер. М.Е.Сергеенко)¹⁸.

Представители римской элиты были озабочены постоянным поиском необходимых средств для поддержания своего статуса. В трактате прямо утверждается, что италийцы прежде всего обращали внимание на то, принесет ли им их деятельность и связанные с ней издержки доход¹⁹. И знания, которые демонстрируют собеседники Варрона, не были только отвлеченным теоретизированием. Они требовались для получения главами фамилий реальных денежных доходов. В этом контексте становится ясным, почему участники диалога в трактате скептически относятся к известной им так называемой «шкале доходности» Катона с девятью участками, отведенными под различные культуры и растения (I. 7. 9). Как было показано выше, в данном пассаже Катон перечислял угодья, которые позволяют владельцу поместья получить доход за счет отказа от лишних трат, что было актуально во II в. до н.э. Однако столетие спустя домовладыкам уже важнее было иметь в распоряжении реальные деньги. Поэтому приоритеты в хозяйственной деятельности становятся другими. Знаток правильного ведения хозяйства Скрофа, выражая несогласие с Катонем, отдает первенство лугам для выпаса стад (I. 7. 10), которые могли принести землевладельцам большую прибыль. И Варрон всю вторую книгу посвящает описанию этой относительно новой, но весьма доходной практике.

Впрочем, как передают античные авторы, к концу жизни Катон переменял свои взгляды и стал предпочитать земледелию скотоводство. Сравнивая внешние блага, которым отдают предпочтение, с

¹⁷ Nicolet 1988a, 66.

¹⁸ *Varr. RR.* I. 4. 1: *hinc profecti agricolae ad duas metas dirigere debent, ad utilitatem et voluptatem. utilitas quaerit fructum, voluptas delectationem.*

¹⁹ *Varr. RR.* I. 2. 8: *duo in primis spectasse videntur Italici homines colendo, possentne fructus pro impensa ac labore redire et utrum saluber locus esset an non.*

внутренними благами, органично присущими человеку, Цицерон приводит высказывание старика Катона о доходности поместья²⁰, которое вслед за ним повторили Колумелла²¹ и Плиний Старший (NII. 18. 29). По словам сурового ревнителя старины, для хозяйства самое выгодное – хорошее разведение скота, на втором месте стоит более или менее хороший уход за скотом, на третьем – плохое ведение скотоводства, и только на четвертое место он поставил органично присущее поместному хозяйству земледелие.

Со II в. до н.э. в итальянских поместьях начинает развиваться пастушеское хозяйство и прежде всего отгонное скотоводство, связанное с перекочевкой скота на дальние расстояния²², что потребовало новых приемов в организации труда и новых типов хозяйств. В трактате Варрона мы находим отражение той ситуации, которая сложилась в I в. до н.э. Его рассуждения ясно показывают, как ход этого процесса и новые реалии римской экономики начинают осознаваться в обществе и реализовываться в теоретическом и практическом плане. С этого времени в связи с широким переходом к занятию скотоводством крупные земельные массивы, использовавшиеся под пастбища, входят в структуру сельскохозяйственных владений глав знатных фамилий.

Варрон, стремясь всесторонне рассмотреть это относительно новое явление, отмечает, что все, что связано с выпасом скота (*tota pastia*), следует относить к скотоводству как самостоятельной отрасли сельскохозяйственного производства, хотя многие и продолжают объединять (по традиции) эту деятельность с земледелием (*agricultura*) (I. 2. 13–14). В третьей книге он уточняет свою мысль, отмечая, что скотоводство разделяется на две различные сферы, хотя еще никто не провел между ними четкой грани: первая – это содержание животных на усадьбе (*villatica pastio*), а вторая – скотоводство

²⁰ *Cic. De off. II. 89: Ex quo genere comparationis illud est Catonis senis: a quo cum quaereretur, quid maxime in re familiari expediret, respondit «Bene pascere»; quid secundum: «satis bene pascere»; quid tertium: «male pascere»; quid quartum «arare».*

²¹ *Colum. VI. Praef. 4: Marcus Cato prodidit, qui consulenti, quam partem rei rusticae exercendo celeriter locupletari posset, respondit, si bene is pasceret, rursusque interroganti, quid deinde faciendo satis uberes fructus percepturus esset, adfirmavit, si mediocriter pasceret. ceterum de tam sapiente viro piget dicere, quod eum quidam auctores memorant eidem quaerenti, quidnam tertium in agricoltatione quaestuosum esset, adseuerasse, si quis uel male pasceret, cum praesertim maius dispendium sequatur inertem et inscium pastorem quam prudentem diligentemque compendium. de secundo tamen responso dubium non est, quin mediocrem negligentiam domini fructus pecoris exsuperet.* Колумелла, реально смотревший на возможности землевладельца, отдает предпочтение средней форме ухода за скотом.

²² Thompson 1988, 213.

на пастбищах (*agrestis*). Последнее собственно и называется *pecuaria* (разведение скота) и считается достойным занятием (*nobilis*). Организация пастбищного скотоводства требовала обширных земельных массивов, поэтому им могли заниматься только состоятельные и шатные люди. Во времена Варрона пастбища для своих стад они брали в аренду или покупали (*conductos aut emptos habent saltus* – III.1. 8). Таким образом, к I в. до н.э. в поместном хозяйстве наряду с классической виллой, описанной Катонем, сложилось еще и крупное скотоводческое хозяйство²³, ставшее для многих основным источником дохода.

К сожалению, мы не знаем соотношения между приобретенными и арендованными пастбищами. Источники донесли до нас весьма скудные сведения о поместных владениях в Южной Италии. До эпохи Суллы из числа сенаторов известны лишь два собственника в Лукании, но в последний период Республики их количество увеличилось. В Лукании их было уже восемь, в Апулии и Калабрии – шесть и еще шесть в Брутии. Столь же скудны сведения и о собственности всадников. От последних десятилетий Республики до нас дошло всего восемь, и они не отражают полной картины присутствия римской сенатской и всаднической знати в скотоводческих районах²⁴. Как отметил А. Джардина, указания на собственность не фигурируют в источниках из-за особенностей управления этими *сальтусами*, весьма удаленными от места постоянного проживания сенаторов и всадников. Поэтому постоянно отсутствующие в поместьях собственники остаются не зафиксированными в источниках²⁵. Но скорее небольшое количество собственников связано с тем, что обширные горные пастбища находились не в собственности, а арендовались. Сам Варрон сообщает, что у него в Апулии пасутся огромные стада овец (*pecuarias grandes habui... oviarias*: II. pr. 6). Поскольку у нас нет никаких сведений о наличии у него поместий в этой области, автор трактата, как, по-видимому, и большинство землевладельцев, для выпаса скота арендует общественные земли. Появление в распоряжении землевла-

²³ Здесь мы не будем касаться вопросов о размерах и обозначении скотоводческих хозяйств, так как это выходит за рамки заявленной проблемы, и они уже были подробно рассмотрены как в отечественной, так и в зарубежной литературе (см.: Кузищин 1973, 242–245; Frank 1927, 93–94; Westerman 1955, 69.)

²⁴ Личности собственников неоднократно привлекали внимание исследователей. Об этом см.: Cichorius 1922, 67–70; Shatzman 1975, P. 11–44; Giardina 1998, 139–142.

²⁵ Giardina 1998, 141.

дельцев пастбищ потребовало введения в хозяйственной практике ряда нововведений.

§ 2. *Magister pecoris* и новые черты хозяйственной жизни фамилии.

На пастбищных угодиях, где редко появлялся домовладыка, сложилась иная, чем в земледелии, организация труда. Количество работников, ухаживающих за скотом, значительно выросло. Соответственно изменился и административный персонал, надзиравший за разведением скота. В римской фамилии появились новые «начальники работ» с новыми функциями. Главной фигурой здесь предстает лицо, обозначенное как *magister*.

Термин «*magister*» весьма многозначен: он использовался для обозначения командиров и начальников как среди высшего командного состава (*magister equitum* и *magister iuventutis* и др.), так и среди глав коллегий, религиозных ассоциаций и территориальных округов (*magister scribarum*, *magister augustalis*, *magister pagi* и др.), и вообще для именования начальников работ в различных сферах деятельности (*plurimarum <societatum> magister*, *magister pecoris*, *magister navis*, *magistri singulorum officiorum*)²⁶. Содержание термина и функции магистров определялись многими факторами, напрямую вытекающими из их производственных функций. Рассмотрим, как это проявилось на фигуре *magister pectoris*, который был занят в сельском хозяйстве.

При весьма скудной источниковой базе по римской экономической жизни магистр в сельском хозяйстве представлен в различных видах литературных источников (трактатах римских агрономов, у поэтов, в речах ораторов)²⁷. Интересно время появления термина «*magister pecoris*». До I в. до н.э. никаких сведений о нем нет. Впервые данный персонаж среди членов римской фамилии упоминается Варроном, а затем появляется и у других авторов, в том числе и у римских поэтов, что отражало реальные процессы, протекавшие в сельском хозяйстве Южной Италии и Сицилии в это время.

На обширных скотоводческих сальтусах организация трудового процесса во многом была иной, чем в типичном поместье среднего размера. Эта особенность привела к появлению различных начальников работ в сельских владениях римской фамилии. Варрон прямо ука-

²⁶ OLD 1062; *Magister* 1979, 874–876.

²⁷ *Varr.* RR. I. 2. 14; II. 10. 2, etc.; *Col.* VI. 24. 2; *Hor.* Ep. I. 2. 64; *Verg.* Ecl. II. 33; *Mart.* Sp. 22. 1; *Ovid.* Fast. III. 61; *Cic.* 2 Verr. V. 17; *Liv.* 1. 4. 6; *Sen.* De benef. I. 2. 5.

ывал, что «начальники, возглавляющие ту и другую сферу деятельности, имеют разные названия: один называется виликом, а другой – магистром пастухов»²⁸. Автор трактата, сравнивая магистра пастухов с виликом, обозначил обоих как *principes* – руководители, только каждый в своем производственном цикле. Вилик – это *principes* на вилле средних размеров, а магистр пастухов – *principes* над коллективом пастухов, ответственный за стада с многочисленным поголовьем. Из сказанного Варроном следует, что работники, связанные с отгонным скотоводством, составляли особый коллектив со своей структурой управления, формами хозяйствования и жизни, контрастирующий с описанным Катонем классическим коллективом на вилле²⁹.

У Катона такого персонажа на вилле, где всем управляет вилик, нет. И это не случайно. У Катона скот пасется на территории поместья и находится на стойловом содержании (*De agr.* 10). В эпоху же Варрона владельцы сельхозугодий разводили скот не только на вилле, но и на дальних пастбищах. Поэтому в своем трактате он отмечает, что дает советы по уходу за скотом как содержащимся в поместье, так и кочующим вдали от усадьбы (*intus et foris*: *RR.* II. 2. 7–9). Общие правила ухода за скотом и там и там были приблизительно одинаковы, но отгонное скотоводство (*rescuaria*) требовало большего умения и предъявляло ряд новых, более сложных требований к самому пастуху и к организации трудового процесса и жизни на отдаленном пастбище. Поэтому полный объем деятельности *magister pecoris*, его функций и качеств Варрон определяет именно для магистра пастухов, связанного с самостоятельной сферой управления. Деятельность последнего определяется им двумя синонимами – *agrestis* или *rescuaria*, т.е. разведение скота, связанное с отгонным скотоводством и перекочевкой стад.

Наиболее вероятно, что основные сведения о скотоводстве в Апулии и формах ведения пастушеского хозяйства были собраны и осмыслены Варроном уже в 60-е годы до н.э.³⁰, задолго до окончания работы над трактатом, и к этому времени описанные им приемы широко применялись на практике.

²⁸ *Varr.* *RR.* I. 2. 14: *Quocirca principes qui utrique rei praeponuntur vocabulis quoque sunt diversi, quod unus vocatur vilicus, alter magister pecoris.*

²⁹ Эту особенность в свое время отметил В.И. Кузищин (1973, 245).

³⁰ *Desy* 1993, 174. Я не касаюсь обширной дискуссии о времени сбора материала и написания трактата Варроном, упомяну лишь некоторые основополагающие работы: *Martin* 1971, 213–233; *Bianco* 1976, 299–316; *Noé* 1977, 289–302.

В конце I в. н.э. Колумелла в своем сочинении о поместном хозяйстве посвятил разведению скота VI и VII книги и тоже обратил внимание на деятельность магистра пастухов (Col. 6 pr.). Это было продиктовано тем, что способы содержания и ухода за скотом, как и пастбищном, так и в стойловом скотоводстве имели много общего. На это Колумелла указывает прямо. Он уделяет внимание магистрам пастухов, «благодаря профессиональному умению которых обеспечивается забота и наблюдение за стадами скота дома и за его пределами» (*domi forisque* – VII. 12. 1). Таким образом функции магистра пастухов, описанные Варроном, имели много общего при уходе за скотом как на вилле, так и на дальних пастбищах и столетие спустя во времена Колумеллы.

Отдельную главу своего трактата (I. 8) Колумелла посвящает проблемам содержания скота, его выпаса и ухода за ним, а также роли в этом процессе *magister pecoris*. И здесь основные требования к магистру пастухов и его задачи кратко повторяют советы Варрона.

Помимо магистра пастухов Колумелла также затрагивает и ряд других представителей поместной администрации. Так, он упоминает прокуратора на вилле, но его обязанности подробно не разбираются. Это связано прежде всего с тем, что деятельность прокуратора выходила за рамки темы трактата, посвященного сельскохозяйственному производству, организованному на территории поместья³¹. Здесь ясно видна прямая параллель в подходе Колумеллы к описанию функций прокуратора и магистра пастухов, который находился на пастбищах вдали от виллы.

Близость к Варрону приверженца стойлового содержания скота Колумеллы во многом объясняется изменениями, произошедшими в поместном землевладении. В период Ранней империи поместья значительно увеличились в размерах и далеко ушли от катоновских 120 югеров и поместий в 200 югеров, упоминаемых Варроном (III. 2. 15). На территории хозяйств латифундиального типа уже легко размещались стада в несколько сот голов скота, для которых требовалась фигура магистра пастухов, так как усложнилась структура хозяйства и используемой рабочей силы. Колумелла неоднократно упоминает в связи с теми или иными операциями старших над группами работников, называя их *magistri singulorum officiorum* (I. 8. 11; XI. 1. 27 и др.). Это свидетельствует об эволюции ко времени Ранней империи смыслового содержания термина «*magister*», обозначающего нового на-

³¹ Это наблюдение принадлежит М.В. Дурново (2004, 109).

чальника работ, ответственного за порученную ему отдельную сферу производства, которой он в обширном поместье определенное время вынужден был руководить самостоятельно. И употребление термина «magister» Колумеллой ни в коей мере не опровергает сделанных ранее выводов об изначальном и основном смысле термина «magister pascoris», связанном с руководством коллективом пастухов прежде всего в отгонном скотоводстве на удаленных от поместья пастбищах.

Этот коллектив скотоводов во главе с магистром пастухов вел иной по сравнению с персоналом виллы образ жизни, на что указывает Варрон во второй книге своего трактата. Люди почти непрерывно были в пути. Когда же неожиданный дождь заставлял их на горных и лесных пастбищах, то они пережидали ее не в усадьбе, а в наскоро сложенных шалашах³². В другом месте Варрон опять, говоря об особенностях их труда, пишет, что стада «пасутся вдали от жилья на горных пастбищах (*in saltibus quae pascuntur et a tectis absunt longe*)... Пасутся овцы по местам, широко и далеко раскинутым; зимние пастбища часто отстоят от летних на много миль» (пер. М.Е. Сергеев)³³.

Маршруты передвижения могли быть весьма протяженными. Варрон отмечает, что его отары овец при перекочевке с зимних пастбищ на летние проделывали путь из Апулии в Реатинские горы Самния (II. 1. 17; II. 2. 9). Не меньшие расстояния приходилось преодолевать стадам после их покупки и переходе в руки других хозяев. Так, некий Публий Авфидий Понтиан из Амитерн (города в Сабинской области) купил на окраине Умбрии (*in Umbria ultima*) несколько овечьих стад, которые пастухи перегнали в Луканию – сначала на пастбища Метопонта, а оттуда в порт Гераклеи, чтобы этих овец продать (II. 9. 6)³⁴.

В ходе передвижений из одной области в другую пастухи легко вступали в контакты с представителями других рабских фамилий и со свободными сельскими работниками. Цицерон в речи против Верреса упоминает эпизод с обвинением, которое, очевидно, могло звучать правдоподобно: будто бы раб, который был *magister pectoris*, посещал

³² Varr. RR II. 2. 10 : qui autem [sunt] in saltibus et silvestribus locis pascunt et non villa, sed casis repentinis imbres vitant.

³³ Varr. RR II. 2. 9 : longe enim et late in diversis locis pasci solent, ut multa milia absint saepe hibernae pastiones ab aestivis.

³⁴ Varr. RR II. 9. 6: pastores ut deducere in Meta[m]ponti[n]os saltus et Heracleae emporium. О маршрутах передвижения скота подробнее см.: Сергеев 1958, 139–142; Giardina 1998, 146–147.

рабов в сельской округе и подговаривал их к восстанию³⁵. Эти бунтарские настроения и готовность пастухов к вооруженному выступлению были в этот период довольно типичным явлением. Во II–I вв. до н.э. на юге Италии неоднократно вспыхивали восстания с участием рабов-пастухов, и в ходе этих восстаний обнаруживалась тесная связь между рабами и свободным населением.

В этом контексте интересно упоминание Цицерона, что область саллентинцев и Бруттий в Южной Италии – территории весьма удаленные от Рима и владельцы с трудом могут получать известия из своих поместий трижды в год (*Cic. Rosc. Am.* 132). Вне всякого сомнения, интенсивность контактов между пастухами и свободными и их связи были гораздо более прочными, чем у магистров пастухов и их маленького коллектива со своими хозяевами. Как отмечает Ф.Дези, маловероятно, чтобы Варрон хоть когда-нибудь отправлялся вместе со своими *magistri pecorum* в дальний путь через *saltus* и *calles* на зимние пастбища Апулии³⁶.

С развитием этих новых форм и методов ведения скотоводческого хозяйства в сельской части римской фамилии появляется своеобразное передвижное хозяйство. Эта группа работников существует уже в новых условиях. Она, как и все остальные члены римской фамилии, находится под властью *pater familias*, но в то же время постоянный контроль домовладыки установить за ней невозможно. Поэтому и функции, и образ трудовой деятельности и повседневной жизни, и требования к личности старшего пастуха оказываются совершенно иными, нежели это применимо к управляющему поместьем виллику. Этим и было продиктовано появление в сельской части римской фамилии новой персоны – руководителя пастушеского коллектива, наделенного специфическими функциями и названного магистром пастухов (*magister pecoris*).

Магистр пастухов был непосредственно связан с отгонным скотоводством. Он упоминается, когда речь идет об отарах овец или табунах лошадей, ослах и мулах. Но в обширной главе о разведении свиней, которых содержали всегда в одном и том же хлеву в поместье, о магистре пастухов не упоминается ни разу. Эта должность здесь не нужна.

³⁵ *Cic. 2 Verr. V. 17: Nominat iste servum, quem magistrum pecoris esse diceret; eum dicit coniurasse et familias concitasse.*

³⁶ Desy 1993, 168.

Какое же содержание несет в себе термин *magister pecoris*? Владельцы сельскохозяйственных угодий, занявшись отгонным скотоводством, имели стада в несколько сотен, а то и тысяч голов скота. В своем трактате Варрон сообщает, что у него овечьи стада были в 800 голов; 700 голов насчитывало стадо у Коссиния (RR. II. 10. 11). Сенека упоминает о гибели под Помпеями во время землетрясения 62 г. н.э. стада в 600 голов (Quaest. nat. 6. 27). Такие стада считались небольшими, но у некоторых поголовье насчитывало тысячу и больше³⁷. Варрон признается, что у него есть огромные овечьи отары в Апулии и столь же многочисленные конские табуны в Реате³⁸.

Для такого количества скота было определено оптимальное число пастухов. В трактате Варрона рекомендуется иметь одного пастуха на 80 – максимум на 100 голов овец, как это было у Аттика (II. 10. 11). Там же отмечается, что при сотне «одетых» овец (*oves pellictae*) с особо тонкой и качественной шерстью, которых содержали на пастбищах при поместьях, обычно ставили двух пастухов (II. 2. 20). Даже при небольших стадах в 700–800 голов число пастухов достигало 8–10 человек, а при крупных могло приближаться к двум десяткам. Впрочем при перегонке больших стад количество пастухов сокращалось. Как правило, магистр пастухов стоял примерно над 10–15 работниками. Напомним, что на классической вилле во главе с виликом Катон рекомендовал использовать труд 13–16 рабов. Такое количество было оптимальным для эффективного управления силами одного человека.

Но этим состав рабского коллектива пастухов не исчерпывался. Ведь они вступали в семейные отношения, и их сопровождали женщины. Эти женщины должны были быть физически крепкими и достаточно привлекательными для пастухов (Varr. RR. II. 10. 7: *firmas, non turpes*). Они не только разделяли с мужчинами невзгоды пастушеской жизни, но и готовили им пищу, помогали пасти скот, носить к очагу дрова и содержать в порядке нехитрую утварь, полученную в пекулий для кочевой жизни. У таких пар появлялись дети, которые воспитывались в рабском коллективе (Varr. RR. II. 10. 6–8).

На магистра пастухов *pater familias* возлагал ответственность за организацию трудового процесса на дальних пастбищах и во время перегона скота, когда ни сам домовладыка, ни кто-либо из его адми-

³⁷ Varr. RR. II. 10. 11: *greges ovium si magni sunt, quos miliarios faciunt quidam.*

³⁸ Varr. RR. II. Pr. 6: *et ipse pecuarias habui grandes, in Apulia oviarias et in Reatino equarias.*

нистрации не мог вмешаться в ход событий. Магистр управлял находящейся вдали от территории поместья частью фамилии самостоятельно. Поэтому хозяин предъявлял к нему ряд обязательных требований. Магистр пастухов уже одним своим видом должен был олицетворять начальственное положение. Ему надлежало быть старше и опытнее других, пользоваться авторитетом среди пастухов³⁹. А это было непросто.

Пастухи отгонного скотоводства отличались от других рабов фамилии. Они были выносливее и сильнее тех, кто жил и трудился в поместье, где пасти скот доверяли даже девочкам⁴⁰. Пастухов набирали из числа работников крепких, быстроногих, проворных, ловких. Ведь им приходилось не только следовать за скотом по горным склонам и крутым тропам, но и нередко отбиваться от зверей и разбойников. Такие пастухи должны были быть вооружены и готовы дать отпор, метко поражая врага⁴¹. В обращении с оружием они достигали большого искусства, постоянно тренируясь в его использовании. Вергилий, описывая праздник селян в честь Вакха, отмечал, что магистры пастухов соревнуются между собой в точности метания дротиков в цель⁴². Вооруженные пастухи представляли собой грозную силу, что внушало порой страх владельцам поместий. Сам образ жизни и повседневной практической деятельности превращал пастухов в сплоченные полувоенные отряды, которые при необходимости использовались хозяевами в случае вооруженных конфликтов. Известно, что во время гражданских войн Домиций Агенобарб включил своих пастухов в состав флота (Caes. BC. I. 57). Цицерон сообщает, что претор 76 г. до н.э. Марк Лициний Лукулл своим эдиктом обязал хозяев принимать меры, чтобы не допускать противоправных действий своих рабов и обязал отобрать у пастухов оружие (Cic. Pro Tull. 8–9). Это было явным свидетельством неспособности домовладыки постоянно контролировать своих рабов. Такой всегда вооруженной группой, готовой применить оружие при первом же случае, бросившись на врага или смело вступив в схватку с хищниками, метко по-

³⁹ Varr. RR. II. 10. 2: esse omnes sub uno magistro pecoris: eum esse maiorem natu potius quam alios [s]et peritiorum quam reliquos, quod ei qui aetate et scientia praestat animo aequiore reliqui parent.

⁴⁰ Varr. RR. II. 10. 1: in fundis non modo pueri sed etiam puellae pascant.

⁴¹ Varr. RR. II. 10. 3: formae hominum legendae ut sint firmae ac veloces, mobiles, expeditis membris, qui non solum pecus sequi possint, sed etiam a bestiis ac praedonibus defendere, qui onera extollere in iumenta possint, qui excurrere, qui iaculari.

⁴² Verg. Georg. 2. 529–530: (ipse) te libans, Lenaee, uocat pecorisque magistris / uelocis iaculi certamina ponit in ulmo.

ражая их дротиками, мог управлять действительно сильный и авторитетный человек. Колумелла, дополняя Варрона, перечисляет его качества – от суровости и зоркости до смелости и выносливости⁴³.

Главное требование, предъявлявшееся к магистру пастухов, – быть ответственным за порученную работу и первым в любом деле. Варрон подробно говорит об обязанностях магистра. Он должен был заботиться о том, чтобы взять с собой все необходимое для людей и скота⁴⁴. Сюда входили нехитрый скарб и утварь для долгой кочевой жизни пастухов с их женами и детьми, плетенки и сети, из которых делали загородки для скота (RR. II. 2. 9). Эту поклажу везли лошади или вьючные животные.

Римские агрономы неоднократно подчеркивали ответственность магистра за сохранение здоровья людей и животных. Он обязан был взять в дорогу все необходимое, что требовалось для их питания и лечения⁴⁵. Он должен был уметь правильно, в срок и максимально полно провести спаривание животных, учитывая возраст и внешние данные самцов и самок, и следить за вынашиванием приплода (Varr. RR. II. 2. 13–14). Он отвечал за окот и должен был в трудных случаях оказать ветеринарную помощь самкам (Col. VII. 3. 16) и не допускать падежа полученного на пастбищах приплода. На нем лежала ответственность за вскармливание и взращивание молодняка (Varr. RR. II. 2. 15–18). Он отбирал, кого оставить на улучшение породы, а кого готовить для продажи. Все эти многочисленные наставления о здоровье скота и получении приплода старший пастух должен был знать и держать их в записи при себе⁴⁶.

Магистр пастухов должен был не только вникать во все особенности и тонкости скотоводческого хозяйства, но и обучить пастухов правильным приемам ухода за скотом в зависимости от его породы, возраста, времени года и т.д. Фактически термин «*magister pecoris*» приобретает здесь смысл организатора, воспитателя и наставника подчиненных. Только профессионализм магистра пастухов и знание

⁴³ Col. VII. 6. 9: *magister autem pecoris acer, durus, strenuus, laboris patientissimus, alacer atque audax esse debet.*

⁴⁴ Varr. RR. II. 10. 5: *magistrum providere oportet ut omnia sequantur instrumenta, quae pecori et pastoribus opus sunt, maxime ad victum hominum et ad medicinam pecudum.*

⁴⁵ Varr. RR. II. 10. 10: *Quae ad valitudinem pertinent hominum ac pecoris et sine medico curari possunt, magistrum scripta habere oportet.* См. также: II. 2. 20; 3. 8; 10. 5.

⁴⁶ Varr. RR. II. 2. 20: *<De> sanitate sunt multa; sed ea, ut dixi, in libro scripta magister pecoris habet.*

всех тонкостей обращения с животными могли обеспечить получение приплода и прибыль для собственника стад.

Во время кочевья скота магистр должен был выбирать путь и темп движения, чтобы животные медленно паслись, а не изнуряли себя быстрым передвижением (Col. VII. 6. 9). От этого зависело качество и количество получаемых шерсти и мяса, а следовательно и доход от стад. Но в то же время он должен был следить, чтобы пастухи неотлучно находились у своих стад днем, а ночью все сообща охраняли поголовье от хищников и разбойников⁴⁷.

Важнейшим требованием к магистру пастухов являлось знание грамоты. Образованный магистр читал трактаты, знал все признаки болезней, а также рецепты приготовления лекарств и при случае всегда мог заглянуть в свои записи. Особо значимым для него являлось ведение счетов и умение составить правильный отчет о хозяйском стаде⁴⁸.

Отгонное скотоводство было хлопотным делом не только для владельцев стад, но и для собственников угодий, которые располагались в непосредственной близости от путей кочевки скота. Сведения о количестве голов скота предоставлялись публикану, «чтобы не нарушать цензорского закона, пася не занесенный в списки скот» (пер. М.Е. Сергеев)⁴⁹. Однако конфликты были постоянными. Некоторые из них, как, например, со знаменитым Луцием Лицинием Лукуллом, незаконно занимавшимся выпасом своего скота на общественных землях (Plut. Luc. 1. 1), даже стали предметом разбирательства в сенате (Cic. De orat. II. 284).

С одного частного пастбища на другое скот перегоняли по скотоперегонной дороге, которая считалась *ager publicus*. Для пользования общественными землями собственник объявлял публикану количество скота, который заносили в списки. Пасты не занесенный в списки скот было запрещено. По-видимому, такие списки находились и у магистра пастухов на случай какой-либо конфликтной ситуации⁵⁰, да и вообще для контроля со стороны представителя домовладыки. Для

⁴⁷ Varr. RR. II. 10. 2: qui pascunt, eos cogere oportet in pastione diem totum esse, pascere communiter, contra pernoctare ad suum quemque gregem: esse omnes sub uno magistro pectoris.

⁴⁸ Varr. RR. II. 10. 10: is enim sine litteris idoneus non est, quod rationes dominicas pecuarias conficere nequiquam recte potest.

⁴⁹ Varr. RR. II. 1. 16: itaque greges ovium longe abiguntur ex Apulia in Samnium aestivatum atque ad publicanum profitentur, ne, si inscriptum pecus paverint, lege censoria committant.

⁵⁰ О договорах скотоводов с публиканами см. Сергеев 1958, 140–141.

ведения хозяйства в фамилии использовали счетные книги. И магистр, который своим трудом создавал прибыль для хозяина, должен был ее фиксировать в счетах, занося в списки приплод и доходы.

Одной из дополнительных статей дохода была прибыль от продажи шерсти (Varr. RR. II. 1. 28). Агрономы рекомендовали проводить стрижку в конце весны или по крайней мере не позже самого начала лета. Это время приходилось на перекочевку с зимних пастбищ на летние, и организация стрижки должна была быть тщательно подготовленной, что целиком ложилось на плечи магистра пастухов. Чтобы не оставить шерсть на колючках, овец ценных пород покрывали материей. А стрижку скота Варрон (RR. II. 11. 8) рекомендовал проводить на разостланных на земле больших кусках ткани, на которых сохранялся каждый клочок шерсти. Затем тюки с шерстью отправляли на продажу в небольшие городки, расположенные на пути следования стад. Это были города на ионийском побережье Южной Италии, и прежде всего Тарент⁵¹, а также городки в Апулии, Лукании и близлежащих областях. Впрочем, продажа шерсти велась и в других регионах, например в небольших городках южного Лация, таких как Фрегеллы, Арпин и Аквин. Расположенные близ маршрутов перегонок овец с зимних пастбищ на летние, они превратились в центры шерстоделательного производства⁵².

Именно таким небольшим городком, куда шерсть поступала из областей с развитым скотоводством, были Помпеи. Этот город, как отметил еще М.И. Ростовцев, во многом благодаря поступлению шерсти из Апулии и Самния превратились в один из центров шерстоделательного производства⁵³. И хотя точка зрения М.И. Ростовцева сейчас скорректирована⁵⁴, бесспорно, шерсть от кочующих стад на рынке Помпей продавалась. Местом ее продажи, по мнению ряда ученых, служило весьма обширное здание Эвмахии, что свидетельствует о размахе торговли. Там был сооружен каменный помост для аукционной торговли крупными оптовыми партиями. А сам товар хранили в этом же здании за закрытыми решетками⁵⁵.

Римские агрономы не упоминают о том, как происходила транспортировка тюков с шерстью, кто вез их от места стрижки на город-

⁵¹ О роли Тарента как возможного крупнейшего рынка шерсти см.: Morel 1978, 93–110.

⁵² Coarelli 1996, 202.

⁵³ Rostovtzeff 1929, I, 274–275 (Anm. 19).

²³¹ Jongman 1988, 159–165.

⁵⁵ Moeller 1976, 52–73.

ской рынок, как производились расчеты за шерсть, как контролировался вес состриженной и проданной шерсти, кто и как доставлял вырученные деньги главе фамилии. Все эти вопросы, к сожалению, оставались за рамками тем сельскохозяйственных трактатов, и точных ответов на поставленные вопросы мы не знаем. Однако можно предположить, что магистр пастухов в своих отчетах и счетах должен был указывать вес шерсти, которая либо им самим доставлялась на продажу, либо передавалась посреднику из числа представителей *pater familias*.

Не исключено, что некоторые из владельцев скотоводческих хозяйств сами принимали участие в крупной оптовой торговле на рынке. По крайней мере Варрон упоминает с одобрением, что страстный любитель скота Нигер Турраний лично прибывал на торги по продаже скота в небольшой городок *Campi Marci* (RR. II. рг. 6), известный именно как центр торговли скотом и шерстью в период Поздней республики (совр. Магрета)⁵⁶. В продаже породистых реатинских ослов за крупные суммы денег неоднократно участвовал и другой собеседник Варрона – Муррий (RR. II. 6. 1). При сделках на рекордные суммы в 60 тыс. и 400 тыс. сестерциев, видимо, присутствовал и сам Варрон (RR. II. 1. 14). Породистых ослов-производителей продавали обычно за 30 и 40 тыс. сестерциев, деньги немалые (*ibid.* II. 8. 3). Причем при покупке скота договаривались на основе формулы, составленной римским юристом и консулом 149 г. до н.э. Манилием, включавшей фразу, удостоверявшую здоровье продаваемого скота: «Ручаешься ли, что эти козы сегодня в хорошем состоянии, могут пить и что сделка может состояться по закону?» (пер. М.Е. Сергеевко)⁵⁷. Необходимость произносить слова спонсии предполагала участие в сделке самих собственников скотоводческих хозяйств или их доверенных лиц. Все эти свидетельства указывают на то, что в крупных оптовых продажах как скота, так и шерсти *magister pecoris* вряд ли принимал участие. Главной его функцией была прежде всего организация выпаса скота.

Но вот в такой статье дохода от скотоводства, как продажа молока и сыра, которую Варрон поставил на второе место после получения прибыли от шерсти⁵⁸, магистр пастухов безусловно принимал

⁵⁶ Ortalli 2012, 195–199.

⁵⁷ *Varr.* RR. II. 3. 5: *itaque stipulantur paucis exceptis verbis, ac Manilius scriptum reliquit sic: 'illas<ce> capras hodie recte esse et bibere posse habereque <recte> licere, haec spondesne?'*

⁵⁸ *Varr.* RR. II. 1. 28: *extraordinariae fructum species duae magnae, quarum una est tonsura, quod oves ac capras detondunt aut vellunt; altera, de lacte et caseo.*

участие. Овец и коз доили ежедневно, и полученное молоко надо было реализовывать, пока оно не успело испортиться. Большое количество молока, да еще на отдаленных горных пастбищах реализовать было практически невозможно. Поэтому основным способом его использования становилось изготовление сыров, что было достаточно хлопотным делом. Для этого требовалась различная утварь (миски, плетенки и т.д.), которую должен был иметь с собой магистр пастухов. Нужна была и соль для рассола, в котором доходили сыры, и ее необходимо было доставить на пастбище. А для хранения сыра приходилось сооружать погреб или кладовку (Col. VIII. 8). За организацию всего этого процесса, несомненно, отвечал магистр пастухов. Только, по-видимому, изготовлением сыров занимались не сами пастухи, а жившие на пастбище женщины. Реализовать молочную продукцию можно было в близлежащих виллах или населенных пунктах. А прибыль от этого магистр обязан был внести в отчет, который он представлял своему *pater familias*.

Таким образом, трактаты римских агрономов рисуют нам довольно полную картину деятельности *magister pecoris*. В художественной литературе магистр пастухов часто предстает перед нами в несколько ином свете. Он уже не начальник рабов, самостоятельно организующий и контролирующий производственный процесс вдали от хозяйских глаз. Он то просто пастух (Verg. Ecl. II. 33; Hor. Ep. I. 2. 64; Arul. Met. 7. 27 и др.), то выступает в качестве возничего или искусного наездника (Ovid. Trist. IV. 6. 7; Stat. Theb. 6. 443 и др). Все это отнюдь не противоречит сведениям агрономических трактатов. Просто авторы художественных произведений фиксировали лишь какие-то отдельные черты, позволявшие создать яркий образ.

Источники рисуют нам следующую картину. Вооруженных, сильных и дерзких рабов-пастухов, перегонявших огромные стада с зимних пастбищ на летние и обратно и защищавших скот от разбойников и хищников, возглавлял самый опытный, решительный и суровый среди них – *magister pectoris*. Он пользовался непререкаемым авторитетом у подчиненных ему рабов. От его опыта и организации трудового процесса зависела жизнь пастухов и стад, а также размеры прибыли домовладыки. Старший пастух принимал самостоятельные решения, как получать приплод, отбирал животных для продажи и продолжения разведения породы, вступал в контакты с другими рабскими фамилиями и свободными, осуществлял мелкие и подготавливал крупные сделки.

Итак, основные функции магистра пастухов и его производственная деятельность восстанавливаются довольно полно, за исключением операций, связанных с финансами и возможностью совершения сделок, о которых наши источники молчат. Одной из причин этого, несомненно, было то, что в Италии перегонка стад на дальние расстояния не стала доминирующим типом скотоводства⁵⁹ и имела ограничения, как по времени распространения, так и по охваченным территориям. Домовладыке силами фамилии (а других структур не существовало) было трудно эффективно контролировать деятельность и поведение передвигавшихся по дорогам Италии пастухов и соответственно без проблем и конфликтов гарантированно и постоянно извлекать большие доходы из отгонного скотоводства. В целом появление *magister pecoris* и возглавляемого им оторванного от домовладыки передвижного хозяйства было отражением реального хода развития древнеримской экономики и жизни римской фамилии.

Фигура *magister pecoris* во многом является знаковой для понимания развития поместного хозяйства римской фамилии. *Magister pecoris*, который в первую очередь был связан с отгонным скотоводством, своим появлением в составе рабского персонала в сельских поместьях знатных римских фамилий знаменовал расширение производственной деятельности и стремление собственников увеличить свои доходы за счет специализации в новой отрасли производства. Это потребовало образования в составе *familia rustica* отдельной группы рабов-пастухов, во главе которой стоял старший пастух. Сами скотоводческие хозяйства, как правило, были весьма удалены от Рима, местопребывания знатных собственников. К тому же группа пастухов во главе с *magister pecoris* превратилась в своеобразное передвижное хозяйство на территории Италии, которое имело слабые связи и с поместной администрацией. Таким образом, *magister pectoris* своей деятельностью обеспечивал главе фамилии получение весьма значительной доли дохода от скотоводства, но одновременно на длительное время перекочиков и выпаса скота на дальних пастбищах исключалось участие хозяина в управлении своим хозяйством. Стремление получить столь необходимый дополнительный доход приводило к потере эффективного контроля домовладыки над этой частью фамилии, что оборачивалось многочисленными конфликтами и даже трудностями с извлечением прибыли.

⁵⁹ Thompson 1988, 214.

Сложившаяся ситуация объективно отразила наметившееся расхождение между закономерными путями развития семейного организма и традиционными формами управления его экономической жизнью. Фамилия переросла первоначальные узкие территориальные рамки семейно-родовой общины и вслед за *civitas* активно осваивала обширные регионы Италии. Но здесь стала явственно ощущаться ограниченность реальных возможностей домовладыки на фоне объективных процессов развития общества и государства в древнем Риме. Чем дальше фамилия распространяла свое присутствие на полуострове, тем больше проблем и трудностей вставало перед ее главой, которому порой было весьма трудно решить их своими силами. Это были первые признаки экономического кризиса, затронувшего хозяйства римской знати.

§ 3. Новое в жизни пригородного поместья во времена Варрона.

Варрон, завершивший свой трактат во второй половине I в. до н.э. и посвятивший пригородному хозяйству всю III книгу, описывает, на первый взгляд, такое же хозяйство, как и у Катона. Упомянутые в ней поместья, как правило, расположены также под Римом. Как показал Э. Чамплин, термин *suburbium* – «пригород», который довольно редко употребляется античными авторами, весьма мало связан с географическими представлениями. Но широко используется как прилагательное к земельным владениям – *suburbana* (*villa*), *suburbanus* (*predium*), *suburbanus* (*ager*) – и является понятием с узким значением, тесно связанным с римской элитой⁶⁰. Пригородные поместья римской знати свое распространение получили в основном на территории Римской Кампании, которая представляла собой довольно однородный и компактный регион, ограниченный *Monti Sabatini*, *Sabini* и *Tiburtini*, а также *Colli Albani* и морем⁶¹. Там располагались *Saxa Rubra*, *Fidenae*, *Nomentum*, *Feculia*, *Tibur*, *Gabii*, *Preneste*, *Tuskulum*, *Bo villae*, *Aricia*, *Velitrae*, *Lanuvium* и *Lavinium*, а так же *Ager Pomptinus* и *Antium*⁶². Но в это время пригородные поместья были уже и за пределами этой зоны. Варрон в третьей книге сообщает о садках для дорогих пород рыб, которые были устроены под ПUTEОЛАМИ и НЕАПОЛЕМ (RR. III. 17. 5; 9). И вообще они могли находиться вне Италии (Mart.

⁶⁰ Champlin 1985, 97. Э. Чамплин, рассматривавший термины, связанные с пригородом, отмечает, что абстрактное понятие *suburbium* использовали только Цицерон (*Cic. Phil.* 12. 24) и Ювенал (*Schol. ad Iuv.* 4. 7).

⁶¹ Morley 1996, 83.

⁶² Champlin 1985, 78, 111, пт. 6 (подробное перечисление источников).

V. 35. 1–3; Apul. Apol. 87. 4). Эти примеры указывают, что под понятие пригородного поместья у античных авторов подпадают не только владения под Римом, но и хозяйства имеющие схожий с ними набор отраслей, или приносящие высокий доход⁶³. Но несмотря на появление этих отличий возможность получения главой фамилии в *suburbani* максимально высокого дохода остается одной из основных черт, характеризующих привлекательность пригородного имения.

Однако за время, прошедшее между написанием двух рассматриваемых сочинений, в структуре и деятельности пригородных поместий произошли значительные изменения. Перед нами предстает уже иной, по сравнению с эпохой Катона, хозяйственный организм. Эту перемену отмечает сам Варрон, указывая, что первоначально при разведении живности в усадьбе царила старинная умеренность (*frugalitas antiqua*), которую позже потеснила страсть к роскоши (*luxuria posterior* □ III. 3. 6).

Правда, Варрон, который был хорошо знаком с катоновским трактатом, вторя ему, по-прежнему рекомендовал заниматься в пригородных поместьях выращиванием цветов (фиалок и роз) и многого другого, что находит сбыт в Риме (I. 16. 3). Вероятно, под «*item multa*», как уже отмечали историки⁶⁴, писатель подразумевал частично и те продукты, которые советовал выращивать Катон: виноград, маслины, фрукты, орехи, мирт и т.п. Ведь вся эта продукция издавна пользовалась постоянным спросом у горожан, и было бы неразумно отказываться от нее. Однако ориентация на невзыскательный вкус отошла на задний план. Пригородные хозяйства в I в. до н.э. переориентировались на изысканные вкусы знати (*palatum suave domini* – Var. RR. III. 3. 7) и претерпели значительные изменения. Ведущее место заняли новые отрасли, которыми ранее или не занимались вовсе, или они получили новые масштабы развития. Этим новым направлениям хозяйства посвящена вся третья книга трактата.

Принципиально новым стало разведение различной живности владельцами пригородных поместий непосредственно в хозяйской усадьбе (*villaticae pastiones*). Как подметила М.Е. Сергеевко, весь контекст трактата Варрона свидетельствует, что такая форма ведения приусадебного хозяйства возникла как раз во время жизни автора со-

⁶³ Kolendo 1994, 59–60.

⁶⁴ Кузипин 1973, 134. Dohr 1965, 69–71.

чинения – не ранее середины I в. до н.э.⁶⁵. И ученый земледелец спешит познакомить владельцев имений с рациональной организацией производства в *suburbana*. Со свойственной ему склонностью к систематизации всего и вся⁶⁶ он отмечает, что хозяйство при усадьбе под городом включает три отдела – птичник, парки и рыбные садки, – каждый из которых распадается, самое меньшее, на две части. Однако в этих трех отделах с шестью частями, требующих специалистов трех видов⁶⁷, не находится места ни для огородничества, ни для выращивания цветов, о которых даже не упоминается, и это служит одним из косвенных свидетельств, что в поместьях знати они стали играть заметно меньшую роль. В организации новых форм хозяйствования римские землевладельцы пошли на выучку к пунийцам и грекам, писавшим на эту тему. Успешное применение на практике рекомендаций заморских учителей позволило некоторым домовладыкам неожиданно для многих получать только от приусадебного хозяйства дохода больше, чем давали все другие отрасли в поместье. Так, в имении Л. Абукия земля, по всей видимости, с традиционным со времени Катона набором возделываемых культур давала только 10 000 сестерциев, а усадьба с живностью – в два раза больше. Но еще больше преуспел богатый всадник Сей: в поместье под Остией он только от разведения в усадьбе птицы, рыбы и животных получал ежегодно свыше 50 000 сестерциев, что значительно превышало доход многих других от целого имения⁶⁸.

Описание отраслей в пригородном поместье Варрон начинает с птичника, устройство которого к этому времени кардинально изменилось, и он стал способен приносить «огромные доходы». Новации коснулись не только способов разведения пернатых, но и обозначений возводимых для них сооружений, которые стали называть на гре-

⁶⁵ Сепреенко 1958, 152–153. Появление *pastio villatica* этим временем датировал и Плиний (NH. 9. 168–174).

⁶⁶ См. Marcone 1997, 23.

⁶⁷ Varr. RR. III. 3. 1: *Eius disciplinae genera sunt tria: ornithones, leporaria, piscinae...* (3) *Harum rerum singula genera minimum in binas species dividi possunt...* (4) *De his sex partibus ad ista tria genera item tria genera artificum paranda.*

⁶⁸ Varr. RR. III. 2. 13–14: *Duo enim genera cum sint pastionum, unum agreste, in quo pecuariae sunt, alterum villaticum, in quo sunt gallinae ac columbae et apes et cetera, quae in villa solent pasci, de quibus et Poenus Mago et Cassius Dionysius et alii quaedam separatim ac dispersim in libris reliquerunt, quae Seius legisse videtur et ideo ex iis pastionibus ex una villa maioris fructus capere, quam alii faciunt ex toto fundo.* (14)... *Ex quibus rebus scriba librarius, libertus eius... in annos singulos plus quinquagena milia e villa capere dicebat...* (17) *Nonne item L. Abuccius... dicebat in Albano fundum suum pastionibus semper vinci a villa? Agrum enim minus decem milia reddere, villam plus vicena.*

ческий манер *ornithones*. По образному выражению автора, по своим размерам они теперь стали больше усадеб предков⁶⁹. То же самое произошло с загонами для диких зверей и садками для рыбы, размеры которых увеличились в несколько раз.

Изменился и набор живности. Во времена Катона во дворе гуляли куры, на крыше гнездились голуби, а в парке можно было поймать зайчишку (*Varr. RR. III. 3. 6–8*). Теперь откармливают огромные стаи новых видов птиц: дроздов, павлинов, горлиц, гусей и уток, а для традиционных кур и голубей выстраивают отдельные сооружения. Увлечлись выгодным разведением пчел, улиток и соней, а загоны для дичи превратились в настоящие зверинцы, кишачие всякой всячиной. В качестве примера в трактате несколько раз приводится хозяйство всадника Сея (*RR. III. 2. 7–14*). У того в усадьбе содержались стада гусей кур, голубей, журавлей, павлинов, были устроены пчельники. Посетители дивились множеству соней, дорогим сортам рыбы в садках, и диким кабанам в загонах (*ibid. III. 2. 13*).

Помимо пресноводных водоемов, которые были известны уже во второй половине II в. до н.э.⁷⁰ стали заводить садки с морской водой, которые Варрон называет прудами знати (*maritimae piscinae nobilium*), сетуя, что устраивать пруды по всем правилам дорого, приобретать мальков ценных рыб дорого, и также дорого обходится содержание рыбного хозяйства и приобретение корма (*RR. III. 17. 2*). В качестве примера он упоминает большие пруды знаменитого оратора Квинта Гортензия, на одно сооружение которых тот потратил огромные суммы, а чтобы прокормить содержащихся там рыб, держал множество рыбаков из состава рабской фамилии, которые вылавливали в море кучу мелкой рыбешки (*RR. III. 17. 6*). И вообще о питании рыб и их здоровье Гортензий заботился больше, чем о своих рабах (*ibid. 8*). А Луций Лукулл для садков с морской водой прорыл под горой возле Неаполя канал, чтобы в его прудах благодаря приливам и отливам создавалось течение и вода не застаивалась (*ibid. 9*), потратив на эти земляные работы больше, чем на постройку всей усадьбы и заслужив от Помпея прозвище «Ксеркс в тоге»⁷¹. К прудам

⁶⁹ *Varr. RR. III. 3. 7: ...ut tecta maiora habeant, quam tum habebant totas villas...*

⁷⁰ *Gell. II. 20. 6.*

⁷¹ *Plin. NH. 9. 170: Lucullus exciso etiam monte iuxta Neapolim maiore impendio quam villam exaedificaverat euripum et maria admisit, qua de causa Magnus Pompeius Xerxen togatum eum appellabat.*

же Марка Лукулла, брата Луция, Квинт Гортензий относился с презрением, из-за того что рыбы там жили в застоявшейся воде (*ibid.* 8).

В таких хозяйствах уже не было места обычным сортам рыбы, как голавли или окуни, а разводили дорогие сорта рыбы и прежде всего мурен на потребу изысканному вкусу гурманов. Варрон сообщает о конфузе, который произошел с известным богачом и скупцом Уммидием. Когда к нему на виллу в Казине заехал Филипп (вероятно, Л. Марций Филипп, консул 91 г. до н.э.)⁷², то хозяин подал на обед прекрасного окуня из реки. Филипп, который сам владел знаменитейшими садками и отличался пристрастием к роскоши, попробовав угощение, выплюнул окуня со словами: «Чтоб я пропал! Я подумал, что это рыба!»⁷³

Изменения в составе отраслей пригородного хозяйства были обусловлены новой социально-политической обстановкой и ростом богатства элит, что влекло за собой изменение спроса. Представители римской знати буквально соревновались между собой: кто богаче с диковинными и изысканными блюдами обставит обычный обед, а на устройство пышных пиров, чтобы поразить приглашенных, тратились баснословные суммы. Особенно в этом преуспел Лукулл, снискавший на этом поприще сомнительную славу (*Plut. Lucul.* 40). Кроме того, бурная политическая жизнь поздней Республики, связанная с борьбой кандидатов за высшие магистратуры и стремлением завоевать симпатии граждан и их поддержку на выборах, привели в этот период к организации многочисленных публичных угощений для жителей Рима, где потреблялось огромное количество продуктов. В этом же ряду стояли частые обеды различных коллегий. Еще более пышными были угощения полководцев во время триумфов⁷⁴.

Для удовлетворения таких обширных запросов нужны были уже крупные специализированные хозяйства наподобие птичника с 5 000 пернатых, продажа которых только на одно публичное мероприятие сразу принесла хозяину баснословный доход в 60 000 сестерциев (*Varr. RR.* III. 5. 8). Известен случай, произошедший при подготовке пиршества, которое устраивал Цезарь по поводу своего триумфа. Полководец обратился за приобретением рыбы к Гирру, занимавшемуся разведением мурен в садках с морской водой. О размерах его

⁷² *Varr. RR.* III. 3. 9; ср. *Col.* VIII. 16. 3, а также *Plin. NH.* 9. 170.

⁷³ Пер. М.Е. Сергеев (Сергеев 1963, 194–195).

⁷⁴ *Varr. RR.* III. 2. 16: ...*Quotus quisque enim est annus, quo non videas epulum aut triumphum aut collegia non epulari? Sed propter luxuriam, inquit, quodam modo epulum cotidianum est intra ianuas Romae;* ср. III. 5. 8.

рыбного хозяйства свидетельствовало уже то, что, получая с построк вокруг прудов 12 000 сестерциев арендной платы (*merces*), он все их тратил на корм для рыб. Продавать рыбу Гирр отказался и лишь одолжил триумфатору на вес две тысячи мурен, с тем чтобы получить обратно столько же их по весу⁷⁵. Наличие такого огромного количества деликатесной рыбы позволило ему впоследствии продать свое прославившееся имение за четыре миллиона сестерциев (III. 17. 3).

Приведенные факты указывают, что пригородные поместья прежде всего ориентировались на изысканные вкусы аристократии. Удовлетворение же повседневного спроса простых жителей города Рима в значительной мере обеспечивалось продукцией, выращенной в крестьянских хозяйствах⁷⁶. Вергилий описывает, как крестьянин везет в город недорогие продукты со своего участка⁷⁷. А на обед беднякам вылавливают неводом рыбу, которую богачи уже не употребляют в пищу, а лишь используют в прудах как корм для более дорогих видов (Varr. RR. III. 17. 7).

Новые возможности массового сбыта домашней живности позволяли получать баснословную прибыль даже с одной усадьбы. Варрон приводит в трактате множество примеров высоких доходов в этой сфере. Упомянувшийся уже Сей ежегодно получал от усадьбы с живностью более 50 тыс. прибыли. А когда Варрон сообщил, что его тетка, располагавшая имением в 24 милях от Рима, продав из своего птичника 5 тыс. дроздов по три денария за штуку, получила 60 тыс. сестерциев, что было в два раза больше, чем обычно давало отлаженное 200-югерное поместье, то слушавший его Аксий, хозяин как раз такого поместья, не мог поверить этим словам (RR. III. 2. 14–15).

Большой доход можно было получить даже от рыбного хозяйства, требовавшего немалых затрат (RR. III. 17. 2). Интересен такой эпизод: когда Катон Утический как дядя по матери стал опекуном

⁷⁵ Varr. RR. III. 17. 3: *Hirrus circum piscinas suas ex aedificiis duodena milia sestertia capiebat. Eam omnem mercedem escis, quas dabat piscibus, consumebat. Non mirum; uno tempore enim memini hunc Caesari duo milia murenarum mutua dedisse in pondus.* В более подробном рассказе об этом эпизоде у Плиния фигурирует уже 6000 мурен, одолженных по весу (*Plin. NH. 9. 171: C. Hirri<i>us, qui cenis triumphalibus Caesaris dictatoris sex milia numero murenarum mutua appendit. nam permutare quidem pretio noluit aliave merce*).

⁷⁶ Интересные подсчеты размеров городского спроса на сельскохозяйственную продукцию в период Средней и Поздней республики в контексте отношения знати к земледелию см. в статье Rosenstein 2008.

⁷⁷ Verg. Georg. I. 273–274: *saepe oleo tardi costas agitator aselli / uilibus aut onerat pomis* – «Часто тогда селянин ленивца-осла погоняет, / Маслом его нагрузив и всяким добром огородным» (пер. С. Шервинского).

сына Луция Лукулла и начал приводить в порядок финансовые дела фамилии племянника, то продал из прудов подопечного рыбы на 40 тыс. сестерциев (*ibid.* III. 2. 17). Благодаря этим действиям он получил значительную прибыль и в то же время освободил хозяйство от расходов на корм и содержание прислуги, присматривавшей за садками.

По-видимому, 60 000 сестерциев, которые неоднократно фигурируют в трактате Варрона (*RR.* III. 2. 15; 5. 8; 6. 1; 6. 6), представляли собой максимально возможный уровень годового дохода от *villaticae pastiones*. Такую сумму получали не только от продажи дроздов, которые сделали птичник синонимом дохода, но и, как М. Авфидий Луркон, от поставленной на широкую ногу торговли павлинами (*RR.* III. 6. 1). Появившаяся у римских гурманов мода на павлинье жаркое сразу взвинтила на них цену. Ни одна птица не могла сравниться с ними по доходности: за павлина на рынке стали давать по 50 денариев, а одно яйцо стоило 5 денариев (*ibid.* III. 6. 3; 6. 6). Во времена Варрона получение дохода порядка 40–60 тыс. сестерциев от стада в сотню голов стало нормой (*ibid.* III. 6. 6). Вряд ли больше получали от самых плодовых птиц – голубей, хотя уже пара таких красавцев на рынке стоила 200 сестерциев, столько же, сколько и павлин. А за голубей особо редких пород платили и по 1000 сестерциев за штуку (*ibid.* III. 7. 10).

Однако для крупных землевладельцев получение денег и регулярный выход на рынок не были самоцелью. Доходы от поместий были жизненно необходимы римской элите для поддержания ее высокого статуса. Поэтому при классификации и характеристике имений вряд ли стоит принимать за главный критерий именно их доходность. Ведь, как в свое время отметила Е.М. Штаерман, описание товарно-денежных отношений и рынка мало что дает для понимания сущности античного Рима, развития экономики и ее перехода от одной формы к другой⁷⁸. Но даже если рассматривать пригородное поместье, описанное Варроном, с позиций товарно-денежных отношений, то по набору отраслей, целям производства, по формам и объему поставок товаров на рынок, а также по уровню получаемого дохода, т.е. по принципам организации и функционирования семейного хозяйства в сельском имении, очевидно, что *suburbanum* I в. до н.э. при-

⁷⁸ Штаерман 1978, 108.

надлежит иному типу хозяйства знатной римской фамилии⁷⁹, нежели катоновское пригородное имение, деятельность которого строилась скорее на принципах крестьянского подхода к производству и сбыту (дождаться выгодной конъюнктуры и выбросить на рынок то, что сохранилось для продажи)⁸⁰.

Впрочем этим не исчерпывается инаковость пригородного поместья Варрона как части хозяйства фамилии. В свое время Г.С. Кнабе подчеркивал, как важно учитывать влияние на экономическую деятельность политических, идеологических, повседневно-бытовых сфер древнего Рима, а также господствовавших в то время духовных ценностей⁸¹. Эта взаимозависимость напрямую прослеживается в организации жизни рассматриваемого нами хозяйственного организма.

Как известно, в эпоху Варрона важной формой времяпрепровождения римской знати стал *otium*. Этот непереводаемый термин в античной литературе в зависимости от эпохи имеет различные значения⁸². Но во времена Варрона и Цицерона он приобрел характеристику особого ценностного состояния, наиболее точное определение которому дал Г.С. Кнабе. В понятии *otium* для римлян соединялось «удовлетворение выполненной жизненной задачей; отдых от дел, войны или общественных обязанностей; досуг, отданный творчеству, беседе и размышлениям; наслаждение красотой благоустроенной природы и произведений искусства»⁸³. И такой форме времяпрепровождения римская элита посвящала весьма значительную часть времени.

Именно с этого слова начинается трактат (*Otium si essem consecutus... – RR. I. 1. 1*), и хотя автор провозглашает его практическую направленность – три книги призваны служить руководством

⁷⁹ Характеризуя основные сферы итальянского сельскохозяйственного производства, К. Николе наряду с выращиванием зерновых, возделыванием винограда, оливок и фруктовых деревьев и животноводством выделяет *pastio villatica* Варрона в отдельное, четвертое направление, которое стало по-настоящему развиваться только в I в. до н.э. (Nicolet 1988a, 60–65).

⁸⁰ В свое время один из первых комментаторов трактата подчеркивал, что «ряд глав рисует Катона скардным крестьянином» (Бурский 1937, 20). Ср. Сергеев 1958, 25; Кузищин 1966, 61.

⁸¹ Кнабе 1988, 12. О тесном переплетении экономики и политики см.: Кузищин, Штарман 1989, 45, 52.

⁸² Понятие *otium* в зависимости от контекста и исторических условий могло приобретать разнообразные значения и оттенки (см. Межеричский 1988, 42–45). Этому посвящена специальная монография: André 1966.

⁸³ Кнабе 1986, 38.

(tres libri indices) для его жены Фундании, купившей имение и желающей сделать его доходным (ibid. I. 1. 2; 4), все же та сторона жизни, которая связана с новой формой проведения досуга, то и дело прорывается на страницы сочинения. Так, ученая беседа у Варрона начинается в свободное от трудов время, и он называет otiosos своих будущих собеседников, собравшихся в храме в праздник сева (I. 2. 1). Это понятие встречается и у других авторов I в. до н.э., например у Катуллы в стихотворении, где он вспоминает, как накануне забавлялся писанием стихов с другом Лицинием⁸⁴. Цицерон в письме Папирию Пету сообщает, что получил его письмо именно в тот момент, когда был otiosus, отослав учеников и высвободив время для написания изящного ответного послания (Fam. IX. 18).

Как было замечено, Цицерон употребляет здесь слово otiosus, чтобы обозначить социальное время, в рамках которого собеседники вовлекаются в разговор, а тот должен превратиться в текст. В целом в текстах периода Поздней республики это слово подсказывает читателю, что ему следует сфокусировать внимание на том, что автор хочет сообщить ниже⁸⁵. Римская литература, начиная с Катуллы, стала воспринимать otium как время для письма, для литературных занятий и начала вырабатывать свой язык досуга⁸⁶.

Но помимо языка интеллектуальной элите Поздней республики необходимо было располагать достойным и удобным для неформального общения местом. У Г.С. Кнабе местом для otium зажиточных римлян предстает городской особняк, домус⁸⁷. Однако теснота, являвшаяся неотъемлимой чертой жизни античного Рима, оставляла в городе мало места для отдыха и уединения⁸⁸. И римская элита, как показывают литературные источники этого времени, нашла другое более подходящее место для проведения отдыха и труда в досуге с достоинством (otium cum dignitate)⁸⁹.

Письма и диалоги Цицерона показывают, что проведение досуга теснейшим образом связано с загородными виллами. Появились отдельные места, как Тускул, где элита предпочитала проводить свое время и встречаться с друзьями. Там имели виллы Цицерон, Гортен-

⁸⁴ Catul. 50. 1–3: Hesterno, Licini, die otiosi / multum lusimus in tuis tabellis, / ut convenerat esse delicatos...

⁸⁵ Stroup 2010, 47.

⁸⁶ Гаспаров 1986, 177.

⁸⁷ Кнабе 1986, 38–45.

⁸⁸ Кнабе 1986, 153–162.

⁸⁹ Cic. Deorat. I. Praef. 1.

зий, Варрон, Лукулл, а несколько ранее по соседству друг с другом проводили свободное время Кв. Муций Сцевола, Л. Лициний Красс и М. Эмилий Скавр⁹⁰. И именно *otium* оказал непосредственное влияние на обустройство пригородных поместий. Как отмечал Колумелла, гражданский долг призывает нас на форум. (Как известно форум был центром политической жизни Римского государства, а также там происходили деловые встречи и решались хозяйственные вопросы). А после завершения всех дел (*post negotio fori*: I. 1. 19) приятно отправиться в пригородное поместье. Там *pater familias* отдыхал от политических забот и хозяйственных дел, и в свободное время с пользой и удовольствием проводил приятные минуты в занятиях интеллектуальным творчеством и общении с друзьями. И хотя эти строки принадлежат автору, жившему уже в эпоху Принципата, его высказывание вполне подходит и для бурного времени конца Республики. Н. Морли, комментируя этот пассаж Колумеллы, тонко подметил, что *suburbanum* превратился в придаток политической жизни Рима⁹¹. Хотя точнее было бы сказать, в придаток многогранной и бурной деятельности римской элиты на форуме. Упоминаемые в литературных источниках пригородные поместья, где авторы проводили *otium*, располагались на востоке Римской Кампании, в легкой досягаемости от Рима: Тибур, Пренесте, Тускул⁹². Красивый ландшафт, плодородные почвы и здоровый климат, который так заботил римскую элиту, создавали прекрасные условия для удобного времяпрепровождения.

Такому образу жизни следовал и Варрон. В своем трактате о сельском хозяйстве он подчеркивал, что земледельцы в своей деятельности стремятся к двум целям: к пользе (*utilitas*) и к удовольствию (*voluptas*). Польза требует получения дохода, а удовольствие – того, что дарит приятное времяпрепровождение⁹³. Вторя Катону, он напрямую связывает пользу и плодородие со здоровым местом (RR. I. 2. 4), которое позволяет получить верный доход (*ibid.* I. 4. 3). Там, где нет здоровых условий жизни (*salubritas*)⁹⁴, занятие хозяйством превращается в рискованное дело, где на кон поставлена жизнь хозяина и

⁹⁰ Griffin 1994, 694–695.

⁹¹ Morley 1996, 91.

⁹² Champlin 1982, 101.

⁹³ *Varr.* I. 4. 1: *hinc profecti agricolae ad duas metas dirigere debent, ad utilitatem et voluptatem. utilitas quaerit fructum, voluptas delectationem.*

⁹⁴ Помимо *salubritas*, наличие которого так заботило и Катона, пригород дарует еще красоту (*amoenitas*) и *otium* (см. Champlin 1982, 100; Morley 1996, 91), о которых, впрочем, у Катона еще нет ни слова.

его имущество (*res familiaris*: *ibid.* I. 4. 3). И в пригородном имении он учел эти обстоятельства.

Поиск пространства для *otium* прямо сказался на том, как сам Варрон по-новому устроил птичник в имении под Казином, чтобы оно могло служить и для улады души⁹⁵. По единодушной оценке друзей, это поместье получилось на редкость привлекательным, и все посещавшие его вместе с хозяином любовались и птицами, и самим сооружением. При этом говорили, что Варрон превзошел не только изобретателя подобных птичников, своего современника М. Ления Страбона⁹⁶, у которого пойманные птицы содержались в одной из беседок, но и знаменитого богача Лукулла (*RR.* III. 4. 2; 5. 8). Лукулл вознамерился в своем Тускуланском поместье соединить воедино предприятие, приносящее большой доход, с местом для душевного удовольствия и разместил под одной крышей птичник и триклиний, надеясь наслаждаться во время обеда созерцанием порхающих птиц. Однако вместо этого пирующим пришлось вдыхать запах птичьего помета (*ibid.* III. 4. 3).

Варрону же удалось искусно вписать птичники в ландшафт своего поместья. По берегам протекавшей через усадьбу речки были проложены дорожки для прогулок, по мосткам можно было перейти из городской части имения в сельскую, а также попасть на небольшой остров и место, посвященное музам. Вдоль одной из дорожек, ведущей от реки в рощу, с двух сторон были устроены портики, которые открывали путь к ротонде. Там и находился птичник. Варрон запустил птиц под портики, натянув сети между колоннами, а в ротонде с небольшим бассейном и островком находились гнезда для уток. В эту окруженную ветвистыми деревьями беседку, где устраивались ученые пиры, хозяин с гостями добирался, любуясь по пути порхающими под колоннадами стаями птиц. В самой беседке, развлекая пирующих, мимо лож выходили поплавать в бассейн утки⁹⁷, а в воде плескались рыбки. Чтобы поразить гостей и получить максимальное удовольствие от ученой беседы, Варрон придумал ряд диковинных устройств: в ротонде был устроен вращающийся стол, которым легко управлял один раб; под куполом звезда на сфере, описывая круг, по-

⁹⁵ *Varr.* *RR.* III. 5. 8: *animi causa constitutus*; об этом же птичнике, устроенном ради удовольствия (*delectationis causa*), упоминалось чуть выше: *ibid.* III. 4. 2.

⁹⁶ О нем же см. *Plin.* *HN.* 10. 141.

⁹⁷ М.Е. Сергеев отметил, что разведение уток (в отличие от других видов птиц) не имело никакой экономической ценности в древнем Риме, а отражало моду в среде знати, пытавшейся у себя воссоздать нечто подобное египетскому пейзажу (Сергеев 1955, 37).

казывала время суток, а стрелка на оси с обозначением семи ветров, указывала направление дующего ветра (RR. III. 5. 9–17)⁹⁸.

При Варроне преобразование пригородного поместья в пространство для *otium* делало еще только первые шаги, но вскоре приобрело массовый характер. Как показали исследования археологов, в период с конца I в. до н.э. до середины I в. н.э. активно осваивались многие области Италии. И если во внутренних районах возникали типичные сельские виллы (*villae rusticae*), то на побережье римская политическая элита (как и под Римом) повсеместно строила виллы для *otium*⁹⁹, тратя средства на украшение и обустройство пространства для «досуга с достоинством», что значительно ограничивало возможности извлечения максимально возможного дохода. Пригородные усадьбы знати ради получения удовольствия во время отдыха искусно украшались бронзовыми и мраморными статуями и рельефами и расписывались приглашенными художниками. Розейская вилла сенатора Квинта Аксия, одного из участников беседы в трактате Варрона, славилась изысканной лепниной (III. 2. 7). А Цицерон, перестраивая для досуга и отдыха приобретенное Тускуланское имение, в 67 г. до н.э. специально обратился к своему другу Аттику, находившемуся в Афинах, с просьбой приобрести для него «барельефы, которые я бы мог вставить в штукатурку стен малого атрия и две каменные ограды с изображениями для колодцев» (Att. I. 10. 3; пер. В.О. Горенштейна).

Совершенно иную картину мы наблюдаем в пригородных имениях у всадников и тех, кто не был вовлечен в активную политическую жизнь Рима. В противоположность стремящимся к демонстрации своего статуса представителям элиты они не тратились на обременительную роскошь. Образцом такого типа фамильного хозяйства предстает расположенное под Остией пригородное поместье всадника Сея, довольно подробно описанное Варроном (RR. III. 2. 7–14). В этом высокодоходном поместье, ориентированном именно на разведение и откорм различной живности с целью получения максимально высокой прибыли, усадьба была скромная без украшений, без картин и без статуй¹⁰⁰, которые стоили немалых денег.

Это была полная противоположность роскошно украшенной розейской усадьбе Аппия, где сенатор проживал вдвоем с ослом, куп-

⁹⁸ Подробнее о реконструкции плана и внешнего вида птичника Варрона см. Сергеев-ко 1963, 196–199.

⁹⁹ Tchernia 1986, 161.

¹⁰⁰ Varr. RR. III. 2. 8: nec tamen ibi se vidisse tabulam pictam neque signum aeneum aut marmoreum ullum.

ленным за баснословные деньги □ 40 000 сестерциев (ibid. III. 2. 7; 9). Рационально использовал Сей и площадь поместья. У него отсутствовало традиционное деление усадьбы на городскую, украшенную, и сельскую, где много места занимали винодельни и помещения для выжимки масла с их прессами, трапетами, жбанами, а также склады с керамической тарой. И это вызывало удивление¹⁰¹. Не было у него и угодий с традиционным со времен Катона набором культур и планировкой. Но зато при скромной усадьбе паслись стада кабанов и прочей дичи, откармливались многочисленные стаи гусей, кур, голубей, павлинов и других птиц, роились пчелы, а пруды кишели рыбой. Вся эта живность приносила огромный доход свыше 50 000 сестерциев (RR. III. 2. 14), значительно больше, чем другие получали с целого имения, как Аксий, пораженный такой огромной годовой прибылью.

Этот сенатор стремился всеми силами извлечь из сельских владений высоких доход, но традиционными методами. В знаменитом розейском имении он имел прекрасные пастбища, а в стойлах содержал скот, который откармливался на даровых кормах, выращиваемых в этом же поместье на полях, лугах и в лиственных лесах, но такой прибыли получить не мог, так как обработка кормовых угодий и содержание для этих целей работников съедали значительную часть прибыли. А Сей, изучив опыт пунийцев и греков, отказался от собственных кормов и в отличие от Аксия, который откармливал боровов желудями из собственного леса, использовал покупные желуди (RR. III. 2. 12). Такой экономический рационализм в мышлении и поведении, который демонстрировал Сей, и позволял извлекать из пригородного хозяйства огромные прибыли.

Таким же был в жизни и экономической деятельности преуспевающий в финансовых делах всадник Аттик. По сообщению Непота, у него не было ни парков, ни пригородных имений, ни дорогих villae на морском побережье, строил он весьма умеренно и не стремился к роскоши¹⁰². Огромный доход в 60 тыс. сестерций получала занятая лишь поисками прибыли тетка Варрона. Однако, как отметил Е. Коллендо, когда речь идет о владениях римской элиты, где разводили птицу, дичь или рыбу, как в поместье Варрона в Tusculum, которое перешло к нему от Пизона, или о вилле Кв. Гортензия в окрестностях Лаврента, Варрон не упоминает о доходе, но описывает эти места как

¹⁰¹ Varr. RR. III. 2. 9: quid igitur est ista villa, si nec urbana habet ornamenta neque rustica membra?

¹⁰² Nep. Att. 13; 14.

привлекательные для отдыха с друзьями¹⁰³. В этом – одна из важнейших отличительных черт пригородных имений римской элиты рассматриваемого периода: они обустроивались именно для получения максимального удовольствия во время трудов в досуге. Поиск такого времяпрепровождения привел в конце концов к угасанию моды на жаркое из павлинов и к превращению этой красивой птицы в предмет любования. Марциал, несомненно, выражал мнение многих, когда осуждал тех, кто мог столь красивую птицу отсылать под нож повара (XIII. 70). Такую же оценку дает и Гораций, называя жаркое из павлина бессмысленной роскошью (Sat. I. 2. 116; II. 2. 23). По мнению М.Е. Сергеевко, к середине I в. н.э. павлин из доходной статьи стал превращаться в предмет эстетического созерцания¹⁰⁴.

Все это показывает, что в отличие от senatorской знати у всадников в конце Республики сложилось совершенно иное экономическое мышление и поведение, не обремененное их социальным статусом. Это наиболее наглядно проявилось в различных представлениях о формах времяпрепровождения, а также о месте и роли пригородного поместья и усадьбы в нем в сфере экономической деятельности у сенаторов и всадников. Поэтому не случайно Аппий хотел бы купить высокодоходное пригородное поместье Сея, но боится прогадать и получить вместо приморской виллы под Остией всего лишь дом¹⁰⁵, который не отвечает традиционным представлениям знати об усадьбе. Ведь в усадьбе подобной Сеевой места для проведения otium или содержания осла, купленного за 40 000 сестерций, чтобы любоваться на дорогую покупку, попросту нет. Касаясь боязни Аппия прогореть с покупкой, Е. Колендо справедливо отмечает, что в этом пассаже отразилось понимание Варроном, что не всем отлаженное хозяйство всадника могло приносить доход¹⁰⁶.

Таким образом, рассмотренный материал показывает, что пригородные владения римской знати за полтора столетия своего существования значительно преобразились и приобрели новые черты¹⁰⁷. Во вре-

¹⁰³ Kolendo 1994, 63–64.

¹⁰⁴ Сергеевко 1963, 201.

¹⁰⁵ Varr. RR. III. 2. 7: ne labar [in] imprudentia[m], quod volo emere a M. Seio in Ostiensi villam... metuo ne pro villa emam [Ostia] in litore Seianas aedes.

¹⁰⁶ Kolendo 1994, 63.

¹⁰⁷ О датировке катоновского «Земледелия» см. Кузищин, 1966, 54–67: вместо традиционной приблизительной датировки этого произведения серединой II в. до н.э. автор предлагает более раннюю, между 191 и 187 гг. до н.э. (с. 54, 64). Варрон начал писать свой трактат, когда ему было 80 лет (RR. I. 1. 1; Сергеевко 1963, 5), и на этом основании его публикацию датируют 37 г. до н.э. (Griffin 1994, 701).

мена Варрона *suburbanum* предстает новым типом поместья, которое с катоновским роднит только одинаковое местоположение. Различия проявились и в хозяйственной сфере, и в форме времяпрепровождения хозяина в имении. Поиски более высокого дохода, которым *pater familias* посвящал свои *negotia*, привели к возникновению нового направления сельскохозяйственного производства с высокой товарностью – *pastio villatica*. Кроме того, пригородная вилла в I в. до н.э. стала для римской элиты излюбленным местом проведения *otium*, организация которого делала проблематичным извлечение максимально высокого дохода. Однако нужда в больших деньгах толкала традиционно мыслящую элиту овладевать новыми формами хозяйства. Это мастерски показал Варрон в живом диалоге, когда сенатор Аксий, который вел сельское хозяйство по старинке, поняв преимущества новаций, просит Мерулу, потомка консуляров, который уже досконально познал принципы разведения скота в усадьбе, взять его в ученики¹⁰⁸.

В целом *suburbanum*, как и все имущество домовладыки, следует классифицировать прежде всего с точки зрения служения его высокому социальному статусу. А именно пригородное поместье в данный период времени предстает как та часть собственности фамилии, которая изысканным убранством усадьбы предоставляло место для проведения трудов в досуге и открывала возможность (которой, правда, преимущественно смогли воспользоваться всадники) получения максимально высокого дохода. Все это вместе взятое наиболее полно обеспечивало поддержание и демонстрацию высокого статуса римской знати.

§ 4. Возникновение ремесленного производства в структуре фамилии и особенность его функционирования.

Ремесленное производство занимало важное место в экономике античного Рима. И в своем развитии оно первоначально шло тем же путем, которым прошли все общества в докапиталистическую эпоху. Уже в начальный период существования Рима произошло отделение профессиональной ремесленной деятельности от сельского хозяйства. По крайней мере, как свидетельствуют источники, уже при правлении второго римского царя Нумы мастера были организованы по профессиональному признаку в коллегии: флейтистов, золотых дел

¹⁰⁸ Varr. RR. III. 2. 18: *Axius, Merula mi, inquit, recipe me quaeso discipulum villaticae pastionis.*

мастеров, плотников, красильщиков, сапожников, кожевников, медников и гончаров. Специалистов же остальных профессий он свел в одну коллегию (Plut. Numa 17).

Однако древнеримское ремесло имело и ряд отличительных черт. На его своеобразие прежде всего наложили отпечаток основные социальные организмы античного Рима – гражданская община (*civitas*) и семейно-родовая община (*familia*). Соответственно деятельность мастера могла протекать в двух сферах. Одна – это ремесло, функционирующее в рамках и интересах общины (*civitas*) в целом, соответствующим образом организованное и находящееся под контролем общины, ее руководящих органов и должностных лиц. Другая – это ремесленная деятельность, организованная в рамках древнеримской фамилии домовладыкой (*pater familias*)¹⁰⁹. Обе эти сферы производства хотя и были тесно связаны между собой, но каждая имела отличия в организации и управлении и шла собственным путем.

Кроме того, на характер ремесленного производства в древнем Риме непосредственно влияло своеобразие двуединой античной формы собственности, для которой было характерно сочетание общественной и частной земельной собственности, право на которую давала принадлежность к гражданской общине¹¹⁰. Однако, что является самым важным для нашей темы, в качестве базиса этой собственности выступает город как центр поселения землевладельцев, а земельные угодья являются территорией города. Это слияние города и деревни в античной форме собственности в единое целое создавало уникальную основу для возможности развития профессионального ремесла на одинаковом уровне, как в городе, так и в сельской местности. К тому же античная форма собственности предполагала, что благополучие домовладыки и его фамилии в Риме зависели от функционирования земельного надела, откуда традиционно доставлялось продовольствие (Plaut. Trinumm. 900; Stich. 57–60) или другие средства существования.

Источники показывают, что уже в III в. до н.э. в Риме существовала активная торгово-ремесленная деятельность. Ремесленники различных профессий и торговцы разнообразными товарами составляли значительную часть городского населения. В римской комедии среди

¹⁰⁹ Более подробно об этом см.: Ляпустин 1992, 52–67.

¹¹⁰ Об античной форме собственности в древнем Риме см.: Штаерман 1978, 49–99; Утченко 1977, 18–41.

персонажей появляются ремесленники различных специальностей. Особенно часто их упоминает Плавт. Это сукновалы, портные, златокузнецы (Aulul. 508; Men. 525; 682), кузнецы (Capt. 733; 1027; Rud. 531), оружейники (Epid. 37) и др. Однако определить их связь с семейным ремеслом довольно сложно. Некоторый свет на эту проблему проливают письменные и археологические данные о римском форуме.

Согласно традиции, Тарквиний Приск обнес форум лавками и другими сооружениями (Liv. I. 35. 10; Dion III. 67. 10). Наличие таберн на форуме начиная с VI в. до н.э. и далее общепризнанно, хотя большинство из них составляли продуктовые лавки. Подобные процессы протекали и за пределами Рима. Так, в Помпеях следы древнейших лавок на форуме имеют более позднюю датировку – IV в. до н.э. Археологический материал позволяет выделить среди них два типа. Один представлен в Помпеях, где под зданием Эвмахии открыто семь простых таберн с почти квадратными в плане помещениями, расположенными в ряд. Являясь элементами застройки форума, они служили общественным нуждам¹¹¹. К другому типу относятся здания атриумного типа, однако они использовались не под жилье, а для отправления общественных функций. Внешний вид такой постройки восстанавливается благодаря раскопкам в Козе, римской колонии в Этрурии, основанной в 273 г. до н.э., где планировка форума копировала римскую. В Козе по трем сторонам площади располагалось восемь зданий с атрием и двумя табернами по обе стороны от входа. Подобные строения, по сообщению Ливия, существовали в Риме в III в. до н.э. (Liv. XXIX. 44. 7)¹¹². Таким образом, римский форум с трех сторон был окружен лавками, принадлежавшими всей городской общине, а за ними располагались *atria publica*, среди которых были и частные владения – атрии Мениев и Тациев с четырьмя табернами, разрушенные впоследствии Катонам. Появление таберн в частных строениях указывает на заинтересованность глав семейств в торговой-ремесленной деятельности.

Развитие семейного ремесла отразилось в топографии Рима. Торгово-ремесленные сооружения начинают постепенно исчезать с форума или трансформироваться. По этому поводу Варрон заметил, что достоинство форума в III в. до н.э. возросло, так как лавки мясни-

¹¹¹ Maiuri 1941, 371–373; Gassner 1986, 60.

¹¹² Об атриумах на форуме см.: Welin 1953, 179–219; Brown 1980, 33–39; Coarelli 1985, 45 sg., 147, 149–154; Gros 1990, 139.

ков были заменены на лавки серебряных дел мастеров¹¹³. В дальнейшем исчезают и эти лавки, удаляются все торгово-ремесленные постройки. В период Поздней республики – Ранней империи форум все более и более приобретает значение судебного и политического пространства¹¹⁴. Такие изменения, помимо социально-политических процессов, также непосредственно были связаны с тем, что, если первоначально определенные потребности большинства граждан в продуктах питания и ремесленных изделиях удовлетворялись силами общины, то по мере того, как состоятельная часть граждан начала решать эти проблемы самостоятельно силами хозяйства фамилии, соответствующие виды деятельности переставали быть общезначимыми и выпадали из обязательных функций общины. А форум – сердце римской *civitas* – остался сосредоточием функций, выходящих за пределы фамильной компетенции – политических и судебных.

Это вытеснение окончательно оформил Цезарь. На своем форуме он по традиции возвел таберны, которые, однако, использовались не для торговли, а по делам политическим и судебным (App. В.С. II. 102). Закрывание форума для торговли, как и в Риме, прослеживается и в Больсене, но несколько позже, в I–II вв. н.э.¹¹⁵ Таким образом, в городской общине происходило активное взаимодействие общинных и фамильных торгово-ремесленных структур. По мере укрепления фамилии соответствующие общинные функции исчезают на форуме, удаляясь на периферию. А в экономической сфере они уступают часть сферы своей деятельности ремесленникам-профессионалам из фамилий знати, которые связаны с городскими владениями домовладыки.

Характерные жилища знати – многокомнатные дома атриумного типа за пределами форума – возникают также не позже IV в. до н.э. Однако лавки и мастерские в них первоначально отсутствовали, их появление датируется, например, в Помпеях II в. до н.э.¹¹⁶, а в Риме, видимо, несколько раньше. На этот же период приходится и накопление значительных материальных и денежных средств, приобретение и повседневное использование в быту посуды из золота и серебра, дорогих одежд и украшений. Свидетельством этого же процесса экономического укрепления римских фамилий служит массовое распро-

¹¹³ Varr. De vita populi romani II. fr. 72 = Non. Marc. 532 M = 853 L.

¹¹⁴ Castagnoli 1978, 68; Morel 1987, 135–138.

¹¹⁵ Gros 1981, 54, 58.

¹¹⁶ Gassner 1986, 49.

странение с конца III в. до н.э. сельскохозяйственных поместий, принадлежавших знатным фамилиям¹¹⁷.

Наличие денег и богатств создавало предпосылки для усложнения хозяйственной деятельности римской фамилии. Увеличение семейного имущества, повышение запросов знати настоятельно требовали введения специалистов-ремесленников в состав фамилии. Их приобретали и домовладыки, ищущие дохода, и те, кто придерживался катоновских принципов бержливости. Так, живший во II в. до н.э. поэт Луцилий, обличавший роскошь, отмечал, что в доме помимо слуг следует держать ткачей и пекаря (Lucil. XXX. fr. 1053–1057). Но авторы литературных сочинений в принципе видели в ремесленной деятельности аномалию (в отличие от земледелия) и предпочитали о ней по возможности вовсе не упоминать или сообщать мимоходом как о чем-то случайном. Тем не менее, совокупность всех перечисленных факторов дает основание выделить конец III – начало II в. до н.э. как время оформления семейного ремесла, образовавшего самостоятельную отрасль в системе древнеримской экономики.

Одной из сфер деятельности в рамках семейного ремесла стало изготовление керамической посуды и тары для хранения и транспортировки продукции, а так же черепицы и кирпичей. Свидетельства о гончарном производстве, организованном отдельными фамилиями, зафиксированы исследователями в конце III–II вв. до н.э. Несмотря на то, что в это время повсеместно преобладал труд свободных ремесленников, рядом с их именами на штемпелях калленской керамики и других изделиях из глины встречаются и клейма с именами рабов (CIL I. 412; 416; 2323; 2351; 2374; 2487). Как уже отметила Е.М Штаерман, наибольший интерес среди них представляет клеймо под номером 416: «К. Серпонион сделал в Калах, в Эсквлинском квартале, раб Гая»¹¹⁸. Текст штемпеля свидетельствует, что производство располагалось на территории города, но раб-ремесленник трудился не в доме главы фамилии, а в мастерской в Эсквилинском квартале, вероятно, оборудованной для него господином¹¹⁹. Похожие клейма с именами рабов или уже получивших свободу отпущенников обнаружены на черепице, кирпичах, керамической таре. Особенно массовым становится производство кирпича, который с этого времени стал широко применяться при строительстве домов в городах.

¹¹⁷ Кузищин 1973, 53–58.

¹¹⁸ CIL I. 416: «K. Serponio Caleb. Fec. Vequo Esquelino C.s.»

¹¹⁹ Штаерман 1964, 97.

Таким образом, как было рассмотрено выше, представители знати стали широко практиковать включение ремесленников-профессионалов в состав фамилии. Однако связи домовладык с мастерами были различными, да и само ремесло претерпевало определенную эволюцию не только по степени связи с рынком. Первоначально работой были заняты, как правило, женщины или непрофессиональные работники из числа домоладцев. Эти работы велись в стенах господского дома, каких-либо специальных помещений не было (Ovid. *Fast.* II. 742–747; Liv. I. 57. 9). Уже само расположение рабочего места показывает в данном случае полную зависимость и подчиненность таких ремесленников домовладыке. Однако развитие специализации, рост интенсивности труда и превращение временного занятия в профессиональную деятельность приводило к замене работника-неспециалиста квалифицированным мастером, как правило, мужчиной, как это происходило во II в. до н.э. в хлебопечении¹²⁰. Эти же процессы протекали и в других отраслях. Ремесленники-профессионалы трудились уже в специальных мастерских, обособившихся от господского дома. Выделение рабочего места из дома господина, за его пределы символизирует получение рабочим-специалистом большей свободы в образе жизни и производственной деятельности и изменение форм контроля над ремесленником со стороны домовладыки. Впрочем, ряд ремесел, например, ткацкое, в силу особенностей производства и источников сырья так и не смогло выйти из-под контроля *pater familias*¹²¹.

Однако незначительный объем производства в первый период функционирования фамильного ремесла не позволял господину полностью занять своих мастеров внутри своего хозяйства, и рабы-ремесленники получали возможность проявлять инициативу в своей деятельности. Как свидетельствуют комедии Плавта, они сами искали работу, нанимаясь за плату к тому или иному владельцу¹²². Такие рабы-ремесленники располагали пекулием, выделенным господином. Пекулий же юристы эпохи Республики (Туберон) определяли как то имущество, которое раб с разрешения господина имеет отдельно от имущества, внесенного в приходно-расходные книги домовладыки (D. 15. 1. 5. 4) за вычетом того, что он должен господину. То, что

¹²⁰ Plin. *NH.* XVIII. 107: *Pistores Romae non fuere ad Persicum usque bellum annis ab urbe condita super DLXXX. ipsi panem faciebant Quirites, mulierumque id opus maxime erat, sicut etiam nunc in plurimis gentium.*

¹²¹ Более подробно об этих процессах на примере Помпей см.: Ляцустин 1988, 69–87.

¹²² Plaut. *Aulul.* 236, 265, 365; Mercat. 738, 768; Pseud. 794 – 800; Asinar. 423 – 428.

делка, как правило, судя по Плавту, заключается не господином, а самим рабом, свидетельствует, с одной стороны, о невозможности загрузить работника постоянно, а с другой – о том, что хозяин раба отнюдь не проявлял стремления контролировать ремесленника и выколачивать из него как можно больше звонкой монеты. Цели его ограничивались тем, чтобы раб сам себя кормил, одевал, приносил определенный доход и всегда находился под рукой для выполнения работ в хозяйстве господина. Стремление к максимально высоким доходам вовсе не превалировало в организации семейного ремесла такого рода. По крайней мере, рекомендаций по организации максимально доходного ремесленного производства, в отличие от земледелия и скотоводства, в дошедших до нас источниках не зафиксировано.

Как отмечала Е.М. Штаерман, отталкиваясь от текста Дигест, всякое сельское имение должно было приносить плоды, а от городского этого не требовалось. Сад, не дававший дохода, причислялся к *praedia urbana*, а если в нем возделывали виноград или овощи, то он уже относился к *praedia rustica*¹²³. По мнению историка, это происходило из обязанности общины наделять гражданина землей, обеспечивавшей его существование. И поскольку надел, переданный гражданину для обработки, являлся частью общественного земельного фонда, то это налагало на квирита ответственность перед гражданской общиной за тщательность обработки угодий. Забота о поместье проявлялась в обязанности домовладыки извлекать из него доход¹²⁴.

Однако представляется, что причина такого отношения к земельной собственности была несколько иная. Как было показано выше, *pater familias* был единственным полноправным представителем фамилии в гражданской общине, и от его материального положения зависел статус фамилии и входивших в нее свободных членов. Домовладыка выступал основным связующим звеном между миром предков и последующими поколениями рода. Он обязан был сохранить сакрально чистую семью (*Cic. De leg. II. 57: familia pura*), преумножить благоденствие фамилии и передать унаследованный статус и

¹²³ Штаерман 1978, 71. D. 50. 16. 198 (*Ulp. 2 de omn. tribunal.*): ... quia urbanum praedium non locus facit, sed materia. proinde hort<o>s quoque, si qui sunt in aedificiis constituti, dicendum est urbanorum appellatione contineri. plane si plurimum horti in reditu sunt, vinearii forte uel etiam holitorii, magis haec non sunt urbana □ «...ведь городским имением делает не место, а его свойства. Поэтому следует сказать, что также и сады, если они из тех, что расположены внутри домов, включаются в понятие городских (имений). Конечно, если сады в большей своей части сданы для (извлечения) дохода, например, под виноградники или даже под огороды, то они скорее всего не являются городскими» (пер. Л.Л. Кофанова).

¹²⁴ Штаерман 1978, 68–71.

весь комплекс своих функций (политических, религиозных, экономических и социальных) своему наследнику¹²⁵. А это напрямую зависело не просто от размеров богатства, а именно от доходности поместья, поскольку отношение к земельной собственности являлось главным критерием места гражданина в *civitas* и соответствия его нормам *mos maiorum*.

На другие владения домовладыки, с землей непосредственно не связанные, соответствующие требования не распространялись, и отношение к мастерским и ремесленному производству было иное. Е.М. Штаерман отмечала: «Ничто не обязывало хозяина мастерской производить ремесленную продукцию... не обязывался человек и извлекать доход из труда своих рабов»¹²⁶. Конечно, господин и его рабы-ремесленники в производственной деятельности ориентировались на все возраставшие в ходе развития общества запросы жителей города и потребности фамильного хозяйства и не упускали возможности заработать. И реальный доход от этой недостойной по нормам *mos maiorum* для истинного квирита сферы деятельности мог значительно превышать прибыль от поместий. Поэтому рост мастерских, входивших в имущество домовладыки, начавшийся с широким развитием рабства, шел затем автоматически, и число ремесленников в фамильном хозяйстве увеличивалось.

Однако этот процесс отражал противоречивую ситуацию. С одной стороны, рабы-ремесленники, находясь под властью господина, входили в фамилию как неразрывная часть ее производственной структуры, а с другой стороны, в экономической деятельности они были самостоятельны и действовали по собственной инициативе. Пекулий, по крайней мере в конце III – II вв. до н.э., был показателем неразвитости хозяйственной деятельности фамилии в экономической системе города. Эта отдаленность господина от занятий его раба с пекулием не была просто позой, рассчитанной на показное следование нормам предков, согласно которым в древнем Риме занятие торгово-ремесленной деятельностью считалось несовместимым с принадлежностью к высшим *ordines*¹²⁷. При необходимости, как это продемонстрировал Катон, нормы и запреты довольно легко обходили. Здесь же мы видим поиск оптимальных форм хозяйственной деятель-

¹²⁵ Ляпустин 2011b, 114.

¹²⁶ Штаерман 1978, 71.

¹²⁷ *Cic. De off. I. 150; Lucian. Somn. 9; Sallust. Ep. II. 5. 6; Actius Brutus Fr. 18 и др.*

ности, соответствующих политическим, идеологическим и моральным устоям гражданской общины.

В это же время, уже с конца III в. до н.э. происходило широкое проникновение сенаторского сословия в заморские торговые операции. Как показало исследование Т.П. Вайзмана, связи знатных римских фамилий с ремеслом и торговлей способствовали росту их состояний¹²⁸. Соответствующая деятельность представителей родов Теренциев, Эмилиев, Лоллиев зафиксирована в литературных источниках и керамических клеймах. Об этом же свидетельствует, как бы его ни интерпретировать, и принятие в 218 г. до н.э. *lex Claudia*, по которому сенаторам и их сыновьям было запрещено иметь корабли вместимостью свыше 300 амфор (ок. 8 000 л)¹²⁹.

Связь знати с торгово-ремесленной деятельностью для этого же периода прослеживается и далее. Уже Катон Старший, (как это было показано выше) отойдя в конце жизни от проповеди накопления богатств благодаря бережливости и рачительному ведению сельскохозяйственной деятельности, прибегал к торговле через вольноотпущенника Квинктиона. Деньги Катона использовались для ссуды под залог торговых кораблей. Он сам приобретал водоемы, горячие источники, участки, пригодные для устройства фуллоник (Plut. Cat. Mai. 21). Такое использование своих вольноотпущенников и рабов было делом само собой разумеющимся, ведь, по словам Цицерона, наши предки (*maiores nostri*) властвовали над своими вольноотпущенниками почти так же, как и над рабами¹³⁰.

Еще шире использовались ремесленники в городском хозяйстве фамилии в I в. до н.э. Активно обогащался с их помощью Веррес. Он присвоил для использования в своих интересах мастеров, принадлежавших сыну Гая Маллеола, которого опекал (Cic. Verr. II. 1. 90–92). Такие же насильственные захваты ремесленников Веррес практиковал и во время наместничества в Сицилии. Находясь уже в составе фамилии Верреса, эти работники открывали затем мастерские, обогащая хозяина (Cic. Verr. II. 4. 54; 58–60). А отпущенник Верреса Тимархид обогащал и патрона, и себя самого, выискивая самые необычные источники дохода (например, Cic. Verr. II. 3. 176). В этом же духе действовал и Красс, составивший значительную часть своего огромного состояния сдачей в наем рабов, обученных строительному

¹²⁸ Wiseman 1971, 77–89.

¹²⁹ Liv. XXI. 63. 3–4. См. Квашнин 2009b; 2011.

¹³⁰ Cic. Q. fr. I. 1. 13: *libertis, quibus illi quidem non multo secus ac servis imperabant*.

делу (таковых у него было более пятисот – Plut. Crass. 2). Хороших мастеров по уходу за домом имел Помпоний Атик¹³¹. Сохранились свидетельства о том, что Антоний в Афинах приобрел чеканщика Эвандра, которого сначала привез с собой в Александрию, а затем вместе со всеми пленными отправил в Рим (Porphyr. Schol. in Horat. Sermon. I. 3. 90–91).

Мастерские и лавки, где трудились ремесленники, и их хозяева образовывали своеобразный мир экономических отношений. Для них характерны были не только натуральные повинности в виде отработок, но и денежные формы расчета внутри фамилии. Катон давал своим рабам деньги на покупку детей, чтобы мастера обучили мальчиков своим специальностям, и после этого выкупал юных рабов-специалистов для своих нужд (Plut., Cat. 21). Это же отмечается и позже, в эпоху империи. Тримальхион, описанный Петронием как хозяин толп рабов, покупал бронзовые сосуды у своего ремесленника Коринфа (Petr. Sat. 50). Отпущеники, получив свободу, оставались связанными с экономической жизнью прежней фамилии, как обязательными отработками, так и передачей определенных денежных сумм своему патрону. Выполнение обязательств рабами и отпущениками подпитывало и укрепляло благосостояние домовладыки.

Однако не только главы богатых фамилий получали преимущества перед рядовыми гражданами за счет включения профессионального ремесла в хозяйственную структуру фамилии, но и ремесленники-профессионалы, входившие в состав фамилии, отличались от своих собратьев по ремеслу, трудившихся вне семейной хозяйственной системы. По своей технико-технологической оснащенности и профессиональным качествам они друг от друга мало отличались. Но за их спиной стояли экономическая сила и политический авторитет домовладык, что давало им преимущество перед другими мастерами и поднимало ремесленное производство в фамилии на более высокую ступень в социально-экономической сфере¹³². Соединение профессионального ремесла с экономическим потенциалом фамилии придавало новое качество ремеслу и вело к переменам в древнеримском обществе в целом.

¹³¹ *Corn. Nep. Att. 13. 4: pari modo artifices ceteri, quos cultus domesticus desiderat, adprime boni.*

¹³² Этот процесс характерен и для других древних обществ, например, на Востоке, где ремесленное производство концентрируется при дворцах и храмах, соединяясь с их политическим и экономическим потенциалом. См. Сайко, Янковская 1988, 13.

В I в. до н.э. практически все представители высших слоев Рима были связаны с торгово-ремесленной деятельностью на городском рынке и получали от этого значительную прибыль. В трактате «Об обязанностях» Цицерон, отражая господствовавшие в среде элиты представления о приоритетах, где здоровье предпочитают наслаждениям, силу ставят выше быстроты, а славу – выше богатства, отмечал, что доходы от мастерских и лавок в городе выше, чем доходы от сельских поместий¹³³. И это было не просто отвлеченное рассуждение философа. Он с детства на примере деятельности отца усвоил все преимущества получения прибыли домовладыкой от организованных ремесленных мастерских.

Как известно, Марк Туллий Цицерон происходил из Арпина, небольшого городка на юге Лация. Его мать Гельвия была знатного происхождения, а отец был не столь высокого статуса. И антицицероновская традиция, демонстрировавшая негативное отношение к знаменитому оратору (что нашло отражение у Плутарха: *Plut. Cic. 1. 1*) сообщала, что его отец родился и вырос в сукновальне. В этом же ключе выступали и политические противники знаменитого оратора. С целью дискредитации Цицерона в речи, произнесенной Кв. Фуфием Каленом в сенате в 43 г. до н.э., его отец был назван шерстобитом, который добывал средства к существованию (помимо возделывания винограда и оливок) позорным занятием – стиркой тканей в фуллонике (*Dio Cass. 46. 1. 1. 1–28*). Эти нападки противников Цицерона носили явно предвзятый характер, и поэтому в историографии существует точка зрения, что оскорбительные выпады были лишь риторической фигурой, под которой не было никаких реальных оснований¹³⁴. Однако, как показал Ф. Коарелли, эти обличительные выпады не были простой выдумкой и в основе опирались на факты, которые могли быть хорошо известны сенаторам¹³⁵. Обличитель Цицерона Кален был сыном друга семьи Цицерона, и, как не без оснований полагает Коарелли, в юности бывал со своим отцом на родной вилле знаменитого оратора и мог быть свидетелем работы фуллонов в родовом поместье Туллиев¹³⁶.

Важные сведения по данному вопросу дают археологические и эпиграфические источники. Недавние археологические исследования

¹³³ *Cic. De off. II, 88* : *bona validudo voluptati anteponatur, vires celeritati, externorum autem, ut gloria divitiis, vectigalia urbana rusticis.*

¹³⁴ Wiseman 1971, 86 – 87.

¹³⁵ Coarelli 1996, 199–204.

¹³⁶ Coarelli 1996, 201.

Фрегелл и расположенных поблизости Арпина и Аквина показали, что они были центрами шерстоделательного производства на юге Лация. В этих городках и близлежащих поместьях были устроены фуллонии. Кроме того, в одной из надписей с посвящением Меркурию Ланарию, обнаруженной в Арпине, фигурировали рабы Луция Туллия (кузена или скорее дяди Цицерона), а также некие Преций и Филотим. Коарелли отождествил их с персонами, фигурировавшими также в связи друг с другом в письмах Цицерона от 50 г. до н.э. (Cic. ad Att. 6. 9. 2; 7. 1. 9; ad fam. 14. 5. 2). В них Филотим, управляющий Теренции, домогается наследства Преция (*Preciana hereditas*), что позволяет предположить, что Преций умер в этом году¹³⁷. Все эти факты указывают на вовлеченность представителей рода Туллиев в производство и продажу шерстяных тканей. Одно из таких поместий с фуллоникой и принадлежало отцу Цицерона, вероятно, оно перешло к нему в качестве приданого при заключении брака с Гельвией¹³⁸. Весь комплекс источников показывает, что в центрах переработки шерсти многочисленные владельцы близлежащих поместий были вовлечены в процесс шерстоделательного производства так же активно, как и престарелый Катон.

§ 5. Ремесло в сельских владениях фамилии.

Таким образом, новым аспектом экономической жизни фамилии римской знати становится появление в поместье рядом с традиционным земледелием некоторых сфер ремесленной деятельности, что знаменовало возвращение ремесла в лоно сельского хозяйства. Посмотрим, что по этому поводу сообщают трактаты о сельском хозяйстве времен Республики. Хотя в трактате Варрона при описании устройства усадьбы так же, как и у Катона, нет ни слова о ремесленных помещениях, однако это не столько отражение реальной хозяйственной деятельности находящегося на вилле рабского персонала, сколько умолчание о некоторых аспектах жизни этого сельскохозяйственного организма, обусловленное самой темой трактата. Задача автора — дать максимально полное описание науки земледелия. С этой целью уже в первой книге (RR. I. 2. 11–28) Варрон дает определение земледелию, исключая те сферы (в том числе и ремесло), которые не попадают под сформулированное им понятие данного феномена: «Не всякий доход, полученный хозяином благодаря имению или даже в име-

¹³⁷ Coarelli 1996, 202.

¹³⁸ Coarelli 1996, 202–204.

нии, следует относить за счет земледелия, а только тот, который принесла засеянная земля» (пер. М.Е. Сергеевко)¹³⁹.

Впрочем, эти неземледельческие формы жизни поместья все равно прорываются на страницы трактата, поскольку они уже прочно стали необходимой частью хозяйственной деятельности *pater familias*, стремящегося извлечь из поместья максимальный доход. Об этом прямо говорится в трактате Варрона: «Ни каменоломни, однако, ни песчаные карьеры не относятся к земледелию, как не относятся к ним и глинища. Это не значит, что их не надо разрабатывать в том имении, где это удобно, и не надо получать от них дохода» (пер. М.Е. Сергеевко)¹⁴⁰. Это рассуждение отражает картину реальной хозяйственной практики владельцев вилл, сложившуюся в I в. до н.э. Домовладыка в это время помимо земледелия извлекал прибыль из всех тех форм производства, которые можно было организовать в поместье.

Как и у Катона, рабы в свободное от земледельческих работ время занимаются изготовлением несложных изделий из дерева (кольев и жердей), плетут из прутьев и тростника корзины и маты и т.д. Однако помимо этого традиционного занятия сельских жителей владельцы поместий обращаются к организации различных форм профессионального ремесленного производства в сельских владениях. Где это удобно и можно получить доход, разрабатываются глинища, песчаные карьеры и каменоломни (*figlinae, harenariae, lapidicinae*), организуется разработка рудников (*argentifodinas aut alia metalla*). Домовладыки не упускали возможность получить прибыль и от постройки при дороге гостиницы для путников¹⁴¹. Однако такие способы получения дохода были далеки от традиционно похвального труда земледельца на пашне, которым и должен был, согласно староримской морали, заниматься истинный римский гражданин.

Сложившаяся ситуация неизбежно порождала стремление как-то разрешить возникающие противоречия между нормой, диктующей прямую связь между статусом гражданина и его земледельческой деятельностью на собственном участке, и грубой реальностью, требовавшей от домовладыки получения все большей прибыли всеми

¹³⁹ Varr. RR. I. 2. 23: non enim, siquid propter agrum aut etiam in agro profectus domino, agri culturae acceptum referre debet, sed id modo quod ex satione <e> terra sit natum ad fruendum.

¹⁴⁰ Varr. RR. I. 2.23: neque lapidicinae neque harenariae ad agri culturam pertinent, sic figlinae. neque ideo non in quo agro idoneae possunt esse non exercendae, atque ex iis capiendi fructus.

¹⁴¹ Varr. RR. I. 2. 23: si ager secundum viam et op<p>ortunus viatoribus locus, aedificandae tabernae devorsoriae.

возможными способами для жизнедеятельности фамилии и поддержания своего высокого статуса. Она подталкивала владельцев villae, широко практикующих неземледельческие формы деятельности в сельскохозяйственных поместьях, приписать земледелию и другие формы хозяйственной практики. Так появилось точка зрения, обоснованная учеными-агрономами, что к земледелию относится все, что «выращивается в деревне» (*indicantur in rura*: Varr. RR. I. 2. 12), и в понятие земледельческого труда на вилле можно также включить, даже то, что «не имеет ничего общего с землей» (*res aliae diversae ab agro*: I. 2. 21). Это позволяло убедить себя и ближайшее окружение в том, что глава знатной фамилии живет в согласии с *mos maiorum* и сгладить в глазах общественного мнения различие между сложившейся в I в. до н.э. повседневной практикой и традиционной нормой, рассматривающей в качестве благородного занятия, достойного истинного гражданина, только земледельческий труд на своем участке.

У Варрона заметна последовательная ориентация на староримские ценности, что и предопределило негативное отношение автора трактата к ремесленному производству и использованию труда ремесленников в поместье, а также к излишним тратам при строительстве и отделке городской части усадьбы. В духе *mos maiorum* он порицает то, что теперь строят, сообразуясь не с урожаем, как в старину, а со своими необузданными прихотями, тратя на строительство и отделку большие средства¹⁴². И наоборот позитивно рассматривает поиск домовладыками прибыли за счет умелого хозяйствования на своих земельных угодьях и охотно дает советы на эту тему.

По Варрону, имение становится доходнее, если по соседству есть различного типа поселения (*oppida, vici*) или обширные поместья богатых людей с отлаженным хозяйством (RR. I. 16. 3: *divitum copiosi agri ac villae*), с которыми хозяин villae налаживает тесные связи: недорого покупает необходимое и продает свои излишки (RR. I. 16. 2–3). Имения весьма доходны, когда они расположены рядом с хорошими и удобными путями сообщения: дорогами или реками, по которым легко ввозить и вывозить все необходимое¹⁴³. А возили не только продукты сельскохозяйственного производства, но и изделия рабской

¹⁴² Varr. RR. I. 13. 6: *Fructuosior est certe fundus propter aedificia, si potius ad anticorum diligentiam quam ad horum luxuriam derigas aedificationem. illi enim faciebant ad fructum rationem, hi[c] faciunt ad libidines indomitas. itaque illorum villae.*

¹⁴³ Varr. RR. I. 16. 6: *eundem fundum fructuosiore faciant vecturae, si viae sunt, qua plaustra agi facile possint, aut flumina propinqua, qua navigari possit, quibus utrisque rebus evehi atque invehi ad multa praedia scimus.*

фамилии: колья, жерди или даже тростник (RR. I. 16. 3: *pedamenta, perticae, harundo*). Если по соседству есть специалисты-ремесленники, то тогда домовладыке не надо заботиться о приобретении собственных мастеровых, а выгодно для неотложных работ нанимать фуллонов, врачей и других специалистов¹⁴⁴. Но если подобных выгодных условий нет, то владельцу имения, чтобы поддержать на необходимом уровне функционирование фамильного хозяйства, приходится тратить на приобретение собственных ремесленников (*fabros*)¹⁴⁵.

Таким образом, по Варрону, сельскохозяйственное поместье живет интенсивной хозяйственной жизнью. Домовладыка вынужден в нем заниматься организацией уже не только земледельческого производства, но и необходимых отраслей ремесла, сбытом готовой продукции и любой другой деятельностью (I. 2. 22–23). Благодаря этому в I в. до н.э. крупные поместья, располагающие ремесленным персоналом, получают возможность производить различные изделия для ближайшей округи¹⁴⁶. Деятельность одного искусного ремесленника (*artifex*) могла составлять основной доход поместья, а его гибель сразу оставить владельца без прибыли¹⁴⁷.

К приобретению ремесленников и расширению ремесленной деятельности, как в городе, так и в сельскохозяйственных владениях подталкивала и сама логика хозяйственной жизни фамилии как единого хозяйственного организма, где между городской и деревенской частями имущества домовладыки поддерживались устойчивые экономические связи. Переработкой сырья занимались не только в поместьях. Поступая вместе с продуктами питания в город, оно традиционно с древнейших времен перерабатывалось и там. В начальный период римской истории этим занимались женщины фамилии в процессе приготовления пищи, изготовления одежд и т.п. (Plin. NH. 107; Col. XII. pr.; Ovid. Fast. II. 742–747; Liv. I. 57. 9). Такая переработка сельскохозяйственного сырья была еще более интенсивной в период расцвета древнеримской экономики в эпоху Поздней республики и Ранней империи. снабжение фамилии в городе собственным зерном было само собой разумеющимся делом. А из излишков выпекали хлеб на продажу. Хлебопекарные мастерские, принадлежавшие пред-

¹⁴⁴ Varr. RR. I. 16. 4: *in hoc genus coloni potius anniversarios habent vicinos, quibus imperent, medicos, fullones, fabros, quam in villa suos habeant.*

¹⁴⁵ Varr. RR. I. 16. 4: *si enim a fundo longius absunt oppida aut vici, fabros parant, quos habeant in villa, sic ceteros necessarios artifices.*

¹⁴⁶ См.: Сергеев 1963, 14.

¹⁴⁷ Varr. RR. I. 16. 4: *non numquam unius artificis mors tollit fundi fructum.*

ставителям знатных фамилий, как правило, использовали в качестве сырья зерно, поступавшее из поместий.

Наиболее информативны в этом плане источники эпохи Принципата. О крупных партиях зерна сообщают надписи из помпейских домов, где проживали знатные фамилии (CIL IV. 8019; 4811). А изображение амуров за различными работами на фресках из дома Веттиев в Помпеях традиционно трактуется историками как отражение соответствующих форм деятельности проживавшей там фамилии¹⁴⁸. Очевидно, что ремесленные мастерские в Помпеях обеспечивались сырьем напрямую из поместий¹⁴⁹. Об этом же свидетельствует и саркофаг Валериана (I в. н.э.) из Латеранского музея, где слева и справа от фигуры хозяина изображены сцены работ в поместье от посева до уборки зерна, а затем доставка его на повозках в город и выпечка хлеба. Тримальхион также получает со своих полей все, в том числе и зерно, которое идет в переработку (Petr. Sat. 38; 47).

Интересно сообщение Варрона, что у землевладельцев недавно вошло в моду изготовление оград, сделанных каменщиком (*fabrile*) из обожженного кирпича (RR. I. 14. 4). А это уже указывает, что к массовому производству этого строительного материала подключились и сельские фиглины. Однако надо признать, что клейма этого времени не содержат информации о керамическом производстве в сельских владениях знати, и кроме краткого упоминания Варрона прямых сведений на этот счет для I в. до н.э. в нашем распоряжении практически нет. Да и вообще судить о степени развития гончарного производства в рамках фамилии или вне ее пределов для всех видов керамических изделий этого времени весьма сложно, так как клейма наносились не всегда и не на всю продукцию. К тому же штемпели никогда не были единообразными, что ставит перед исследователями массу проблем и затрудняет определение социального статуса работника, реконструкцию масштабов, характера и форм организации производственного процесса¹⁵⁰.

Сказанное в полной мере относится к клеймам на керамической таре (амфорах и долях), кирпичах и черепице, которые могли бы дать основные сведения по нашей теме. Кроме того, у каждого вида гончарных изделий были свои особенности в нанесении и характере

¹⁴⁸ Rostovtzeff 1929, 216–217.

¹⁴⁹ Более подробно об экономической жизни фамилий в Помпеях см.: Ляпустин 1983, 59–80; 2008, 253–265.

¹⁵⁰ Подробнее об этом на примере столовой посуды см.: Русси 1993, 74.

шампов. Так, например, клейма на кирпичах, которые потоком массово изготавливали в формах, никогда не содержали имени работника, создававшего данное изделие. Поэтому если керамический штемпель с одним именем на посуде с большей или меньшей степенью вероятности мог быть подписью мастера, создавшего ей форму, то имя, упомянутое в оттиске на кирпиче, принадлежало главе предприятия, который не принимал физического участия в самом производстве. За ним, следовательно, стояли все работники, кто участвовал в этом процессе, от землекопа в глиняном карьере до мастера обжига¹⁵¹.

Однако в этом многообразии форм, размеров, степени информативности и способов нанесения клейм можно выделить некоторые общие тенденции их эволюции в период наивысшего развития экономики античного Рима во II в. до н.э. — II в.н.э., когда рабовладельческая вилла утвердилась как ведущий тип хозяйства и породила более или менее тесную связь между сельскохозяйственной деятельностью и неземледельческими формами производства в поместье¹⁵². Самые ранние штампы на черепицах и керамической таре эпохи Поздней республики, как правило, содержат одно имя или вообще помет, переданный в сокращении. Типичным примером могут служить встречающееся на амфорах три буквы SES, передававшие в сокращении родовое имя Сестиев. Как по аббревиатуре, так и по родовому имени с когноменом определить местоположение мастерской невозможно, впрочем, как и непосредственного мастера.

В I в. н.э. на кирпичах появляется слово «figlinae», а затем и слово «praedia»¹⁵³. Причем, как показали исследования Хелен, получившие поддержку других специалистов, figlinae и praedia оказались взаимозаменяемыми и обозначали сельскохозяйственные владения¹⁵⁴. Более подробную информацию с указанием не только названия имени, но и имен владельца и ремесленника (dominus и officinator) и даже титулов домовладыки и консульской даты содержат уже клейма II в. н.э.¹⁵⁵. Такая информативность массовых штампов I–II вв. н.э. и дала основание Ф. Де Мартино утверждать, что появление гончарно-

¹⁵¹ Helen 1975, 47–48.

¹⁵² Di Porto 1984, 3235.

¹⁵³ Helen 1975, 31–36, 38; Setälä 1977, 9.

¹⁵⁴ Helen 1975, 37–62; Setälä, 1977, 9–10.

¹⁵⁵ Блестящий образец анализа многострочного клейма эпохи Антонинов, изготовленного в мастерской сенатора, см.: Alföldy 1977, 217–221.

го производства на сельской вилле относится только ко времени Империи¹⁵⁶.

Хотя эпоха Поздней республики и дает исследователям более чем скудные сведения о гончарном производстве в поместье, тем не менее точка зрения Де Мартино в настоящее время скорректирована, и начало изготовления керамической тары в сельских имениях относят к более раннему времени. Обширные исследования городской и сельской территории в Италии, а также изучение груза, поднятого археологами с античных торговых судов, потерпевших кораблекрушение в Средиземном море, позволили сделать важные выводы о высоком уровне развития виноградарства и виноделия в итальянских поместьях в это время. Весь комплекс источников убедительно свидетельствует, что Италия в середине II – I вв. до н.э. превращается в важный центр производства, потребления и экспорта вина¹⁵⁷. Развитие виноделия в свою очередь привело к вовлечению отдельных представителей римской знати в заморскую торговлю.

По подсчетам А.Черния, во времена расцвета итальянского экспорта виноградники Апеннинского полуострова поставляли в Галлию 120 000–150 000 гектолитров вина в год. На протяжении почти века активной торговли, по мнению исследователя, в Галлию могло быть завезено около 55–65 млн. штук амфор типа Dressel 1, изготавливавшихся в этот период¹⁵⁸. В этих условиях в ряде винодельческих хозяйств неизбежно произошел переход к организации гончарного производства в первую очередь для создания тары для транспортировки продукции. Однако мы не можем получить полного представления о том, кто и в каких объемах изготавливал керамические сосуды для хранения и продажи вина, так как на амфорах типа Dressel 1, производившихся в этот период, штампы наносились лишь на некоторые изделия. А сменившие их амфоры Dressel 2–4 не имели клейм. Поэтому несмотря на большое количество итальянской керамики, открытой археологами в Галлии, имена изготовителей удалось обнаружить лишь на немногих сосудах.

Наиболее богатый материал о времени возникновения и формах развития ремесленного производства в поместьях римской знати, а также о связи владельцев вилл с морской торговлей дают многочис-

¹⁵⁶ De Martino 1979, 311–313.

¹⁵⁷ Nicolet 1988a, 62–63.

¹⁵⁸ Tchernia 1986, 86–87.

ленные эпиграфические и археологические источники, отражающие хозяйственную жизнь фамилии Сестиев.

Род Сестиев достаточно хорошо известен в истории Рима¹⁵⁹. Больше всего данных сохранилось о Публии Сестии, который активно участвовал в политической жизни Рима и стал заметной фигурой среди римской элиты. Он был близок Цицерону, который неоднократно упоминал о нем в письмах и трактатах¹⁶⁰. Публий Сестий родился около 95 г. до н.э., был квестором в 63 г., народным трибуном в 57 г., претором в 54 или 50 г., промагистратом в Киликии с 49 по 48 г.¹⁶¹ Его отец Луций Сестий занимал должность народного трибуна в период между восстанием Сатурнина и Союзнической войной, т.е. между 100 и 90 гг. до н.э., но выше в политической карьере не поднялся¹⁶². Сын Публия Сестия, Луций Публий, родился в 73 г. до н.э. Он был ярким сторонником республики и примкнул к убийцам Цезаря, за что попал в проскрипционные списки, но был прощен. Август, относившийся к нему с уважением, в 23 г. до н.э. возвел Луция Публия в консулы¹⁶³.

Первые амфоры с клеймами из мастерской Сестиев датируются концом II – началом I в. до н.э.¹⁶⁴ По классификации археологов они относятся к типу Dressel 1. Штемпели владельцев мастерских ставились на горлышко амфор и содержали буквы SES, SEST. Аббревиатура часто дополнялась различными знаками: якорем, пальмовой ветвью, короной и др. Данные амфоры Сестиев получили довольно широкое распространение в Средиземноморье. Большое количество амфор со штемпелями этой знатной фамилии были найдены археологами в Италии, а также за ее пределами: в Испании, Франции и Швейцарии¹⁶⁵. Кроме того, два клейма были найдены в Афинах¹⁶⁶. Наибольшее количество находок амфор для вина с маркой Сестиев приходится на Галлию, что свидетельствует о длительном массовом сбыте вина в этом регионе, организованном главой фамилии. Обнаружение в 1952 г. затонувшего возле Марселя (Grand Congloué) корабля с более 1700 амфорами, на горлах которых были клейма SES, стало

¹⁵⁹ См.: Münzer 1923, 1884–1891.

¹⁶⁰ *Cic. ad Att.* III. 17. 1; XV. 29. 1; *ad fam.* V. 6; XIII. 8.1; *Cat.* I. 21, etc.

¹⁶¹ Münzer 1923, 1886–1890 (n. 6); D'Arms 1981, 56.

¹⁶² Münzer 1923, 1884 (n. 2).

¹⁶³ Münzer 1923, 1885 (n. 3).

¹⁶⁴ D'Arms 1981, 56; fig. 8.

¹⁶⁵ См. Tchernia 1986, 401, carte 6.

¹⁶⁶ Tchernia 1986, 163.

важным доказательством активной торговой деятельности фамилии Сестиев в этой области Средиземноморья. Найденные под Марселем амфоры Сестиев типа Dressel 1 датируются начальным периодом экономической экспансии этой фамилии в Галлии: концом II – первой четвертью I в. до н.э.¹⁶⁷

В дополнение к этому, возле руин античного порта Козы археологи сделали еще одно важное открытие, обнаружив скопление более 80 амфор с клеймами рода Сестиев, включавших буквы и эмблемы. Дж. Д'Армс отмечает, что это была самая большая их концентрация на суше, что резко контрастирует с находками в других местах, где количество таких штампов не превышало шести. Причем собранные возле порта амфоры не были просмолены и еще ни разу не использовались в качестве тары. Все эти факты явно указывали на их изготовление где-то поблизости от портового города¹⁶⁸.

Как раз под Козой находились земельные владения Публия Сестия: в 44 г. до н.э. в письме к Аттику Цицерон одобряет, что тот договорился о чем-то с «козанцем»¹⁶⁹ (то есть с Публием Сестием). Именно так предлагает понимать фразу Дж. Д'Армс, сопоставляя ее с упоминанием Публия Сестия, возвращавшегося из имения у Козы, в другом письме к Аттику, написанном в те же дни¹⁷⁰. Возникла возможность попытаться найти поместье этой знатной фамилии, оставившей многочисленные свидетельства активной сельскохозяйственной и ремесленной деятельности по всему Средиземноморью. В 70-е годы прошлого века Американская академия в Риме и итальянские археологи совместно провели детальное изучение римской колонии Козы и всего *ager Cosanus*, и эти работы дали богатейший материал по экономической истории этого района¹⁷¹.

Коза находилась на тирренском побережье Италии в Этрурии, в 140 км к северо-западу от Рима и располагала прекрасной гаванью. Римляне основали там колонию в 273 г. до н.э. Сельская территория Козы (*ager Cosanus*) имела форму неправильного четырехугольника, простираясь примерно на 100 км вдоль побережья и на 80 км вглубь полуострова. Там было обнаружено несколько десятков поместий, возникших в разное время с различными по размерам и убранству

¹⁶⁷ D'Arms 1981, 56–57.

¹⁶⁸ D'Arms 1981, 57.

¹⁶⁹ *Cic. ad Att. XV, 29.1: quod cum Cosano egisti, optime.*

¹⁷⁰ *Cic. ad Att. XV, 27.1: ...ad Sestium... non enim ego tam illum exspectare dum de Cosano redirect debui...* См.: D'Arms 1981, 55–56.

¹⁷¹ См.: Brown 1980; Carandini, Settis 1979; Carandini 1988.

виллами, которые отражали социальный статус и размеры богатства их владельцев. Первые владения римлян тут появились в III в. до н.э., когда плодородная долина возле Козы была поделена для колонистов на небольшие участки. Однако небольшие крестьянские участки просуществовали недолго и постепенно стали исчезать. На их месте складывались более крупные хозяйства. А к концу I в. до н.э. активно функционировало уже лишь несколько крупных имений, из которых единицы просуществовали до III в.н.э.¹⁷² Как показал археологический материал, наивысший расцвет поместного хозяйства и производство вина в поместьях на агер Cosanus приходится на время между серединой I в. до н.э. и серединой I в. н.э.¹⁷³

Археологи условно разделили все исследованные виллы на четыре категории: А, В, С и D. Самых больших и роскошных вилл категории А, которые, несомненно, принадлежали римской знати, было всего пять¹⁷⁴. Одна из них и должна была быть родовым имением Сестиев. Изучение находок позволило исследователям идентифицировать как владение Сестиев виллу Settefinestre. Все строения этой усадьбы были тщательно раскопаны, а находки досконально изучены¹⁷⁵. По мнению исследователей, вилла возникла и начала функционировать в первые десятилетия I в. до н.э.¹⁷⁶

Основателем поместья под Козой мог быть Луций Сестий, отец Публия, политическая карьера которого закончилась после трибуната и который после этого с головой ушел в хозяйственную деятельность. Именно он создал доходное поместье, одной из сфер производства которого было изготовление вина, а также керамической тары для его транспортировки на продажу в Италии и западном Средиземноморье¹⁷⁷.

Вилла Сеттефинестре была раскопана в 3 км от Козы на невысоком холме. Комплекс строений располагался компактно и в плане имел прямоугольную форму¹⁷⁸. В центре находились роскошные апартаменты, предназначенные для удобного проживания и времяпрепровождения владельца поместья (*villa urbana*). А со всех сторон к

¹⁷² Greene 1986, 91.

¹⁷³ Tchernia 1986, 161.

¹⁷⁴ Greene 1986, 107, fig. 45.

¹⁷⁵ Carandini, Settis 1979; Carandini 1988, 109□224.

¹⁷⁶ Carandini, Settis 1979, 89.

¹⁷⁷ D'Arms 1981, 59. А. Карандини связывает масштабные строительные работы на вилле с Публием Сестием и его сыном Луцием (Carandini 1988, 127).

¹⁷⁸ Greene 1986, 91□92, fig. 34.

хозяйской вилле примыкали различные строения, так или иначе связанные с сельскохозяйственной деятельностью (*villa rustica*). Здесь находился сельский двор с помещениями разных размеров, использовавшихся как для хранения сельскохозяйственной продукции и инвентаря, так и для переработки собранного урожая, а также обнесенные стеной два садовых участка и небольшой внутренний дворик. Несколько поодаль напротив внутреннего двора и строений *villa rustica* на склоне холма располагалось обширное, многоульное в плане огороженное место, вероятно предназначавшееся для содержания какой-то живности (*pastio villatica*) и цистерны для воды.

Наибольший интерес представляют постройки, непосредственно примыкавшие к господскому дому с севера, где располагалось различное оборудование для переработки выращенного урожая: две площадки с давяльнями для винограда, с которых сок стекал в емкости, устроенные в подвале виллы. Рядом располагались пресс для оливок, мельница, а также бассейны и колодец¹⁷⁹. Помещения для переработки урожая и господские апартаменты были связаны проходами с внутренним двором, где находились небольшие комнатки, по всей вероятности, служившие жильем для рабов¹⁸⁰.

Раскопанные строения виллы и открытое оборудование показывают, что поместье прежде всего специализировалось на выращивании винограда и производстве вина. Собственно, вилла Сеттефинестре дает единственный пример винодельческой виллы, тщательно раскопанной за пределами окрестностей Помпей¹⁸¹. Но, кроме того, здесь были представлены и другие отрасли сельскохозяйственного производства. В поместье выращивали оливки и зерновые культуры, занимались разведением скота или птицы при вилле (*pastio villatica*). Таким образом, перед нами предстает типичное римское поместье средних размеров с интенсивным сельскохозяйственным производством и высоким уровнем товарности, где представлены практически все сельскохозяйственные отрасли, а одна или две из них ориентированы на рынок. Этот тип сельского владения уже был весьма досконально исследован и описан в научной литературе на основе самого широкого ряда источников¹⁸².

¹⁷⁹ Grenée 1986, 91, fig. 35.

¹⁸⁰ Grenée 1986, 91.

¹⁸¹ Tchernia 1986, 112.

¹⁸² См.: Кузищин 1973, 53–132.

Вилла Сеттефинестре была одним из многочисленных поместий в последний век Республики, ориентированных на производство вина, которое в значительной мере шло на экспорт в Галлию¹⁸³. И это, по мнению исследователя, не кажется невероятным. Только район Козы предположительно производил 50 000 гектолитров вина¹⁸⁴.

Большие объемы производства и экспорта вина требовали огромного количества керамической тары, изготовление которой и наладили Сестии в своем имении в Сеттефинестре. Именно из козанского поместья происходят амфоры, которые были найдены на затонувшем возле Марселя корабле и которые имели массовое распространение в Галлии до середины I в. до н.э.¹⁸⁵ Но гончары Сестиев производили винные амфоры не только для покрытия собственных потребностей. Их керамическую тару использовали и другие домовладыки, располагавшие земельными владениями в данном регионе и организовавшие интенсивное виноградарское производство, ориентированное на экспорт. На это указывают находки с затонувшего под Марселем корабля. В некоторых амфорах, изготовленных в поместье Сестиев, были обнаружены пробки с печатью L.Titius C.F. (Луций Тиций сын Гая)¹⁸⁶. Это указывает на то, что керамическую тару из мастерских Сестиев использовали для транспортировки в Галлию вина из поместья Тициев. О присутствии в Козе в республиканскую эпоху рода Тициев, наверняка имевших земельные владения на *ager Cosanus*, свидетельствует надпись с именем Titia L.F.¹⁸⁷ Обнаруженные в складском помещении возле порта Козы неосмоленные и ни разу не использовавшиеся амфоры явно предназначались для продажи в другие виноградарские хозяйства ближайшей округи, что дополнительно указывает на широкую практику производства керамической тары в объемах, превышающих собственные потребности. Не боясь ошибиться, можно предположить, что гончарное производство в сельском имении Сестиев в этот период достигло весьма внушительных масштабов.

Керамическое производство в фиглинах фамилии Сестиев успешно развивалось весь республиканский период и продолжилось в эпоху принципата. Помимо амфор, ремесленники изготавливали и

¹⁸³ Greene 1986, 93.

¹⁸⁴ Greene 1986, 87.

¹⁸⁵ Tchernia 1986, 161.

¹⁸⁶ Di Porto 1984, 3236.

¹⁸⁷ CIL XI. 2630: Тиция, дочь Луция. Подробнее об этом роде в Козе см.: Manacorda 1981, 48□50.

другую продукцию, пользовавшуюся спросом в округе: черепицу, кирпичи, посуду. Так, на одной черепице из Луни обнаружено клеймо с именем Л. Сестия Квиринала (сына Публия Сестия), консула 23 г. до н.э.¹⁸⁸ А от эпохи Империи дошли клейма рода Сестиев на арретинской посуде из Аррецо¹⁸⁹.

Производство вина и керамической продукции, поставленное на широкую ногу, и активные торговые связи требовали регулярного присутствия главы фамилии в процветающем хозяйстве и контроля за его деятельностью. Можно предположить, что, отойдя от политических дел, бывший трибун Луций Сестий все свои силы посвятил организации в фамильном имении в Этрурии высокодоходного производства. Там же, по-видимому, частенько бывал (по крайней мере, не было больших проблем добраться до Козы из Рима) и продолжатель дела отца Публий Сестий. Именно в поместье встречался с ним Атик. А вот с личным контролем торговых операций в провинциях было сложнее. Тем не менее, по сообщению Цицерона, Публий Сестий дважды посетил Галлию. Первый раз он со своей второй женой Корнелией (свадьба состоялась в 83 г. до н.э.) посетил в Массилии тестя, Луция Сципиона Азиатского, который жил там в изгнании (Cic. Sest. 7). Второй раз он побывал там в 58 г. до н.э., когда встречался с Цезарем, чтобы убедить того вернуть Цицерона из изгнания (ibid. 71). Наверняка Публий Сестий решал там не только деловые, но и хозяйственные вопросы, связанные с транспортировкой и сбытом своего вина в провинции.

Активная торговая деятельность в Средиземноморье требовала решения проблемы транспортировки вина в заморские провинции. Прямых свидетельств, как это было организовано в начале I в. до н.э., у нас нет. Можно только предположить, что затонувший под Массилией корабль принадлежал Сестиям. По крайней мере в середине этого столетия они владели морскими судами: в одном из писем к Аттику в 44 г. до н.э. Цицерон сообщает о наличии у Сестия отличных кораблей¹⁹⁰.

Приведенные выше свидетельства указывают, что ремесленные работы в поместье домовладыки не следует противопоставлять деятельности мастеров в его городских владениях и относить их к раз-

¹⁸⁸ CIL XV. 1445: L. Sestius P.F. Alb(anus?) Quirinalis; Setälä 1977, 41. Tchernia 1986, 162. Д'Армс (D'Arms 1981, 59) предлагает вместо Albanius читать Albanianus.

¹⁸⁹ Münzer 1923, 1883.

¹⁹⁰ Cic. ad Att. XVI. 4. 4: suntque navigia praeterea luculenta Sesti.

ным отраслям экономики, как это представлялось на основе прилагаемого ко всем эпохам постулата, что при расцвете товарно-денежных отношений ремесло отделяется от сельского хозяйства и сосредотачивается в городе¹⁹¹. Наоборот, ремесленная деятельность фамилии в городе и деревне — это составные части единого хозяйственного комплекса, находящегося в руках *pater familias*, обеспечивающего домовладыку и его фамилию всем необходимым, а также приносящего доход. О неразрывности ремесла и сельскохозяйственного производства свидетельствует то, что римские юристы включали ремесленников в состав инвентаря имения (Dig. 33. 7. 12. 5).

Римская фамилия на рубеже двух эпох, Республики и Империи, превратилась в сложившуюся производственную единицу, где органично дополняли друг друга сельскохозяйственное производство и ремесленная деятельность, обеспечивая домовладыку и достаточный доход, и сохранение в незыблемости устоев. И то и другое было необходимым условием принадлежности к высшим социальным группам в древнеримском обществе с характерным для него тесным переплетением политических и экономических аспектов.

Профессиональное ремесленное производство, сложившееся в рамках фамилии, как в городе, так и в деревне предстает явлением противоречивым. С одной стороны, после произошедшего в римской городской общине отделения ремесла от земледелия шло дальнейшее динамичное развитие и углубление данного процесса, в котором активно участвовали и рабы с пекулием. Они открывали новые мастерские, увеличивая количество произведенного товара, и вместе со свободными ремесленниками, совершенствуя навыки и приемы в трудовой деятельности, поднимали профессиональное мастерство на более высокий уровень. А с другой стороны, в одной из основных ячеек древнего Рима, фамилии, в эпоху Поздней республики шел обратный процесс соединения ремесла и сельского хозяйства в рамках единого хозяйственного организма, но уже на новом, более высоком уровне и в оптимальных формах.

Это было новое явление в древнеримской экономике — постоянно углубляющееся и дающее о себе знать в различных формах противостояния семейного и общинного производства, которое в эпоху Империи вылилось в острый конфликт между ними¹⁹². Рост могуще-

¹⁹¹ Кузищин 1973, 89.

¹⁹² О противопоставлении семейного и общинного ремесла в эпоху Империи см.: Ляпустин 1992, 65–67.

ства фамилии как самостоятельного хозяйственного организма, покашло его складывание, удавалось успешно нейтрализовывать в общинных структурах. Противопоставление общине своего образа жизни и деятельности, что пошло еще со времен Сципиона, легко отвергалось обществом и воспринималось лишь в плоскости морально-этической проблемы. Но в эпоху Поздней республики и Ранней империи давление семейного производства стало уже ощущаться как бремя, изменяющее экономическую, политическую, идеологическую и социальную систему. Это противоборство двух основных сфер производства – семейного и общинного – было только частью более глубокого противоречия между семьей и общиной, которое, как представляется, и было той пружиной, которая двигала вперед экономическое развитие древнеримского общества¹⁹³.

§6. Заморские провинции и фамилия: место *magister navis* в структуре римской фамилии.

Завоевание Римом новых территорий дало толчок бурному развитию форм хозяйственной жизни и экономической деятельности у всех слоев римского общества. Е.М. Штаерман отмечала, что знатные и незнатные римляне наживались на торговле, ростовщичестве, подрядах, откупках, войне, различных политических и экономических махинациях в провинциях¹⁹⁴.

Наибольшую выгоду из этой деятельности сумели извлечь представители знатных и богатых фамилий. Уже во II в. до н. э. Катон Старший вкладывал средства в заморские торговые экспедиции, приносившие огромный доход. Сам нобиль напрямую в них не участвовал, а делал это через преданное доверенное лицо – отпущенника Квинктиона (*Plut. Cato mai.* 21). С этого времени торговые агенты знатных римлян устремляются не только на завоеванные земли, но и на отдаленные территории, не входившие в состав римской державы.

Богатый материал в этом плане дают нам в частности дунайские провинции. Исследовавшая процесс романизации этих территорий

¹⁹³ Эта сложная проблема требует дополнительного исследования, затрагивающего различные стороны жизни древнеримского общества. Здесь лишь заметим, что выделение противоречия между полисом и рынком в качестве основного (как у М. Финли и Г.А. Кошеленко) вызывает сомнения в силу отсутствия членения экономики на самостоятельные отрасли (промышленность и сельское хозяйство), подобные современным, и наличия многочисленных производственных ячеек различного типа, где порой происходило слияние различных отраслей.

¹⁹⁴ Штаерман 1964, 21.

Ю.К. Колосовская обратила внимание на многочисленные надписи с помен Барбиев¹⁹⁵. Как показал А. Домашевский, они принадлежали отпущенникам торговцев из Аквилей, обосновавшихся в важнейших городах дунайских провинций¹⁹⁶. Представители этого рода, который вначале был землевладельческим и вел свое происхождение из Средней Италии, сыграли немалую роль в колонизации Аквилей, а затем и в экономическом освоении Норика, где Барбии и их отпущенники, занимавшиеся преимущественно торговлей и ремесленной деятельностью, появились еще при Сулле¹⁹⁷. А пик их активности приходится на эпоху Принципата.

Широко в этот регион проникали и отпущенники рода Цезерниев, происходящего из Северной Италии. Например, Тит Цезерний Януарий, отпущенник Тита, сеvir Эмоны (совр. Любляна, куда в 14 г. Тиберий вывел колонию ветеранов паннонских легионов), соорудил себе и своим близким при жизни надгробный памятник (CIL III. 3850). Тит Цезерний Дифил из Аквилей, отпущенник Цезернии Ассулы, тоже был сеvиром Эмоны. Луций Цезерний Примитив и его жена Оллия Примилла в своих завещаниях оставили по легатам 200 денариев четырем декуриям коллегии ремесленников (CIL III. 3893). Вполне вероятно, что они представляли интересы своих патронов и в конечном счете способствовали их экономическому процветанию. Не исключено, что в том числе и благодаря активной деятельности отпущенников Цезернии достигли большого социального подъема: Тит Цезерний Стаций Квинкий Македон в середине I в. н.э. входил в *ordo* всадников и при Домициане был прокуратором Верхней Мезии, а при Траяне прокуратором Мавретании Цезарейской¹⁹⁸, а его сыновья Тит Цезерний Стаций Квинкий Македон Квинкциан и Тит Цезерний Стаций Квинкий Стациан Меммий Макрин были уже сенаторами и консулами в 141–142 гг. (ILS 1068, 1069; CIL V. 866)¹⁹⁹.

Возрастание роли римских фамилий в торгово-ремесленной деятельности напрямую или через своих отпущенников и торговых агентов неизбежно вело к изменению состава городской части в фамилии, усложнению ее структуры и появлению новых черт в ее экономической жизни. В частности, расширение сбыта различных товаров и

¹⁹⁵ Колосовская 1972, 59; 1977, 153–155.

¹⁹⁶ Domaszewski 1902, 159–160.

¹⁹⁷ Колосовская 2000, 164; Panciera 1957, 95–99; Piccottini 1977, 298–299; Vettters 1977, 333; Wilkes 1996, 583.

¹⁹⁸ Pflaum 1960, 159–160; Колосовская 1972, 59.

¹⁹⁹ Pflaum 1960, p. 159–160; Groag 1897, 1310.

сельскохозяйственной продукции в римских провинциях вызвало потребность в собственных судах для заморской торговли. А это в свою очередь привело помимо увеличения числа рабов-ремесленников и торговых агентов, осуществлявших свою деятельность на основе пекулия, полученного от домовладыки, к появлению среди представителей рабской администрации в фамилии также и фигуры магистра, выступавшая начальником на корабле.

Magister navis появляется на исторической арене в рамках римской фамилии практически в то же самое время, что и magister pecoris – в период Поздней республики, и затем его активная деятельность прослеживается в эпоху Принципата. Но, конечно, сфера деятельности magister navis отличалась от работы magister pecoris. В исторической науке нет единого взгляда на эту фигуру, и исследователи порой кардинально расходятся в определении ее функций. Одни видят в magister navis капитана корабля²⁰⁰, другие считают его своеобразным «менеджером» эпохи античности²⁰¹.

Эти расхождения обусловлены отрывочным и противоречивым характером информации источников относительно данной персоны. Наиболее важным для раскрытия проблемы, по мнению всех исследователей, является отражение сферы деятельности magister navis в источниках римского права: Институциях Гая (Gai. 4. 71) и Дигестах Юстиниана (кн. XIV). Здесь во главу угла поставлены формы заключавшихся magister navis сделок и ответственность по ним хозяина корабля, а какие-либо иные функции не упоминаются. Но иного отражения сферы деятельности в правовых источниках ожидать и не приходится.

Совершенно другим предстает magister navis в художественной литературе, и прежде всего в поэзии у авторов конца Республики – начала Империи. По-видимому, магистр корабля был весьма колоритной и довольно часто мелькавшей на улицах портовых городов фигурой. У Горация, обличавшего падение нравов в римском обществе, где были осквернены браки, magister navis изображен как персона, непосредственно связанная с этой вульгарной жизнью: распутная матрона, получая щедрую плату за продажную любовь, спешит ублажить магистра корабля, который после многодневного плавания из Испании сошел на берег с немалыми деньгами (Hor. Carm. III. 6. 31).

²⁰⁰ Wacke 1994, 298–303; Aubert 1999, 163–164; Földi 1995, 1–9; Krzynomew 2000, 200–217.

²⁰¹ Moschetti 1964, 50–113; Дурново 2004b, 38–45.

Прощание Марциала с другом Флавом, отправляющимся в далекую Испанию, грубо прерывает бранью магистр корабля, который торопит замешкавшихся пассажиров (Mart. X. 104. 16). Здесь у поэтов на первое место выходит низкий социальный статус старшего на корабле, вероятно капитана, и связанные с этим грубость, вульгарное поведение и безнравственный образ жизни.

У Вергилия, Овидия и Сенеки *magister navis* подается уже в другой жанрово-стилевой форме, в различных сюжетах на мифологические темы. Магистр корабля выведен то в образе опытного кормчего, который криками ободряет гребцов и умело ведет корабль (Verg. Aen. V. 176; Ovid. Ars. I. 6), то, напротив, в образе кормчего, который не в силах противостоять натиску бури (Verg. Aen. I. 15; Ovid. Fast. III. 589; Sen. Med. 618). Здесь сама художественная стилистика требует представить магистра именно как рулевого и старшего на корабле, от умения и опыта которого зависит жизнь команды и пассажиров. У данных авторов в художественных образах представлены, как правило, наиболее яркие, но отнюдь не главные черты *magister navis*.

Более реалистично магистра корабля освещает историческая проза. В сочинениях Цезаря (BC. II. 43. 1), Тита Ливия (43. 8. 7) и Лукана (Phars. II. 696), описываются суровые события военного времени и участие в них флота. Естественно, для персоны, занятой заключением сделок, места в этих сценах нет. В этих сюжетах перед нами, несомненно, капитаны судов. По-видимому, термин *magister navis* вообще первоначально являлся военным, обозначавшим капитана корабля²⁰². В художественной литературе, где свидетельства отрывочны и расплывчаты, *magister navis* предстает капитаном, который зачастую имеет свободный статус. Здесь налицо явное противоречие с юридическими источниками.

Но все-таки восстанавливать функции *magister navis*, не принимая в расчет свидетельства литературных источников, как это делают некоторые исследователи римского права²⁰³, не стоит. В художественной литературе отображена лишь та грань профессиональной деятельности, которая требовалась для раскрытия образа. И литературные, и юридические источники в совокупности показывали многогранность функций, выполнявшихся *magister navis*, функций, требовавших опыта и знаний самого различного характера.

²⁰² Földi 1995, 4.

²⁰³ См., например: Дурново 2004b, 39–40, 44.

Однако для нашей темы наиболее важными являются юридические источники, и прежде всего XIV книга Дигест и Институции Гая, где приведены соответствующие преторские иски. Первое, что является для нас значимым, это то, что здесь фигурирует не только *pater familias*, который может назначать магистром корабля находящихся под его властью сына или раба (*pater dominusve filium servumve magistrum navi praeposuerit* – Gai. 4. 71), но и хозяин корабля, *exercitor*, руководивший магистром корабля и получавший от него ежедневный доход (*exercitor vocatur is ad quem cottidianus navis questus pervenit*). Таким образом, в данной сфере хозяйственной деятельности не только существует связка *pater familias* – *magister navis*, но и возникающие условия для создания трехступенчатой системы соподчинения в структуре римской фамилии: 1) домовладыка, владелец всей собственности фамилии; 2) подчиняющийся домовладыке хозяин корабля, *exercitor*; 3) магистр корабля, выполняющий приказания того, кто его назначил.

По мнению юристов (Dig. 14. 1. 1. 1), *magister navis* – это тот, кому поручалась забота обо всем корабле (*cura mandata est*). А под заботой о корабле, несомненно, понимался весь набор многообразных функций, которые прослеживаются по литературным и юридическим источникам, о чем говорилось выше. И во многом это зависело от того, какое судно было передано для управления магистром. А под кораблем римские юристы подразумевали и морское судно, и речное, и судно, плавающее по озеру, и плот (14. 1. 1. 6).

Но наиболее типичной, в первую очередь привлекавшей внимание юристов, как об этом прямо заявляет Ульпиан (14. 1. 1. pr.), представлялась деятельность магистра корабля, занятого морскими перевозками. Впрочем, в литературных источниках магистр корабля также предстает связанным с заморскими перевозками. Таким образом, магистр для выполнения своих функций по большей части (по крайней мере на морском и речном судах) должен был подолгу находиться вдали от домовладыки и даже от непосредственного хозяина корабля. В этом плане положение *magister navis* во многом схоже с положением *magister pecoris*.

Поэтому в первую очередь встает вопрос о функциях, формах деятельности, ответственности магистра корабля перед хозяином и о формах возможного контроля за деятельностью магистра корабля в римской фамилии со стороны домовладыки. По нашему мнению, спор о том, был ли магистр корабля, подвластный домовладыке, ка-

питаном или он занимался заключением договоров, не имеет однозначного решения. Важными факторами, влиявшими на набор функций, являлись размер корабля и его предназначение. Уже упоминавшаяся выше фраза Ульпиана (Dig. 14. 1. 1. 6) указывает, что вряд ли функции магистра на морском корабле и на плоту, плавающему по озеру, могли быть одинаковы. Да и речные суда не располагали большим пространством, как это показывает знаменитое изображение из Кельна небольшого корабля, груженного бочками. Все места на этом суденышке заняты грузом и гребцами, и лишь на корме примостился магистр, которому подчинялась команда моряков. Места для дополнительных лиц из числа управленческого аппарата на таких баркасах просто не было. Выгоднее было поручить одному человеку отвечать и за управление кораблем, и за доставку груза по адресу.

Впрочем юристы сообщают, что иногда на корабль назначалось сразу несколько магистров, каждый со своей сферой деятельности, полученной от домовладыки (*praepositio* – Dig. 14. 1. 1. 13–14). И среди них, несомненно, был капитан, ибо без него не могло быть безопасного плавания и доставки пассажиров и грузов по месту назначения. Но если есть грузы и пассажиры, на перевозку которых заключен контракт, то магистр корабля должен был выполнять и функции торгового агента. Таким образом, попытка увидеть в магистре либо капитана, либо управляющего слишком уязвима. Представляется, что наиболее близко подошел к римским реалиям А. Гуарино, который, используя правовые и художественные источники, отметил, что магистр корабля чаще всего вынужден был выполнять и технические функции капитана, и управленческо-коммерческие функции торгового агента²⁰⁴.

Но так как юристы разбирают только ситуации, связанные с конфликтами по сделкам магистра, то в правовых источниках мы видим эту персону лишь как управляющего. И это естественно, так как частное право в древнем Риме было правом семьи с регулированием отношений главы фамилии к имуществу и подвластным лицам²⁰⁵. А технические функции капитана по управлению кораблем в эту сферу не входят. Таким образом, наиболее полно мы можем восстановить деятельность магистра корабля в рамках римской фамилии только в этом аспекте.

²⁰⁴ Guarino 1965, 36–37.

²⁰⁵ Франчози 2004, 128.

Как торговый агент данный магистр корабля вступал в различные формы сделок в рамках, очерченных в предписании (*praepositio*) хозяином корабля. Возникавшие по поводу деятельности магистра корабля конфликты разрешались на основе преторского иска (*actio exercitoria*), по которому господину вчинялся иск на полное удовлетворение (*in solidum* – Gai. 4. 71). Иск этот несколько отличался от широко распространенного иска по поводу деятельности приказчика лавки или таверны (*actio institoria*).

Формула *institoria* имела место тогда, когда *pater familias* поручал управление таверной, входившей в его имущество, или каким-либо промыслом своему сыну или рабу, или кому-либо постороннему, будь то раб или свободный (*quis tabernae aut cuilibet negotiationi filium servumve aut quemlibet extraneum, sive servum sive liberum*), и они заключали договоры только в рамках того дела, на которое и были поставлены. Этот иск назывался *institoria*, потому что тот, кого назначали управлять таверной, назывался *institor*. Формулой такого иска также предусматривалась ответственность *pater familias* в полном объеме, *in solidum* (Gai. 4. 71).

Другой преторский иск – *actio exercitoria* – назывался так потому, что хозяин судна, назначивший магистром корабля постороннее лицо (либо раба, либо свободного) и к которому поступали все доходы и прибыль от корабля, назывался *exercitor* (Gai. 4. 71; Dig. 14. 1. 1. 15). Особенности этого иска разъясняет Ульпиан (Dig. 14. 1. 1. 19–20). При такой организации управления кораблем доходы поступали от магистра не напрямую к *pater familias*, а к хозяину судна, а сам *exercitor*, т.е. хозяин корабля, мог оказаться лицом, подвластным *pater familias*, – сыном или рабом. В таком случае по сделкам, заключенным магистром корабля, все равно отвечал глава семейства, поскольку подвластное лицо держало корабль по воле домовладыки. Здесь принципиального различия с *actio institoria* нет. Но тогда надо установить, зачем претор ввел два различных иска по поводу ответственности домовладыки?

В первую очередь это было связано с отличием организации деятельности в таверне и на корабле. Инститор в таверне всегда имел указания (*praepositio*) и вывешенные предписания (*proscriptio*), четко регламентировавшие деятельность институтора и доступные для любого посетителя. Поэтому в таверне существовали строго регламентированные, устойчивые, предсказуемые и, самое главное, легко кон-

тролируемые домовладыкой формы деятельности подвластного ему инститора.

Магистру корабля также давалось указание (*praepositio*). Но вот устойчивых, предсказуемых условий его деятельности на корабле, находящемся в дальнем плавании среди все время меняющейся ситуации, не было. А самое главное, эффективного постоянного контроля и действенного принуждения по отношению к магистру корабля домовладыке было добиться довольно трудно. Кроме того, трехчленная система соподчинения создавала для главы семейства определенные трудности. И они значительно множились, если дело касалось не плота, плавающего по озеру под надзором *pater familias*, а торгового судна, отправлявшегося в длительное заморское плавание.

Magister navis своей самостоятельностью уподоблялся *magister pecoris*. Но проблем для домовладыки он мог создать неизмеримо больше. Ведь у главы пастухов не было ни средств, ни возможности вести активную предпринимательскую деятельность, а для магистра корабля открывались широкие возможности без всяких указаний домовладыки самостоятельно пуститься в рискованные, но сулящие большой доход торговые операции. В то же время глава фамилии не имел действенных рычагов, чтобы непрерывно контролировать и удерживать в установленных рамках магистра корабля, если тот сам по своей воле не соблюдал выданных ему предписаний. Понятно, что домовладыка не мог нести одинаковой ответственности за действия инститора в лавке и за магистра корабля.

Важный дополнительный аргумент, подкрепляющий выводы об особенностях положения магистра корабля в рамках фамилии и его деятельности, дает понимание причин применения в разбираемых исках таких юридических понятий, как осведомленность (*scientia*) и волеизъявление (*voluntas*)²⁰⁶. Это наиболее ясно видно при сопоставлении ответственности господина по сделкам раба, заведующего таберной, и магистра корабля. По сделкам, совершенным рабом, торгующим товарами в таберне, которая являлась его пекулием, господин отвечал в большинстве случаев по *actio tributoria*. Одним из условий вчинения этого иска была *scientia domini*, т.е. осведомленность госпо-

²⁰⁶ Мы здесь не будем касаться дискуссионной проблемы о нюансах понимания содержания терминов «*scientia*» и «*voluntas*», которая требует отдельного рассмотрения и имеет обширную юридическую литературу (Chiusi 1993, 342; Földi 1998, 188; Krzyńówek 2000, 142; Pugliese 1985, 342; Wacke 1994, 300; Дурново 2005, 165–166).

дина о сделках, заключаемых рабом. А наличие или отсутствие волеизъявления господина (*voluntas*) значения не имело.

Это напрямую контрастирует с *actio exercitoria*. Главным для римских юристов при определении объема (полного или нет) ответственности домовладыки было выяснить, заключил ли магистр корабля сделку по воле господина (*voluntas domini*) или же имела место лишь осведомленность последнего (*scientia domini*). Ульпиан ссылается на Помпония, согласно которому, если магистр корабля являлся подвластным лицом и совершал сделки по волеизъявлению господина, то домовладыка нес ответственность в полном объеме, а если *pater familias* был лишь осведомлен об этом, то отвечал лишь в объеме пекулия (*si sit in aliena potestate, si quidem voluntate gerat, in solidum eum obligari, si minus, in peculium* – Dig. XIV. 1. 1. 20), который существовал отдельно от счетов господина.

Эту точку зрения на весомость непосредственного волеизъявления домовладыки по искам, связанным с магистром корабля, подтверждают и слова Павла: «Если раб эксплуатирует корабль не по воле господина, то если господин осведомлен об этом, дается квазитрибуторный иск, а если он не знает, то иск о пекулии» (*Si servus non voluntate domini navem exercuerit, si sciente eo, quasitributoria, si ignorante, de peculio actio dabitur* – Dig. 14. 1. 6 pr.).

Точно такую же роль играло наличие *voluntas* и в следующей ситуации. Если подвластный сын имел пекулий и по его воле раб из состава этого пекулия эксплуатировал корабль (*si tamen servus peculiaris volente filio familias in cuius peculio erat... navem exercuit*), то по сделкам такого раба сам сын должен был нести ответственность в полном объеме, а домовладыка, который не давал своего волеизъявления, – отвечать лишь в объеме пекулия по соответствующему иску (*pater dominusve, qui voluntatem non accomodavit, dumtaxat de peculio tenebitur* – Dig. 14. 1. 1. 22). Одна лишь осведомленность домовладыки без прямого его волеизъявления (*scientia sola et nuda*) исключала для него ответственность *in solidum* по обязательству, заключенному подвластным (Dig. 14. 1. 1. 20).

Таким образом, непосредственное волеизъявление домовладыки относительно сферы деятельности магистра корабля было решающим аргументом при установлении его ответственности по соответствующим искам в полном объеме²⁰⁷.

²⁰⁷ В контексте всего сказанного представляется сомнительным предположение, что слова Помпония (Dig. 14. 1. 1. 20) об ответственности домовладыки в полном объеме по

Весь рассмотренный нами материал показывает, что различные иски (*actio exercitoria* и *actio institoria*) вчинялись не только потому, что различны были объекты и форма деятельности подвластных, заключавших сделки. Главное, что деятельность инститора и магистра корабля не позволяла домовладыке одинаково управлять семейной собственностью и осуществлять равно эффективный контроль за ними. Это обуславливало различие в ответственности, наступавшей для *pater familias* в случае причинения подвластными лицами ущерба их контрагентам.

Для римских юристов было ясно, что невозможно одинаково оценивать поведение главы фамилии по отношению к инститору и магистру корабля. Одно дело, когда подвластный инститор действовал под боком у домовладыки и его легко было поставить в предписанные рамки (для домовладыки уже одного знания, что его *graepositio* нарушается, было достаточно, чтобы принять жесткие меры к подвластному лицу). И другое – когда магистр корабля находился за многие сотни миль от своего господина и возможность воздействия на него силами *pater familias* фактически равнялась нулю. Ответственность в наибольшем объеме господин нес только тогда, когда действия магистра корабля, причинившие ущерб, совершались непосредственно по его приказу.

Фигуры *magister navis* и *magister pecoris* своей деятельностью в римской фамилии во многом схожи. Их объединяет то, что они свидетельствовали о выходе богатых и знатных фамилий за пределы своих традиционных территориальных рамок и открытие нового пространства для хозяйственной деятельности домовладыки. Старший пастух своим появлением демонстрировал выход фамилии вслед за *civitas* на просторы Италии, что давало получение значительно более высоких доходов, а старший на корабле – дальнейшее проникновение фамилии на новые территории и превращение фамилии в новый, разбросанный по провинциям организм, что открывало возможность получения огромной прибыли от заморской торговли.

Итак, фигуры *magister pecoris* и *magister navis* позволяют нам лучше понять одну из сторон хозяйственной жизни римской фамилии. *Magister pecoris* и *magister navis* стали новым элементом в структуре фамилии господина, появившимся в процессе экономического развития в эпоху Поздней республики и Принципата. Своей деятель-

сделкам, заключенным подвластным магистром корабля, являются искажением или были высказаны по другому поводу (ср.: Дурново 2005, 164).

ностью они наглядно показывают, как фамилия переросла узкие территориальные рамки семейно-родовой общины. Возглавляемые ими секторы хозяйственной жизни фамилии представляли весьма удаленную и постоянно находившуюся в движении часть собственности домовладыки. Юридически они пребывали под властью *pater familias*. Однако вследствие их удаленности и возникавшей благодаря этому хозяйственной самостоятельности эффективно контролировать деятельность магистра пастухов и магистра корабля главе фамилии было непросто. И зачастую они находились за пределами реальной власти *pater familias*.

Впрочем магистр пастухов из-за отсутствия у него возможностей для совершения значительных торгово-денежных операций и малой распространенности массового отгонного скотоводства не мог нанести значительного ущерба каким-либо контрагентам. С магистром корабля дело обстояло сложнее. Его персона также свидетельствовала о существенном усложнении хозяйственной жизни фамилии, деятельность которой теперь с целью получения новых доходов распространялась даже на заморские территории. Это вызвало и усложнение в системе управления имуществом фамилии, что выразилось в появлении трех- и даже четырехступенчатой системы подчинения магистра корабля. С одной стороны, его предпринимательская деятельность сулила получение домовладыкой невиданных ранее размеров прибыли. Но с другой – утрачивалась возможность эффективного контроля за ним. А вместе с этим возрастал и риск. Ущерб контрагентам самостоятельно промышлявшим недобросовестным магистром мог быть нанесен огромный, что грозило разорением фамилиям и господина и контрагентов. И государство должно было на эту ситуацию реагировать. Одним из механизмов защиты имущества домовладыки и стала интерпретация юристами преторских исков, учитывавшая невозможность для *pater familias* реально контролировать заключение всех сделок, совершаемых магистром корабля, что не возвращало потерянный контроль главы фамилии, но хотя бы защищало имущество домовладыки.

Этот выход римской фамилии вместе с появившимся магистром корабля и за пределы Италии на просторы Империи вел к потере непрерывного и эффективный контроля домовладыки над членами фамилии и их торгово-финансовыми операциями. Данный феномен стал наглядным свидетельством расширения и углубления того аспекта кризиса знатной римской фамилии в хозяйственной сфере, ко-

торый был открыт деятельностью, олицетворяемой магистром пастухов.

Описанные особенности организации разросшегося хозяйства богатых семей, когда отдельные ее части находятся на значительном удалении от *pater familias*, выпадая из сферы его контроля, свидетельствуют о сложившейся проблеме контроля за эффективным и полным получением дохода. Порой недобросовестные агенты и полные злоупотреблениями или рискованными сделками могли не только лишить господина прибыли, но и причинить значительный ущерб. А между тем участие в политической жизни требовало немалых средств. Поэтому в эпоху Поздней республики нобили часто сталкиваются с острой нехваткой денег. Как показывает переписка Цицерона, и сам он, и его брат Квинт постоянно нуждались в наличных деньгах и были озабочены их поисками. Наиболее полно решить возникающие проблемы позволяли крупные финансовые операции, и провинции открывали для знатных семей простор для деятельности в этой сфере, которая, однако, оказалась сосредоточена преимущественно в руках всадников²⁰⁸.

Самыми доходными были откупа, которые приносили огромные барыши. Одной из наиболее ярких фигур здесь предстает Гай Рабирий Постум, сколотивший на этом огромное состояние. Он вовлекал в сферу своей деятельности близких ему людей, в том числе из числа сенаторов. Однако занятие откупами в высших сферах Рима считалось делом предосудительным, и далеко не все даже из числа всадников участвовали в них²⁰⁹. Но даже те, кто был щепетил, как Тит Помпоний Атик, который никогда не принимал участия в откупах²¹⁰, тем не менее благодаря различным финансовым операциям в провинциях могли сколотить крупное состояние. Атик основной территорией своей деятельности избрал Эпир, но его должники находились и в Македонии, и на Делосе, и в Эфесе. И Атик и Рабирий Постум регулярно занимались тем, что давали деньги под проценты городским общинам и народам, а Рабирий Постум даже предоставил огромный заем царю Египта Птолемею Авлету. В этих операциях всадники использовали не только свои собственные средства, но и деньги своих

²⁰⁸ Nicolet 1974a, 357–375.

²⁰⁹ Nicolet 1974a, 343.

²¹⁰ *Nep. Att.* 6, 3: *ad hastam publicam numquam accessit. Nullius rei neque praes neque manceps factus est.*

друзей, в том числе сенаторов и даже наместников провинций, как проконсула Сирии Авла Габиния²¹¹.

Осуществление столь масштабных финансовых операций было невозможно без доверенных лиц, которые должны были быть преданными и честными, и поэтому их не могло быть много, как правило, один-два. Из переписки Цицерона известно, что его поверенным в финансовых делах был Клувий, у его брата Квинта – Эгнаций²¹², а у Аттика – Гай Весторий²¹³. Как убедительно показал Ж. Андро, этих финансистов аристократии следует отличать от профессиональных денежных дельцов, ростовщиков и менял (*argentarii*, *coactores argentarii*), которые принадлежали к более низким социальным слоям, оперировали гораздо меньшими суммами, да и сама сфера их деятельности ограничивалась узко локальными рамками²¹⁴, тогда как финансовые дела знати предполагали оборот значительных денежных средств и перемещение денег и людей между городами Италии и даже разными провинциями. Поэтому все такие операции римская знать проводила при участии посредников своего уровня.

В разнообразных делах приходилось прибегать и к помощи отпущенников. Однако те нередко использовали имя знатного патрона в своих корыстных интересах, и дискредитируя патрона, и просто лишая его ожидаемого дохода. Таким предстает счетовод (*ratiocinator*) Гилар, отпущенник Цицерона и клиент Аттика. В письме, адресованном Аттику в Афины, Цицерон просил друга разузнать на месте все о непорядочной деятельности «подлинного негодяя» Гилара, расследовать, подробно разобрать дело и устранить «этого бездельника» (*nebulonem illum*) из тех дел, где есть возможность (*Cic. Ad Att. I. 12, 2*). Этот эпизод интересен тем, что показывает, насколько сенаторам, непрерывно связанным с политическими делами в Риме и находящимся по большей части в Италии, выкраивая время лишь на посещение своих поместий, было трудно вникать в текущие финансовые операции и эффективно контролировать их ход. В подавляющем большинстве случаев для этого предпочтительным было бы их личное присутствие.

²¹¹ О Рабии Постуме и его делах см.: Nicolet 1974b, 1000–1002; D'Arms 1981, 27–28, nt. 44; Andreau 2001, 75–76.

²¹² L. Egnatius Rufus, римский всадник (Nicolet 1974b, 866–868; Andreau 1987, 700–701).

²¹³ О Клувии и Вестории из Путеол см.: Andreau 1987, 692; 2001, 52, 117–118.

²¹⁴ Andreau 1987, 663–664.

При заключении наиболее важных сделок Аттик предпочитал присутствовать лично, не доверяя их своим агентам. Это видно из писем Цицерона, который, находясь в 51–50 гг. до н.э в Азии, чем мог, помогал Аттику в его финансовой деятельности: например, во время одной из сделок он рекомендовал наместнику Минуцию Терму доверенных лиц Аттика – отпущенника Филогена и Сея (Cic. Ad Att. V. 13. 1). Но Аттик не доверил это дело прокуратору и доверенным лицам и принял решение лично присутствовать на сделке в Азии. Такое поведение ни Цицерон, ни другие сенаторы позволить себе не могли, и в заключении сделок за пределами Италии могли участвовать лишь спорадически. Только у всадников для такой деятельности были развязаны руки. Но, в свою очередь, занятие крупными денежными операциями не оставляло им места для активного и постоянного участия в политической деятельности в Риме.

Таким образом, провинции с их возможностью получения огромных богатств за счет финансово-денежных операций становятся одним из факторов, которые делили римскую элиту по образу жизни и поведению. Нобили основную часть времени неизбежно посвящали политической деятельности, а представители всадничества с головой погружались в финансово-экономические операции на территории провинций.

Это проявляется в своеобразном парадоксе, который переживает римская элита в конце Республики. Активное участие в политике, борьба и конфликты требовали от них значительных денежных расходов, а как раз наличных средств большинству из них постоянно и не хватало. Из-за общественных трат беднели даже некоторые семьи нобилитета²¹⁵, богатство которых «легко и часто» съедала политическая деятельность²¹⁶.

А от фамильной собственности нельзя было получить достаточно средств для выполнения гражданских обязанностей. Оказывается, социально-экономическая основа древнеримского общества – фамилия, которая обусловила расцвет римского государства, в конце Республики уже не могла обеспечить стабильную политическую деятельность римской знати. Собственно, это не что иное, как проявление черт кризиса знатной римской фамилии, которая вслед за *civitas* не только вышла за свои традиционные территориальные рамки, но и вместе с ней вступила в полосу кризиса.

²¹⁵ Трухина 1986, 42.

²¹⁶ Гревс 1896, 306.

§ 7. Новое в хозяйственной практике Цицерона

На фоне весьма подробно и всесторонне исследованной активной политической деятельности знатных фамилий в эпоху Поздней республики, сопряженной с созданием союзов и выработкой совместной стратегии в политической жизни, которые уже давно стали объектом пристального внимания историков, экономические связи между фамилиями римской элиты не получили должного освещения. Во многом данная ситуация обусловлена фрагментарностью источниковой базы по экономике античного Рима, когда лакуны не позволяют проследить сколько-нибудь породолжительные по времени устойчивые хозяйственные связи и ведут к построению лишь гипотетичных и весьма условных конструкций.

В этом отношении жизнь Цицерона и его общение с родными и близкими составляют счастливое исключение. Благодаря богатому эпистолярному наследию мы можем увидеть самые различные аспекты функционирования знатной римской фамилии и деловые контакты Марка Туллия Цицерона с родственниками и друзьями. При этом частная переписка знаменитого оратора и политического деятеля отражает совершенно иную сторону хозяйственной жизни фамилии, нежели содержащиеся в трактатах Катона и Варрона о сельском хозяйстве рекомендации о том, как собственнику поместья надлежит наилучшим образом распорядиться находящимися в его распоряжении угодьями и организовать на них производственный процесс. У Цицерона мы не найдем расчета рабочей силы или советов по организации производственного процесса в имении. Поэтому неслучайно выводы исследователей о количестве и типах поместий знаменитого оратора, их размерах, формах организации труда на них, степени доходности оказались противоречивыми и содержали весьма большую долю условности²¹⁷. С большим разбросом определялась и численность его рабской фамилии²¹⁸. Но зато литературное наследие содержит уникальную информацию о том, каков был механизм принятия решений

²¹⁷ См. об этом Кузицин 1976, 77–100, где приведена обширная историография по данной проблеме.

²¹⁸ Так, В.И. Кузицин (1976, 97) предположил, что Цицерон владел 3–5 тыс. югеров земли. Отталкиваясь от этой цифры Н.М. Елизарова, опираясь на нормы по обработке земли у римских агрономов и не учитывая, что значительную часть владений составляли пригородные поместья, в свою очередь определила численность персонала на его виллах до 180–300 рабов (Елизарова 1983, 89).

главой знатной римской фамилии в экономической сфере, формы контроля и условия их реализации.

Переписка Цицерона содержит обширные сведения о его взаимоотношениях в самых различных областях жизни прежде всего с его братом Квинтом и одним из ближайших друзей – Аттиком. Она позволяет выяснить мотивацию поведения римского аристократа, а также степень и формы участия наиболее близких людей в принятии решений в хозяйственной и финансовой сфере и, наконец, соотношение между индивидуальными интересами и интересами круга родственников и круга друзей. Для этого сначала уделим внимание практическому поведению Цицерона в хозяйственной и сфере. А затем рассмотрим, насколько оно отражает общепринятую практику знатных и богатых семей и вписывается в общие процессы экономического развития древнего Рима.

В эпистолярном наследии Цицерона отразилась одна из важных особенностей повседневно-бытовой, хозяйственной и политической сфер жизни античного гражданина, а именно: его включенность в различные контактные группы. Эти объединения представляли в самых различных формах, и для элиты они выступали, прежде всего, в сообществах друзей. Микроколлективы в древнем Риме «переполняли общественную действительность и как бы составляли ее плоть»²¹⁹. Это проистекало из того, что коллегияльность и складывающиеся на этой основе сообщества и содружества были в Риме «социально-психологической потребностью, универсальной стихией существования, которую постоянно и многообразно источали из себя социально-экономические и политико-идеологические условия жизни общества»²²⁰. В рамках этих контактных микрогрупп принимались все важнейшие решения. Г.С. Кнабе подчеркивал, что «ни один римлянин не предпринимал сколько-нибудь серьезного шага, как в домашних делах, так и в политике без совещания с “друзьями”»²²¹. Обычно в первую очередь советовались с близкими и дальними родственниками, земляками, близкими по образу жизни и мысли соратниками и даже доверенными клиентами и вольноотпущенниками. Эпистолярное наследие Цицерона предоставляет нам уникальную возможность глубже проникнуть в этот пласт повседневной жизни древнеримского общества.

²¹⁹ Кнабе 1988, 14.

²²⁰ Кнабе 1986, 139.

²²¹ Кнабе 1988, 14.

Как показывает переписка Цицерона, принятию решений в хозяйственной деятельности всегда предшествовало обсуждение своих планов с ближайшими доверенными друзьями и родственниками. Так, братья Туллии Цицероны после возвращения Марка из изгнания в конце 57 г. до н.э. предварительно обсуждали, какими должны стать их дома на Палатине, разрушенные сторонниками Клодия. Марк с удовлетворением сообщал в письме брату, что дом для него (Квинта) получается даже лучше, чем это представлялось ранее, когда создавали проект²²². Он хвалит в письме брата за осмотрительность и за то, что он не спешит с покупкой подгородного имения, но все же советует его приобрести²²³. Для него оказывается невероятным то, что решение о покупке подгородного имения Квинт принял с Титом Аницием, отнюдь не с самым близким и доверенным человеком, не обсудив предварительно вопрос со старшим братом. И Марк в письме настойчиво просит поделиться планами насчет усадьбы под Римом²²⁴. Круг их общих интересов широк. Так, помимо хозяйственных вопросов Квинт советуется с Марком и насчет планов пребывания у Цезаря в Галлии (Q. fr. III. 1. 9; 1. 17; 6. 1 и др.).

Различные вопросы Цицерон обсуждает и с Аттиком. И для того и другого важно мнение близкого друга и поддержка принятого решения. На это указывают строки из различных писем: «Ты одобряешь мое решение насчет Хрисиппа»,²²⁵ «ведь ты просишь написать тебе, что мне кажется»²²⁶; «извещай меня самым подробным образом, о том, что ты делаешь, где ты, в каком положении твои дела»²²⁷ (пер. В.О. Горенштейна). Цицерон и Аттик постоянно обмениваются самой различной информацией, извещают о ходе дел и принятых решениях.

Активное участие Марка Цицерона в делах брата проявлялось и в других формах. Помимо само-собой разумеющегося совместного обсуждения всех проблем Марк прежде всего подробно информирует брата, который находится за пределами Италии, об экономической

²²² Cic. Q. fr. II. 6(5). 3: *domus erit egregia magis enim cerni iam poterat quam quantum ex forma iudicabamus.*

²²³ Cic. Q. fr. III. 4.5: *de suburbano quod non properas laudo, ut habeas hortor.*

²²⁴ Cic. Q. fr. III. 1. 23□24: *velut hoc: T. Anicius mihi saepe iam dixit sese tibi suburbanum si quod invenisset non dubitaturum esse emere. in eius sermone ego utrumque soleo admirari, et te de suburbano emendo cum ad illum scribas non modo ad me non scribere sed etiam aliam in sententiam [de suburbano] scribere... (24) de suburbano cura ut sciam quid velis.*

²²⁵ Cic. Att. VII. 5. 3: *de Chrysippo, meum consilium probari tibi...*

²²⁶ Cic. Att. XII. 28. 3: *rogas enim me ut tibi scribam quid mihi videatur.*

²²⁷ Cic. Att. I. 14. 7: *tu quid agas, ubi sis, cuius modi istae res sint, fac me quam diligentissime certiorum.*

жизни и финансовых делах его фамилии. Так, в период отсутствия брата в Риме Марк постоянно наблюдает за ходом работ по восстановлению домов обоих братьев на Палатине и регулярно сообщает младшему брату, который в это время находился на Сардинии, о всех изменениях²²⁸. Кроме того, он в курсе дел о сдаче в аренду дома Квинта в Каринах (на римской улице между холмами Целием и Эсквилином) и положительно отзываясь о поселившихся жильцах Ламиях²²⁹. Во всех этих эпизодах Марк Туллий Цицерон фактически выступает «оком брата» в его владениях.

Этой же цели служат его инспекционные поездки по сельским имениям Квинта, пока тот по служебным делам находится за пределами Италии. Старший брат неоднократно посещает его поместья в Арпине и аркскую усадьбу, которая принадлежала еще их отцу (Cic. Q. Fr. II. 5. 4; III. 1. 1; 3; 4–5), и проверяет качество работ по строительству дороги и проведению воды в поместье, а также осматривает небольшую постройку вилика и дает ей оценку.

Такие же отношения были выстроены с Публием Сестием. В письмах Цицерон советуется со своим другом не только относительно политических событий, но и обсуждает текущие хозяйственные дела. Так, он обсуждал планы покупки дома Красса и, ободренный позитивным отношением Публия к этому шагу, приобрел особняк за 3 500 000 сестерциев²³⁰. В свою очередь, когда Публий Сестий в качестве проквестора находился в Македонии, Цицерон проявляет заботу о его доме и постройках и в письме в провинцию информировал друга об их состоянии²³¹.

Но осмотром семейного имущества брата и друзей и информированием их о состоянии дел Цицерон не ограничивался. Марк в отсутствие Квинта мог принимать решения за брата. Сначала он распорядился приостановить строительство аркской усадьбы (Q. fr. II. 5. 4), пока Квинт не вернулся в Рим. Затем, после его нового отъезда из Италии, на этот раз к Цезарю в Галлию, старший брат вновь берет под свой контроль ход строительства в имениях. В аркской усадьбе

²²⁸ Cic. Q. fr. III. 1. 6: urbanam expolitionem... ipse crebro intervivo, quod est facile factu. quam ob rem ea te cura liberatum volo. Об этом см. также: II. 2. 2; 4. 2; III. 1. 14.

²²⁹ Cic. Q. fr. II. 3. 7: tuam in Carinis mundi habitatores Lamiae conduxerunt.

²³⁰ Cic. Fam. V. 6. 2: Ego tua gratulatione commotus, quod ad me pridem scripseras velle te bene <e>venire quod de Crasso domum emissem, emi eam ipsam domum XXXV aliquanto post tuam gratulationem.

²³¹ Cic. Fam. V. 6. 3: Domum tuam atque aedificationem omnem perspexi et vehementer probavi.

он проинспектировал постройку водного канала. А в соседней Манилиевой усадьбе Марк осмотрел незавершенные термы, галерею и птичий садок (*balnearia et ambulationem et aviarium*), одобрил величественный мощный портик, украсивший усадьбу (*villa mihi valde placuit propterea quod summam dignitatem pavimentata porticus habebat*) и остался доволен качеством каменных полов (*pavimenta recte fieri videbantur*. Q. fr. III. 1.1).

Случалось, что Цицерон вмешивался в ход работ и отдавал распоряжения переделать то, что ему не понравилось. Он приказал переделывать некоторые сводчатые потолки (Q. fr. III. 1. 1: *cameras quasdam non probavi mutarique iussi*), а также велел архитектору Дифилу сломать и заново возвести косо поставленные колонны (III. 1. 2: *columnas neque rectas neque e regione Diphilus collocarat; eas scilicet demolietur*). Внес некоторые изменения в планировку бани (III. 1. 2: *in balneariis assa in alterum apodyteri angulum promovi*). Он отдавал распоряжения и по ремонту городских домов, поторапливая строителей (II. 5. 3) и в ряде других случаев. С. Питтия, специально рассмотревшая, в какой степени Марк вмешивался в дела брата, отметила, что граница между ролью информатора, управлявшего текущими делами отсутствующего брата и принятием за Квинта решений, которые входят в компетенцию главы фамилии, оказывается весьма зыбкой²³². Однако к этому следует добавить, что переходил он ее только при определенных условиях: принятие решений в хозяйственных делах за брата совершалось только после того, как проблема уже была предварительно обсуждена и Квинт вынес свое решение. Поэтому все распоряжения Марка в отсутствие брата касались только вопросов всесторонней и оптимальной реализации замысла домовладыки или контроля качества работ. А как только возникала еще не обсужденная проблема, Марк предпочитал ничего не предпринимать и приостанавливал строительство до приезда брата²³³. Как отметила С. Питтия, с клиентами брата Марк в этих ситуациях вел себя как патрон²³⁴.

Участие в управлении имуществом брата, где значительное место занимает принятие решений в рамках семейного хозяйства Квинта, составляет основную часть в совместных действиях Марка. Причины этого вмешательства помимо объективно складывавшихся обстоятельств во время отсутствия Квинта в Риме, поистекают и из

²³² Pittia 2004, 27.

²³³ Cic. Q. Fr. II. 5. 4: *aedificationem Arcani ad tuum adventum sustentari placebat*.

²³⁴ Pittia 2004, 34.

чувств родства братьев и основанных на этом близких отношений. Во время разлуки, утешая младшего брата, он пишет Квинту, что тоскует по нему не только как по брату. Марк его считает и добрым товарищем, и сыном, выказывающим уважение, и мудрым, как отец²³⁵. Контекст письма указывает, что Марк считает, что Квинт к нему относится точно так же. Кроме того, Марка вообще уверен, что у него больше опыта и он лучше брата разбирается в архитектурном убранстве зданий и устройстве поместья (Q. fr. III. 1. 3: *equidem hoc quod melius intellego adfirmo*).

Кроме того, помимо управления имуществом брата, когда тот отсутствует в Риме, Марк принимает периодически участие и в финансовых операциях. Так, он совершает для Квинта, видимо на аукционе, покупку за 101000 сестерциев имения у Фуфидия в Арпине в последний торговый день (Q. fr. III. 1. 3). Самостоятельное решение, которое Марк принял быстро и в одиночку, пока Квинт находился в Галлии, по мнению С. Питтия²³⁶, прежде всего связано с аукционной продажей, когда времени на согласование не было. И, возможно, соседнее имение покупалось с целью провести воду, а потом продать, чтобы не быть связанным с сервитутом. Продажа поместья после этих мероприятий позволила бы выручить потраченные деньги²³⁷. Причем о возможности принятия решения о продаже Марк сообщает во множественном числе (*si vendere vellemus*), от имени себя и брата. Контекст письма позволяет предположить, что предварительные разговоры о необходимости приобретения этого поместья для Квинта в общих чертах велись. По крайней мере, Цицерон оставляет за братом окончательное решение о дальнейшей судьбе имения²³⁸.

Пока брат по государственным делам находился за пределами Рима, Марк уплачивает подрядчику деньги в счет произведенных работ (Q. fr. II. 4. 2). Активно лоббирует в сенате выгодную для Квинта компенсацию трат за наместничество в Азии в денариях. И, получив деньги, выплачивает долг брата Антонию и Цепиону согласно пись-

²³⁵ Cic. Q. fr. I. 3. 3: *cum enim te desidero, fratrem solum desidero? ego vero suavitate [prope] fratrem, <aetate> prope aequalem, obsequio filium, consilio parentem. quid mihi sine te unquam aut tibi sine me iucundum fuit?*

²³⁶ Pittia 2004, 32.

²³⁷ Cic. Q. fr. III. 1. 3: *Caesius aiebat aqua dempta et eius aquae iure constituto et servitute fundo illi imposita tamen nos pretium servare posse si vendere vellemus.*

²³⁸ Cic. Q. fr. III. 1. 3: *fundum audio te nunc Bobilianum velle retinere. de eo quid videatur ipse constitues.*

менным указаниям Квинта²³⁹. Марк в курсе финансовых затруднений брата и защищал его, когда он задерживал выплату долга Аттику. В письме к другу Марк описывает плачевную ситуацию, когда у Квинта нет денег, и он не может ни потребовать денег у доверенного финансиста Эгнация, ни сделать новый заем для погашения долга²⁴⁰.

С. Питтия выделяет еще один аспект в хозяйственной деятельности братьев: когда они ведут совместные дела и сообща принимают решения, учитывая интересы друг друга²⁴¹. Финансовые дела здесь выходят на первый план, и главной проблемой для обоих братьев становится, где и как раздобыть деньги, в которых они постоянно нуждались. Примером общей прибыли стали рабы, выделенные Марку из добычи Квинта в Галлии²⁴². Такое поведение было нормой, поскольку братья постоянно заботились о возможности извлечения прибыли друг для друга. Однако в финансовых расчетах каждый отвечал сам за себя.

Этот последний аспект (рост фамилии и ее богатств) важен, так как экономика, как это уже убедительно показано в целом ряде работ, не составляла самостоятельной сферы, а была подчинена политической карьере и стратегии. И свое благосостояние нужно было достойно увеличивать. Но в то же время появляются новые элементы семейного хозяйства в различных уголках римского мира, куда *patria potestas* дотянуться не может (торговые предприятия и финансовые операции в Италии и провинциях, *magister pecoris*, *magister navis*). В этой ситуации на помощь домовладыке приходит традиционный римский институт *amicitia*. Специально исследовавший это явление в экономике К. Вербовен отмечал, что основой совместных экономических действий друзей выступали высокие моральные нормы и нравственные ценности в духе *mos maiorum*, объединяющие близких людей: благородство, щедрость, благодеяние, благодарность и ответный долг, верность, доброжелательность и любовь, достоинство²⁴³. По су-

²³⁹ *Cic. Q. fr. I. 3. 7*: sed tamen et M. Antonio quantum tu scripseras <et> Caepioni tantundem solutum est.

²⁴⁰ *Cic. Att. VII. 18. 4*. Об этом же см.: *Cic. Att. IV. 7. 2*; *X. 11. 2*.

²⁴¹ Pittia 2004, 35–39.

²⁴² *Cic. Q. fr. III. 7 (9). 4*: De mancipiis quod mihi polliceris, valde te amo et sum equidem, uti scribis, et Romae et <in> praediis infrequens. sed cave, amabo, quicquam quod ad meum commodum attineat, nisi maximo tuo commodo et maxima tua facultate, mi frater, cogitaris. См. также: Pittia 2004, 38.

²⁴³ К. Вербовен в феномен *amicitia* в экономике включает еще и отношения патроната, клиенты и даже связи с рабами (Verboven 2002, 9–70).

ществу *amicitia* выступает как система социального обмена, генерирующая различные ресурсы²⁴⁴.

Amicitia была в значительной мере связана с финансовыми операциями. С одной стороны, сложился способ вести банковские операции через доверенных лиц. Цицерон действует через Клувия из Путеол. Квинт через Эгнация, Аттик через Гая Вестория. Кроме того, в это время, как показал Ж. Андро, были и сенаторы, ссужавшие деньги в долг. По произведениям Цицерона таких представителей элиты, проводивших финансовые операции с выходцами из высших слоев общества по имени известно 25 человек²⁴⁵. Для Цицерона близким человеком, к которому известный оратор постоянно обращался за финансовой помощью, выступает прежде всего его друг, всадник Аттик. Но оба брата обращаются и к другим лицам из числа ближайшего круга знати.

Цицерон оценивает эту новую ситуацию – возможность использовать для своих целей денежные ресурсы друзей – в письме к Аттiku в январе 61 г. до н.э., когда описывает случай с покупкой своего дома и покупкой консулом Мессалой дома Автропиев за 3 000 000 сестерциев. «Какое мне дело до этого, спросишь ты? Дело в том, что и я удачно купил дом, и люди стали понимать, что допустимо пользоваться средствами друзей при покупке, которая делается для придания себе некоторого веса» (пер. В.О. Горенштейна)²⁴⁶. Таким образом, *amicitia* в дополнении к индивидуальным усилиям домовладыки выступает важным механизмом достойного приобретения семейного имущества, столь необходимого в политической карьере и поддержания высокого социального статуса.

Но возможности *amicitia* были шире. Привлекая друзей, можно было эффективнее управлять имуществом фамилии, контролировать деловых агентов, находящихся вдали от *pater familias*. Так, Марк, как уже упоминалось выше, поручает Аттiku, находящемуся в Афинах, отстранить от участия в денежных операциях счетовода вольноотпущенника Гилара, по характеристике Цицерона – подлинного негодяя²⁴⁷. Он поручает другу (*mando tibi*) разузнать все о непорядочной деятельности его клиента, расследовать и удалить «этого бездельника из тех мест, если есть возможность» (пер.

²⁴⁴ Verboven 2002, 341.

²⁴⁵ Andreau 1990, 517.

²⁴⁶ *Cic. Att. I. 13. 6.*

²⁴⁷ *Cic. Att. I. 12. 2: libertum ego habeo, sane nequam hominem, Hilarum dico, ratiocinatorem et clientem tuum.*

В.О.Горенштейна)²⁴⁸. В другом письме (Att. I. 15. 2) Цицерон просит сообщить, что Аттик выполнил из переданных ему поручений (*de meis mandatis*). В переписке Марк постоянно дает указания – закончи, удали, разужай и т.п. (Cic. Att. I. 12. 2; II. 4. 1; 6. 2; 16. 4). Эти формы помощи оформляются в виде поручения (*mandatum*). Такие договоры в конце Республики начинают играть значительную роль в экономической практике друзей²⁴⁹.

Ж. Андро, специально рассматривавший вопрос, что доминировало в экономической сфере: индивидуальные усилия, родственные связи или единство и солидарность аристократии, показал, что в финансовой деятельности сила дружбы становится сильнее силы родства. Новые отношения вытесняли традиционные поведенческие модели предков²⁵⁰. Но следует заметить, что хозяйственные и финансовые стороны отношений Марка Цицерона с его братом также показывают разрыв с традиционными формами поведения предков²⁵¹. Для глав семей до появления империи с заморскими провинциями эти формы хозяйственной практики были не нужны, им исторически не было места в римском обществе. Помощь в управлении разросшимся имуществом фамилии друзей и родственников во время длительного отсутствия домовладыки и в связи с этим расширение сферы поручений указывает на важные изменения, которые происходили в прежде замкнутой, с четко очерченными рамками фамилии. Это был объективный процесс развития хозяйства домовладыки вширь и вглубь. А это в свою очередь требовало от *pater familias* выхода на новый уровень объединения, и потребности в новых структурах связей и возможностях, которые и открывал феномен *amicitia*. По существу полноценная хозяйственная жизнь фамилии (регулярное получение материальных и финансовых средств) представителей высших слоев римского общества, которая необходима для поддержания высокого социального статуса домовладыки, была возможна только с широким привлечением помощи и ресурсов «друзей». Кроме того, опора на дружеские связи была необходима и для достижения политического успеха. И активно

²⁴⁸ Cic. Att. I. 12. 2: *totum investiga, cognosce, perspice et nebulonem illum, si quo pacto potes, ex istis locis amove.*

²⁴⁹ Verboven 2002, 237–245.

²⁵⁰ Andreau 1990, 525.

²⁵¹ В.И. Кузичин, касаясь крестьянского хозяйства, считал, что отношения взаимопомощи, описанные у Цицерона, отражают принципы традиционной крестьянской взаимопомощи (Кузичин 1973, 33).

участвовать представителям высших кругов в социальной и политической сферах жизни римского общества, опираясь, как это делали предки, на замкнутую, живущую изолированной самостоятельной хозяйственной жизнью фамилию, стало уже невозможно.

Как показал К. Вербовен, рассматривавший экономику на основе *amicitia* через либеральные рыночные модели, получение взаимовыгодных безвозмездных услуг в кругу «друзей» шло помимо рыночных отношений, построенных на платежах за услуги, и тем ограничивало их распространение. Обе экономических системы (рыночная и на основе *amicitia*) сосуществовали в эпоху Поздней республики одновременно, либо независимо, либо порой дополняя друг друга. Однако примечательно, что римская элита строила свою экономическую стратегию по большей части на основе *amicicia*²⁵². А это означает, что вызванная острой жизненной потребностью система объединения усилий и ресурсов «друзей», где отсутствовала оплата услуг через рынок, открывала еще один аспект развития римской экономики в сторону ограничения рыночных отношений и начала движения к натуральной форме хозяйствования.

Перечисленные выше факторы показывают, что традиционная форма организации хозяйственной жизни римской фамилии в эпоху Поздней республики переживала своеобразный кризис роста. На повестку дня остро встал вопрос разрушения прежней обособленности фамилии, трансформации принципов ее жизни и управления. Но реализация данной тенденции наткнулась на непреодолимую преграду, поскольку устои самого римского общества базировались на незыблемости *patria potestas* домовладыки как основы его статуса в гражданской общине, подкрепленного сакральным порядком на основе культа ларов и пенатов. Из-за этого тенденция, порожденная самим ходом развития античного Рима и настоятельно требовавшая своего разрешения, впрочем, так и не смогла быть реализована в полной мере. В хозяйственных и имущественных делах *pater familias* сохранял в конечном итоге свою самостоятельность и независимость.

Несмотря на все усилия Марка, последнее слово в принятии решений Квинт Цицерон оставляет за собой. В другом месте Марк вообще предстает разгневанным на брата, так как тот, собираясь покупать усадьбу, нашел посредника, к которому у Марка нет доверия. И вообще он недоволен тем, что не был поставлен Квинтом в

²⁵² Verboven 2002, 341, 351.

известность о предстоящей покупке, хотя постоянно получал в сфере сделок с недвижимостью поручения. Эти факты показывают, что все-таки Квинт (как и все главы римских фамилий) считает нормальным самостоятельно принимать решения, и несмотря на активное вмешательство и давление брата в экономической сфере его фамилия остается самостоятельным хозяйственным организмом. Марк вынужден был считаться с решениями брата, подчеркивая, что высоко их ценит и последовательно соблюдает, не нарушая указания Квинта.

Таким образом, переписка Цицерона позволяет нам приблизиться к пониманию жизни основного феномена римской античной цивилизации – фамилии. Или, точнее, к возможностям ее развития и объективным границам роста и трансформации. Семейное хозяйство исчерпало свой внутренний потенциал и вступило в полосу кризиса и неразрешимого конфликта. Этот кризис не был связан с падением уровня производства. Его своеобразие заключалось в другом. Фамилия в рамках сложившейся империи объективно стремилась к расширению хозяйственной деятельности, и в этих условиях решение важнейших вопросов становится эффективным за счет использования тесных связей с «друзьями». Такая практика вела к расширению внерыночных форм поведения в хозяйственной сфере и ставила на повестку дня разрушение изолированности фамилий и интеграции их в новые более сложные структуры с большим экономическим потенциалом и ресурсами. Но эта объективная экономическая потребность оказалась нереализованной, поскольку не смогла преодолеть *patria potestas*, на которой базировалась и сама фамилия с ее исполнением религиозных обрядов как сакральной основой миропорядка, и весь мир римской гражданской общины. Разрушение фамилии как основной социально-экономической ячейки и принципов, на которых она существовала, означало бы гибель самого римского общества. Создание эффективной хозяйственной ячейки шире фамилии для республиканской элиты оказалось делом невозможным, а кризис неразрешимым. Поэтому перед римским обществом вставал вопрос, как решить эту исторически назревшую проблему. Ответ на это смогла дать новая эпоха Принципата во главе с императором и его фамилией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проделанной работе, следует отметить, что данная монография рассматривается автором как логическое продолжение и развитие тех достижений в области экономической истории древнего Рима, которые были созданы отечественным антиковедением и в первую очередь нашли отражение в исследованиях таких ярких его представителей как В.И.Кузищин и Е.М.Штаерман, исследовавших древнеримскую экономику с позиций марксистской методологии. Сегодня стало ясно (что, впрочем, в конце прошлого века осознавали и упомянутые авторы), что экономика древнего Рима не может быть исследована с исчерпывающей полнотой только сквозь призму формационного подхода и рабовладельческого способа производства. Но бесспорно и то, что без учета достижений марксистской историографии всестороннее исследования своеобразия античной экономики невозможно.

Марксистский подход позволил акцентировать внимание на своеобразии античного мира и выделить основные элементы его структуры. Центральным элементом выступала античная гражданская община (полис, *civitas*), основанная на античной форме собственности. Отмечая ведущую роль античной формы собственности, Е.М.Штаерман подчеркнула, что именно она предопределяла и другие важные феномены: рабство, как основную форму эксплуатации, «и фамилию в качестве основной производственной и социальной ячейки»²⁵³. Однако, если рабство и форма собственности в рамках способа производства были исследованы с исчерпывающей полнотой, то фамилии должного внимания уделено не было. Причина заключалась в том, что исследователю трудно было выйти за жесткие методологические рамки формационного подхода. Как отметил М.А. Барг, при всей важности учета позиций классов-антагонистов в обществе и в господствующем способе производства, многие важные элементы общества и социально-экономической структуры (человек и его практическая деятельность в рамках семьи, различных коллективах и т.п.) остаются за пределами ведущих структур и не могут быть достаточно полно исследованы²⁵⁴.

Это в полной мере отразилось на истории изучения семейно-родовой организацией античного Рима – фамилии, исследование ко-

²⁵³ Штаерман 1968, 657.

²⁵⁴ Барг 1991, 29 – 32.

торой в более полном масштабе раскрывается сквозь призму цивилизационного подхода. При рассмотрении истории древнего Рима под таким углом зрения в центре внимания оказываются две основополагающие структуры: римская гражданская община и фамилия.

Римская гражданская община – *civitas* – понимается как основанная на античной форме собственности гражданская община, в которой представители высших социальных групп получили доминирующее положение над рядовыми полноправными гражданами в политической, экономической и социальной сферах.

Familia предстает как основная социально-экономическая и хозяйственно-политическая ячейка римского общества, сложившаяся в форме семейно-родовой общины, базирующейся на античной форме собственности, где *pater familias*, как полноправный член гражданской общины, отправляя семейный культ и выявляя волю богов с помощью ауспий, выступал главным и единственным представителем всех членов фамилии в мире живых и связующим звеном с миром мертвых, что давало ему отцовскую (*patria potestas*) и мужнюю (*manus*) власть над домочадцами, рабами и женой и право безраздельного распоряжения фамильной собственностью. Эта тесная и неразрывная связь политических, экономических, религиозных и властно-правовых форм деятельности домовладыки и обеспечивала устойчивое и непрерывное воспроизводство фамилии, гражданского коллектива и всего комплекса материальных и духовных основ существования древнего Рима.

Через эти два важнейших феномена античного общества раскрывается сущность основного исторического закона развития древнего Рима – неразрывное единство существования *civitas* и *familia*. *Civitas* создает базисные основы экономического, политического и культурного развития гражданского коллектива, определяет его географические границы и идеологические рамки. А в руках римского гражданина, домовладыки, *familia* выступает организмом, где протекает его повседневная жизнедеятельность, и одновременно является инструментом реализации, сохранения, воспроизводства и развития условий существования (в сложившихся рамках полиса) самого мира античного человека во всем его многообразии. Именно практическая деятельность *pater familias* в рамках римской фамилии и за ее пределами и порождает то тесное переплетение и неразрывное единство политических, экономических, религиозных и идеологических сторон

жизни античного общества, которое выступает одной из важных отличительных черт древнего Рима.

В рамках этого исторического развития *familia* вслед за *civitas* и вместе с ней последовательно проходит стадии становления развития и кризиса, сложность и противоречивость которых отчетливо прослеживаются через взгляды и судьбы конкретных представителей гражданского коллектива. Путь становления фамилии как социально-экономической ячейки древнеримского общества открыли законы XII таблиц, а завершился этот процесс на рубеже IV–III вв. до н.э., когда после целого ряда политических, социальных и культурных преобразований окончательно оформились и римская *civitas*, и *familia*. Подавляющее большинство фамильных хозяйств складывается как устойчивые, активно функционирующие крестьянские хозяйства, что позволяло значительной массе квиритов активно участвовать в жизни государства. Однако статус гражданина, регулярное участие в политической жизни и военной организации стимулировали активизацию производственного процесса и получение продукции, объем которой превышал потребности в самообеспечении. Это указывает на доминирование политики над экономикой, необходимость участия в которой и открывало тенденцию включения основной массы хозяйств граждан в товарные отношения.

Однако хозяйственная жизнь фамилии перерастает узкие рамки крестьянского хозяйства и поднимается на новую ступень и достигает расцвета, когда верхушка римского общества оформилась в *ordines* и включилась в профессиональное участие в политической и экономической деятельности. Этот расцвет олицетворяли представители римской знати, располагавшие многочисленными домами в городе и поместьями в деревне. В эпоху Поздней республики все части фамильной собственности, разбросанные по различным районам, представлялись домовладыке единым организмом вне зависимости от места расположения и форм занятий, и никакого деления на хозяйства городские и сельские еще не было.

Во II в. до н.э. римская знать в своих взглядах на экономическую деятельность еще не оторвалась от крестьянских подходов к производственной деятельности на вилле. Они в значительной мере ориентировались на нормы *mos maiorum*, когда достойными средствами для получения прибыли добропорядочным гражданином провозглашалось занятие земледелием и следование бережливости и воздержанному образу жизни в духе предков. Живым олицетворением

этого для квиритов выступал Марк Порций Катон Старший, которому, впрочем, в конце жизни из-за потребности в деньгах для поддержания своего высокого статуса пришлось заняться другими дающими более высокие прибыли формами деятельности.

Поиск денег заставил глав знатных фамилий искать новые способы извлечения прибыли. Эпоха расцвета хозяйственной жизни фамилии в I в. до н.э. характеризовалась рядом новых факторов. Главы фамилий в экономической деятельности уже стремятся к получению одновременно и дохода и удовольствия. С этой целью знать организовывала свои хозяйства по всей территории Италии, осваивала новые высокодоходные отрасли: отгонное скотоводство, разведение живности на вилле; расширяла сферы участия в ремесленном производстве в городе и сельских поместьях, активно включалась в торговые связи с заморскими территориями, осваивая неисчерпаемый потенциал завоеванных провинций. В эпоху расцвета экономической жизни знатных фамилий наиболее отчетливо проявилось своеобразие античной экономики – слияние в рамках фамилии всех отраслей сельскохозяйственного и ремесленного производства в единый хозяйственный комплекс. Разделение в сфере экономики происходит не по отраслям, как в современном обществе, а по месту организации – на семейный и общинный сектора.

На основе этого в сфере экономического развития античного Рима мы можем выделить ясно прослеживаемую закономерность: фамилия вслед за *civitas* проходит последовательно два этапа расширения своих границ, как и римское государство. Сначала главы знатных семей, приобретая виллы и пастбища, распространили семейную собственность по всей территории завоеванной Италии, а затем проникли и в заморские провинции, наполняя экономическим содержанием новые политические структуры Римского государства. Именно после колонизации всех районов Апеннинского полуострова римлянами Италия в первой половине I в. до н.э. преодолела политическую разнородность. Тесная связь политических и экономических аспектов в этих процессах приобретает новое соотношение.

Рост семейной собственности и увеличение доходов способствовало расцвету семейного хозяйства. Но новое не только вело к обогащению, но и закладывало основы будущих противоречий и конфликтов, которые и проявились в экономической жизни знатных фамилий уже в последний век Республики. Появление отгонного скотоводства во главе с магистром пастухов и доставка в провинции то-

варов, произведенных в хозяйстве фамилии, на собственных кораблях под управлением магистра корабля, породили новые конфликты. Данные сферы, с одной стороны, способны были принести значительные доходы, но, с другой стороны, эти коллективы вследствие удаленности их поля деятельности выпадали из-под реальной власти *pater familias*, что свидетельствовало об утрате эффективного контроля над подвластными лицами. А это уже предстает признаками кризиса фамилии в хозяйственной сфере.

Наибольшие доходы в это время можно было извлекать из расположенных под Римом пригородных поместий, что наглядно демонстрировали своей деятельностью всадники. Однако для политической элиты *villa suburbana* выступает прежде всего местом демонстрации своего высокого социального статуса, где римская знать проводит свой *otium* – труды в досуге. Ради получения удовольствия от интеллектуальной деятельности территория поместья обустраивалась, а вилла искусно украшалась в ущерб доходности. Однако превращение имения в место для *otium* требовало вложения огромных средств, которых элите и так постоянно не хватало для повседневной политической деятельности.

Попыткой преодоления этих проблем стало привлечение родственников и друзей к управлению разросшимся хозяйством фамилии через институт *amicitia* с широким использованием поручений в форме *mandatum*, предполагавшим получение взаимовыгодных безвозмездных услуг. А это было дополнением к уже существующей тенденции ограничения и ухода из сферы рыночных отношений, вызванной слиянием всех отраслей в рамках семейного хозяйства и доставкой значительной части продовольствия и сырья из поместий в город минуя рынок.

Однако все эти усилия по развитию семейного хозяйства и совершенствованию его управления не решали главной проблемы, остро стоявшей перед римской элитой – это постоянный недостаток в финансовых ресурсах, которые были необходимы для демонстрации высокого социального статуса и активного участия в политической жизни государства. Хозяйство фамилии знати оказалось не в состоянии дать необходимые средства в распоряжение домовладыки, а наибольшую выгоду от эксплуатации провинций получали всадники. Хозяйственно-политическая основа древнеримского общества – фамилия – уже не могла в последние десятилетия обеспечить стабильную

политическую деятельность римской знати. А это напрямую влияло на жизнь и самого римского государства.

Таким образом, в многогранных чертах кризиса хозяйственной деятельности фамилии римской знати в эпоху кризиса и падения Поздней республики, отчетливо проявилось конкретно историческое выражение универсального социологического закона неразрывности развития политических и экономических процессов в обществе. Только в древнем Риме экономический кризис протекал своеобразно и не был связан с падением уровня производства и снижением объемов производимой продукции. Он проявился в том, что семейное хозяйство исчерпало свой внутренний потенциал развития и вступило в полосу неразрешимого конфликта и кризиса, который не мог быть преодолен изнутри и требовал разрушения традиционных принципов организации экономической жизни фамилии и выход на новый уровень управления и связей, что было крайне сложно при сохранении в руках домовладыки *patria potestas*.

По-существу это был кризис роста первоначально замкнутой хозяйственной ячейки. Экономически крепкая фамилия служила залогом процветания всей римской гражданской общины, а кризис этого центрального звена обусловил неизбежность кризиса римской *civitas*, а вместе с ней и кризис всех политических республиканских институтов античного Рима. Кризис и падение Римской республики, кризис римской *civitas* и кризис экономической деятельности знатной римской фамилии были тесно взаимосвязаны между собой и шли рука об руку. Это было закономерное явление, которое должна была пережить полисная структура как в греческом мире, так и в римском.

CONCLUSION

To conclude, it should be noticed that this monograph is considered by the author as a logical continuation and the development of the achievements in the area of the economic history of the ancient Rome, that were created by the native antic science and, firstly, were reflected in investigations of its representatives as bright as V.I. Kusishin and E.M. Shtireman, who considered the history of the ancient Rome with a position of Marxist methodology. Nowadays, it is known (that, however, the authors, who were mentioned, recognized in the end of the previous century) that the economy of the ancient Rome could not be investigated totally only through the prism of formational approach and slave -owner way of production. But, it is indisputable that without the achievements of Marxism works on this historic theme general investigation of originality of ancient economy is impossible.

Marxism approach accepted to accent the attention on the originality of ancient world and detach the main elements of its structure. *Polis* and *civitas* were the central elements, they were founded on the ancient form of possession. Noticing the leading role of ancient form of possession, E.M. Stireman emphasized that it predetermined other important phenomena as the slavery as the main form of exploitation " and *familia* as the main productive and social cell." However, if the slavery and the form of possession were totally investigated in the framework of the way of production; *familia* was not paid any due attention. The reason was that it was difficult for the investigator to overcome hard framework of the formational way. As M.A. Barg noticed, many important elements of society and social-economic structure (a person and his practical activity in the framework of *familia*, different collectives etc) are over the main structures and could not be investigated fully enough (with all the importance of taking the position of classics-antagonists in the society and in the dominating way of production into account).

It totally reflected on the history of study in family-clan organizations of the ancient Rome-*familia*, the investigations of which show themselves fully through the prism of civilization approach. While observing the history of the ancient Rome in this focus, there are two main structures: *civitas* and *familia* in the centre of attention.

Civitas has a meaning of civil community, that was founded on the ancient form of possession, representatives of the highest social groups of

which got the dominating position above ordinary competent citizens in political, economic and social spheres.

Familia appears as the main social, economic and political cell of roman society, founded in a form of *familia*, based on the ancient form of possession, where *pater familias* as a full-right member of citizen community, committing the divine service and exposing the God's will with the help of *auspicia*, performed as the main and the only one representative of all the members of *familia* in the world of alives and the connecting link with the world of dead men, that gave him *potestas* and *manus* and the right to order the possession of *familia* totally. This close and unrequited connection of political, economic, religious, imperious and legal forms of activity of the head of *familia* and provided stable and continuous reproduction of *familia*, the civil community and all the complex of the material and spiritual basis of existence of the ancient Rome.

The essence of the main historical law of development of the ancient Rome as a constant unity of existence of *civitas* and *familia* reveals through the two main laws of ancient society. *Civitas* creates the basic foundations of economic, political and cultural development of civil collective, defines its geographical limits and the ideological framework. Under the control of the roman citizen (*pater familias*) *familia* is an organism, where his everyday functionality passes and, at the same time, *familia* is an instrument of realization, conservation, reproduction and development of the conditions of the existence (in formed framework of *police*) of the world of ancient man itself in all its diversity. Especially, the practical activity of *pater familias* in in the framework of roman *familia* and over its limits creates close and constant unity of political, economic, religious and ideological sides of life of the ancient society, which is one of the important and different descriptions of the ancient Rome.

In the framework of this historical development *familia* (next to *civitas* and with it passes consecutive the stages of forming, development and crisis, the difficulty and contradictions of which are traced clearly through the points of view and the destinies of concrete representation of civil community. The way of foundations of *familia* as social and economic cell of the society of the ancient Rome opened the laws of XII tables, this process ended between IV-III centuries BC, when after the whole row of political, social and cultural modernizations roman *civitas* finally formed. The majority of *familia* economy form as stable and actively functional peasant economy, that accepted the majority of citizens take part in the life of the state actively. However, the status of the citizen and taking part in political life and military

organizations regularly stimulated the activation of the production process and getting the production, the volume of which exceeded the need in self-security. This shows that the politics dominates on the economy, the necessity of participating in which opened the tendency of including the majority of forms of the citizens in the goods-relationship.

However, economic life of *familia* outgrows narrow limits of a peasant household and goes up to a new grade and reaches the heyday, when, the top of the Roman society have formed into *ordines* and have entered into professional participation in political and economic activity. This heyday was personified by representatives of the Roman nobility who had at their disposal numerous houses in the city and estates in the country. In the epoch of the Late republic, all parts of *familia* property scattered all over different areas seemed to the *familia* head as a united body notwithstanding their locations and occupation forms, and yet there was no division into urban and rural households.

In the II century BC, in their views of economic activity, the Roman nobility did not lose touch with peasant approaches to production activity at the *villa*. They oriented themselves to the *mos maiorum* norms, when the agriculture occupation and living in thrift and abstention as the ancestors had done were proclaimed worthy means to get profit by decent citizens. The live icon of this for citizens was Mark Portius Cato the Eldest who, however, in the end of his life, having need in money to maintain his high status, had to occupy other forms of activity giving higher profits.

Searching the money made heads of noble *familias* look for new ways of making profit. The epoch of heyday of an economic life of *familia* in the I century B.C. was characterized by number of new actors. *Familia* heads in their economic activity aim already at giving simultaneously both revenue and pleasure. On this purpose, the nobility organized their households all over the territory of Italy, mastered new highly profitable branches – driven cattle-raising, breeding fowl at the *villa*; widened spheres of their participation in handi-craft production in the city and in the rural estates, entered actively into trade relations with overseas territories, exploring inexhaustible potential of conquered provinces. In the epoch of heyday of an economic life of the noble *familias*, the peculiarity of the ancient economics that is confluence of all branches of agricultural and handi-craft production into united economic complex. Within the *familia* framework, revealed itself most distinctly. The division in the economic sphere occurs not into branches as the modern society, but according to the site of organization that are *familia* and community sectors.

Basing on this, we can distinguish a clearly tracked regularity in the field of the economic development of the ancient Rome – the *familia* following the *civitas* passes consequently two stages of expanding its borders as if the Roman state. At first, heads of noble families acquiring *villas* and pastures, spread *familia* property all over the territory of the conquered Italy and then penetrated into the overseas provinces, filling new political structures of the Roman state with an economic content. Precisely it is after colonizing all regions of the *Appeninus* peninsular by the Romans when Italy overcame the political heterogeneity in the first half of the I century B.C. The close connection of political and economic aspects in these processes acquires a new correlation.

The growth of the *familia* property and the increase in incomes assisted the heyday of the *familia* household. Though the new thing not only led to enrichment but also formed the basis for further contradictions and conflicts which appeared in an economic life of noble *familias* in the last century of the Republic. The appearance of driven cattle-breeding with a *magister pectoris* in the head and delivery of goods produced in the *familia* household to provinces onboard the oven ships under the direction of a *magister navis* resulted in new conflicts. These spheres, on the one side, were able to bring significant revenue, but, on the other side, these communities came out of the real power of *pater familias* because of removed field of their activity, that testified the loss of effective control on subordinate persons, and this is features of the *familia* crisis in the economic sphere.

The most incomes in that time could be got from the suburban estates, that were located near Rome, that riders demonstrated by their activity. However, for the political elites, *villa suburbana* is at first the place for the demonstration of their high social status, where the Roman elites spend their *otium* (the work during the spare time). The territory of the estate was equipped and *villa* was skillfully decorated in the detriment of profitability for getting the enjoyment of the intellectual activity. However, the transformation of the estate in the place of *otium* demanded the investment of huge means, a lack of which was for the elites for the everyday political activity.

The attempt of overcoming these problems became an attraction of relatives and friends to the management of growing economy of *familia* through *amicitia* with a large use of assignment in the form of *mandatum*, supposing getting of the inter-profitable and non-retributational service. It was an addition to the essential tendency of the restriction of the departure from the sphere of marketing relationship, provided the confluence of all the branches in the framework of the economy of *familia* and delivering the

significant part of food and raw materials from the estates without using the market.

However, all these forces, connected with the development of the economy of *familia* and perfecting of its management did not solve the main problem of the roman elites – a constant lack of financial sources, that were necessary for the demonstration of a high financial status and active participating in the political life of the state. The economics of *familia* of the elites was unable to give the necessary means in the order of the head of the *familia* and the riders got the most profit from the exploitation of the suburbs. The economic-political basis of the society of the ancient Rome (*familia*) could not provide the stable political activity of the Roman elites in the last decades. And it influenced directly on the life of the Roman state.

Thus, in polyhedral characteristics of the crisis of the economic activity of *familia* of the Roman elites in the epoch of crisis and the fall of the Later republic, the concrete historical expression of the universal sociological law of the constant development of political and economic process in the society. Only in the ancient Rome the economic crisis lasted specifically and it was not connected with the fall of the level of production and decreasing the volumes of producing the production. It revealed itself in that the economics of *familia* exhausted its potential of the development and entered in the period of the insolvable crisis, which could not be overcome inside and demanded the destruction of traditional principals of the organization of the economic life of *familia* and the exit of the new level of the management and relations, that was very difficult while keeping *patria potestas* by the head of *familia*.

In fact, it was the crisis of the increase of initially closed economic cell. The economically strong *familia* was the deposit of the heyday of all the Roman civil community, and the crisis of its central component made conditional on the inevitability of the crisis of Roman *civitas*, and the crisis of all the republican institutes of the ancient Rome with it. The crisis and the fall of the Roman Republic, the crisis of Roman *civitas* and the crisis of the economic activity of the noble Roman *familia* were closely interconnected with each other. It was the regular phenomenon, which should be survived by the *police* structure as in the Greek world, as in the Roman world.

Библиография

Андро Ж. 1991: Влияние М.И. Ростовцева на развитие западно-европейской и североамериканской науки // ВДИ. 3, 166–176.

Андро Ж. 1994: М.И. Ростовцев и экономическое поведение элит («буржуа» и «рантье») // ВДИ. 3, 223–229.

Барз М.А. 1991: Цивилизационный подход к истории. Дань конъюнктуре или требование науки // Коммунист. 3, 27–35.

Бартошек М. 1989: Римское право: понятия, термины, определения. М.

Бюхер К. 1923: Возникновение народного хозяйства. Пг.

Бурский М.И. 1937: Введение // Катон, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве / Под ред. и с введ. статьей М.И. Бурского. М. □ Л. (перепеч. Рязань, 2009), 5 □ 116.

Вебер М. 2001а: Аграрная история древнего мира / Д.М. Петрушевский (ред.), Ю.Н. Давыдов (вступ. ст.), Н.Д. Саркитов, Г.Э. Кучков (коммент.). М.

Вебер М. 2001б: История хозяйства. Город / И.М. Гревс (ред.), Н.Д. Саркитов, Г.Э. Кучков (коммент.). М.

Гайденко П.П. 1990: Социология Макса Вебера // *Вебер М.* Избранные произведения / Ю.Н. Давыдов (сост., общ. ред. и послесл.), П.П. Гайденко (предисл.). М., 5–43.

Гарсиа Гарридо М.Х. 2005: Римское частное право: Казусы, иск, институты. М.

Гаспаров М.Л. 1986: Поэзия Катулла // *Гай Валерий Катулл Веронский.* Книга стихотворений / Пер. С.В.Шервинского. М., 155–207.

Гревс И.М. 1896: Очерки из истории римского землевладения во время Империи. – Очерк второй. Т. Помпоний Атик (друг Цицерона), как представитель особого типа земельных магнатов в переходную эпоху от республики к империи // ЖМНП. № 2, 297–340.

Гревс И.М. 1897: Очерки из истории римского землевладения: «Большое сельское поместье» в древней Италии и крупное землевладение в римском мире к концу I-го века империи // ЖМНП. Сентябрь. Отд. 2, 1–55. Октябрь. Отд. 2, 277–324.

Гревс И.М. 1899: Очерки истории римского землевладения (преимущественно во время Империи). Т. I. СПб., 1899.

Гревс И.М. 1905: Очерки по истории римского землевладения: Крупное домовое хозяйство в эпоху наибольшего экономического

расцвета римского мира: (Данные Петрония по аграрной истории I-го века империи) // ЖМНП. Сентябрь, 42–93.

Дождев Д.В. 1993: Римское архаическое наследственное право. М.

Дождев Д.В. 2008: Римское частное право. 3-е изд. М.

Дубровский И.В. 2010: Очерки социальной истории средних веков. М.

Дурново М.В. 2004а: Раб-управляющий в римском сельском имении эпохи принципата (хозяйственная деятельность и правовой статус) // ВДИ. 2, 101–124.

Дурново М.В. 2004b: Раб в древнем Риме: управляющий и предприниматель (на материале частновладельческого рабства II в. до н.э. – II в.н.э.). Дис...канд. ист. наук. М.

Дурново М.В. 2005: Scientia и voluntas domini как юридический механизм изменения социальных ролей // Древний Восток и античный мир. Вып. 7. М., 162–173.

Елизарова Н.М. 1983: Сферы применения рабского труда (по данным произведений Цицерона) // Античный мир и археология. Вып. 5. Саратов, 88–102.

Заборовский Я.Ю. 1978: Закон Лициния–Секстия de modo agrorum // ВДИ. № 4, 10–19.

История и поэзия... 2006: История и поэзия. Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / Г.М. Бонгард-Левин, Н.В. Котрелев, Е.В. Лапустина (изд. текстов, исследование и комментарии). М.

Катон 1950: *Марк Порций Катон*. Земледелие / Пер. и комм. М.Е. Сергеев. М.–Л.

Квашнин В.А. 2006: Законы о роскоши в древнем Риме эпохи Пунических войн. Вологда.

Квашнин В.А. 2009а: Генезис сумптуарного законодательства в древнем Риме. Вологда.

Квашнин В.А. 2009b: Два взгляда на lex Claudia de nave senatorum // ВДИ. 1, 236–243.

Квашнин В.А. 2011: Lex Claudia 218 г. до н.э. и его интерпретации в историографии // ВДИ. 2, 43–63.

Кнабе Г.С. 1985: Историческое пространство и историческое время в культуре древнего Рима // Культура древнего Рима. Т. II. М., 108–166.

Кнабе Г.С. 1986: Древний Рим □ история и повседневность. М.

Кнабе Г.С. 1987: К специфике межличностных отношений в античности (*Обзор новой зарубежной литературы*) // ВДИ. 4, 164–181.

Кнабе Г.С. 1988: История. Быт. Античность // *Быт и история в античности* / Отв. ред. Г.С. Кнабе. М., 6–17.

Ковалев С.И. История Рима. М., 1948.

Колосовская Ю.К. 1972: Роль италийских отпущенников в романизации Паннонии // ВДИ. 1, 57–71.

Колосовская Ю.К. 1977: Рабство в дунайских провинциях // *Штаерман Е.М., Смирин В.М., Белова Н.Н., Колосовская Ю.К.* Рабство в западных провинциях Римской империи в I–III вв. М., 120–207.

Колосовская Ю.К. 2000: Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н. э. М.

Кофанов Л.Л. 1994: Обязательственное право в архаическом Риме (VI–IV вв. до н.э.). М.

Кофанов Л.Л. (сост.) 1996: Законы XII таблиц / Л.Л. Кофанов (сост. и пер.); В.И. Уколова (отв. ред.). М.

Кофанов Л.Л. 2004: Теодор Моммзен и его вклад в науку римского права // ВДИ. 4, 191–198.

Кофанов Л.Л. 2006: Lex и Ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М.

Кузищин В.И. 1966: О датировке катонского «Земледелия» // ВДИ. 2, 54–67.

Кузищин В.И. 1973: Римское рабовладельческое поместье II в. до н.э. – I в. н.э. М.

Кузищин В.И. 1976: Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н.э. – I в. н.э.). М.

Кузищин В.И., Штаерман Е.М. 1989: Экономика и политика в античном обществе // ВИ. № 8, 39–53.

Кузищин В.И. 1990: Античное классическое рабство как экономическая система. М.

Ляпустин Б.С. 1983: Структура связей ремесленных мастерских с рынком и сельскохозяйственной округой в Помпеях I в. н.э. // ВДИ. № 2. С. 59–80.

Ляпустин Б.С. Женщины в ткацком ремесле: производство и мораль. ВДИ. 1985. 3. С. 36–46

Ляпустин Б.С. 1988: Женщины в ремесленных мастерских Помпей в I в. н.э. // *Быт и история в античности* / Г.С. Кнабе (отв. ред). М., 69–87.

Ляпустин Б.С. 1991: Экономическое развитие древнего Рима в свете закона Оппия о роскоши // Из истории античного общества. Н.Новгород, 50–62.

Ляпустин Б.С. 1992: Место и роль семейного ремесла в структуре древнеримской экономики // ВДИ. 3, 52–67.

Ляпустин Б.С. Ремесленники на празднике Минервы // Среда, личность, общество. М., 1992. С. 31–36

Ляпустин Б.С. 1995: Рец.: *W. Jongman. The Economy and Society of Pompei*. Amsterdam, 1989 // ВДИ. 1, 219–221

Ляпустин Б.С. 1997: Фамилия и римская *civitas* в III в. до н.э.: пути развития // Власть, человек, общество в античном мире. М., 234–243.

Ляпустин Б.С. 2007: *Magister* в хозяйственной структуре римской *familia* II в. до н.э. – II в. н.э. (К вопросу о функциях и полномочиях рабского *magister*) // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. № 3, 85–105.

Ляпустин Б.С. Организация хозяйственной жизни знатной фамилии в Помпеях // Античный мир и археология. Вып. 13. Саратов, 2008. С. 253–265

Ляпустин Б.С. 2009: Римская фамилия и новый подход к истории экономики древнего Рима // Вестник МГИМО – университета. № 5 (8), 133–139.

Ляпустин Б.С. 2010: Особенности преподавания истории культуры при цивилизационном подходе // Ученые записки Института истории культур. Вып. 1. М., 61–70.

Ляпустин Б.С. 2011а: Экономические воззрения и повседневная хозяйственная деятельность Катона Старшего // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». 14(76)/11, 172–188.

Ляпустин Б.С. 2011 б: *Familia, familia urbana, familia rustica* в контексте экономики Поздней Республики // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». 14(76)/11, 104–120.

Машкин Н.А. История древнего Рима. М., 1948;

Маяк И.Л. 1983: Рим первых царей. Генезис римского полиса. М.

Маяк И.Л. 1993: Римляне ранней Республики. М.

Межерицкий Я.Ю. 1988: *Iners otium* // Быт и история в античности / Отв. ред. Г.С. Кнабе. М., 41–68.

Мейер Эд. 2003: Труды по теории и методологии исторической науки / Ю.И. Семенов (вступит. ст.). М.

- Моммзен Т. 1994: История Рима. Т. I. До битвы при Пидне. СПб.
- Нуреев Р.М. 2007: «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / Р.М. Нуреев (ред.) (Серия «Конференции Департамента экономической теории ГУ-ВШЭ»). М.
- Ростовцев М.И. 1901: Капитализм и народное хозяйство в древнем мире // Русская мысль. 3, 195–217.
- Сайко Э.В., Янковская Н.Б. 1988: Ремесленный тип организации труда на Ближнем Востоке в IV–II тыс. до н.э. // ВДИ. 3, 3–18.
- Сергеенко М.Е. 1949: Помпеи. М.–Л. (переизд. СПб., 2004).
- Сергеенко М.Е. 1950: Комментарии // Марк Порций Катон. Земледелие / Пер. и комм. М.Е. Сергеенко. М.–Л.
- Сергеенко М.Е. 1955: Сельское хозяйство итальянских suburbana // ВДИ. 1, 31–38.
- Сергеенко М.Е. 1958: Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.–Л.
- Сергеенко М.Е. 1963: Варрон и его «Сельское хозяйство» // Варрон. Сельское хозяйство / Перевод с латинского, комментарий и вступительная статья М.Е. Сергеенко. М.–Л., 3–22, 129–217.
- Сергеенко М.Е. 1964а: Жизнь древнего Рима. Очерки быта. М.–Л. (переизд. СПб, 2002).
- Сергеенко М.Е. 1964б: Простые люди древней Италии. М.–Л.
- Сергеенко М.Е. 1968: Ремесленники древнего Рима. Очерки. Л.
- Сергеенко М.Е. 1970: Ученые земледельцы древней Италии. Л.
- Сергеенко М.Е. 1976: Из заметок о Катоне // ВДИ. 3, 154–159.
- Смирин В.М. 1980: Историк, источник, принцип историзма. (По поводу книги К. Гопкинса «Завоеватели и рабы») // ВДИ. 4, 74–98.
- Смирин В.М. 1985: Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян // Культура Древнего Рима / Под ред. Е.С. Голубцовой. Т. II, 5–78.
- Сморчков А.М. 2011: Храмовое строительство в эпоху Ранней республики (V–IV вв. до н.э.): история и социально-политическое содержание // ВДИ. №1, 28–44.
- Трухина Н.Н. 1986: Политика и политики «золотого века» Римской республики. М.
- Утченко С.Л. 1947: Закон Лициния Секстия «de modo agrorum» и его значение для аграрных отношений раннего Рима // Изв. АН СССР (ист.-фил.). № 2, 153–162.
- Утченко С.Л. 1965: Кризис и падение Римской республики. М.

Утченко С.Л. 1973: Еще раз о римской системе ценностей // ВДИ, 4, 30□47

Утченко С.Л. 1977: Политические учения древнего Рима. М.

Франчози Дж. 2004: Институционный курс римского права / Пер. с итал.; Л.Л. Кофанов (отв. ред.). М.

Фюстель де Куланж Н.Д. 1906: Гражданская община древнего мира / Пер. с франц. под ред. Д.Н. Кудрявского. СПб.

Штаерман Е.М. 1964: Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М.

Штаерман Е.М. 1968: Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии // Проблемы истории докапиталистических обществ. Книга I / Л.В. Данилова (отв. ред.). М., 638–671.

Штаерман Е.М. 1973: Эволюция античной формы собственности и античного города // Византийский временник. 34, 3–14.

Штаерман Е.М. 1974: Римская собственность на землю // ВДИ. № 3, 34–67.

Штаерман Е.М. 1977: Рец.: *M.I. Finley. The Ancient Economy.* Berkeley and Los Angeles, 1973 // ВДИ. 2, 165–175.

Штаерман Е.М. 1978: Древний Рим: проблемы экономического развития. М.

Штаерман Е.М. 1987: Экономическая история Рима (Проблемы и методы) // Экономическая история. Проблемы и исследования / Ю.Н. Розалиев (ред.) М., 32–48.

Штаерман Е.М. 1989: К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. № 2, 76□93.

Штаерман Е.М. 1996: История крестьянства в древнем Риме. М.

Штаерман Е.М., Трофимова М.К. 1971: Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М.

Чаянов А.В. 1989: Организация крестьянского хозяйства // Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 194–442.

Alföldy G. 1977: Ein Ziegelstempel mit dem Namen eines Senators aus Villajoyosa in der Hispania Ceterior // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2, 217–221.

Alföldy G. Die Römische Gesellschaft. Stuttgart, 1986

André J. 1966: L'otium dans la vie morale et intellectuelle romaine. Paris

Andreau J. Les Affaires de Monsieur Jucundus. Rome. 1974;

Andreau J. 1987: La vie financière dans le monde romain. Les métiers de manieurs d'argent (IV^e siècle av. J.-C.–III^e siècle ap. J.-C.). Roma□Paris.

Andreau J. 1990: Activité financière et liens de parenté en Italie romaine // Parenté et stratégies familiales dans l'antiquité romaine. Actes de la table ronde des 2□4 octobre 1986 (Paris, Maison de sciences de l'homme) / J. Andreau, H. Bruhns (éd.). Rome, 501□526.

Andreau J. 1997: Rôle de l'économie dans le passage de la République à l'Empire // Die späte römische Republik. La fin de la république Romain. Un débat franco-allemand d'histoire et d'historiographie / H. Bruhns, J.-M. David, W. Nippel (eds.). (Collection de l'École française de Rome. 235). Rome, 169–193.

Andreau J. 2001: Banque et affaires dans le monde romain (IV^e siècle av. J.-C. – III^e siècle ap. J.-C.). Paris.

Andreau J. 2004a: Sur les choix économiques des notables romains // Mentalités et choix économiques... , 71–85.

Andreau J. 2004b: Les esclaves «hommes d'affaires» et la gestion des ateliers et commerces // Mentalités et choix économiques des Romains. P. 111–126

Andreau J., Berelowitch W. (ed.) 2008: Michel Ivanovitch Rostovtzeff. Bari.

Andreau J., Etienne R. Vingt ans de recherches sur l'archaïsme et la modernité des sociétés antiques // REA. 1984. 86. P. 55□83.

Astin A.E. 1989: Roman government and politics, 200–134 B.C. // The Cambridge Ancient History. 2 ed. Vol. VIII. Rome and the Mediterranean to 133 B.C. / A.E. Austin, F.W. Walbank, M.V. Frederiksen, and R.M. Ogilvie (eds.). Cambr., 163–196.

Aubert J.-J. 1994: Business Managers in Ancient Rome. A Social and Economic Study of Institores, 200 B.C. – A.D. 250 (Columbia Studies in the Classical Tradition. Vol. XXI). Leiden–New York–Köln

Aubert J.-J. 1999: Les *institores* et le commerce maritime dans l'Empire Romain // Topoi. 9, 145–164.

Aubert J.-J. 2004: The Republican Economy and Roman Law: Regulation, Promotion, or Reflection? // The Cambridge Companion to the Roman Republic. Cambr., 160–178.

Bianco A. 1976: Riflessi della crisi agricola italica nel «de re rustica» di Varrone // Atti del Congresso Internazionale di Studi Varroniani. Vol. 2. Rieti, 299–316.

Brown F.E. 1980: Cosa. The Making of a Roman Town. Ann Arbor.

Bruhns H. 1998: À propos de l'histoire ancienne et de l'économie politique chez Max Weber // *Weber M.* Économie et société dans l'Antiquité : précédé de Les causes sociales du déclin de la civilisation ancienne / H. Bruhns (introd.). Paris, 9–59.

Capogrossi Colognesi L. 1997: Le radici della modernità. Max Weber 1891–1909. Seconda edizione. Roma

Capogrossi Colognesi L. 2000: Cittadini e territorio. Consolidamento e trasformazione della 'civitas Romana'. Roma.

Capogrossi Colognesi L. 2007: Diritto e potere nella storia di Roma. Napoli.

Carandini A. 1988: Schiavi in Italia. Gli strumenti pensanti dei Romani fra tarda Repubblica e medio Impero. Roma.

Carandini A., Settis S. 1979: Schiavi e padroni nell'Etruria romana: la villa di Settefinestre dallo scavo alla mostra. Bari.

Cassola F. 1962: I gruppi politici romani nel III secolo a. C. Trieste.

Cassola F., Labruna L. 1991: Linee di una storia delle istituzioni repubblicane. Napoli.

Castagnoli F. 1978: Roma antica. Profilo urbanistico. Roma.

Champlin E. 1982: The *suburbium* of Rome // *American Journal of Ancient History.* 7. 2, 97–117.

Chiusi T. 1993: Contributo allo studio dell'editto *de tributaria actione*. Roma.

Cichorius R. 1922: *Römische Studien*. Lpz.; B.

Coarelli F. 1985: Il Foro Romano. Vol. II. Roma.

Coarelli F. 1996: Fregellae, Arpinum, Aquinum: lana e fullonicae nel Lazio meridionale // *Les Elites municipales de l'Italie péninsulaire des Gracques à Néron*. Naples–Rome, 199–205.

Culham Ph. 2004: Women in the Roman Republic // *The Cambridge Companion to the Roman Republic* / Harriet I. Flower (ed.). Cambr.–N.Y. e. a., 139–159.

D'Arms J.H. 1981: Commerce and Social Standing in Ancient Rome. Cambr. (Mass.)–L.

De Martino F. 1979: Storia economica di Roma antica. Vol. I. Firenze.

Di Porto A. 1984: Impresa agricola ed attività collegate nell'economia della «villa»: alcune tendenze organizzative // *Sodalitas*. Scritti in onore di A. Guarino. Vol. VII. Napoli, 3235–3277.

Desy Ph. 1993: Recherches sur l'économie apulienne au II et au I siècle avant notre ère. Bruxelles.

Diosdi G. 1964: *Familia pecuniaque* // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungariae*. Vol. 2, 87–105.

Diosdi G. 1970: *Ownership in Ancient and Preclassical Roman Law*. Budapest.

Dohr H. 1965: *Die italischen Gutshöfe nach den Schriften Catos und Varros*. Köln.

Domaszewski A. 1902: *Die Beneficiariereposten und die römische Strassennetze* // *Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte und Kunst*. Bd. 21, 158–211.

Eschebach H. 1984: *Pompeji*. Lpz.

Finley M.I. 1973: *Ancient Economy*. Berkeley–Los Angeles.

Földi A. 1995: *Die Entwicklung der sich auf die Schiffer beziehenden Terminologie im römischen Recht* // *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis* (TR). 63, 1–9.

Földi A. 1998: *La responsabilità dell'avente potestà per atti compiuti dall'exercitor suo sottoposto* // *SDHI*. 64, 179–202.

Forsythe G. 2005: *A Critical History of Early Rome: From Prehistory to the First Punic War*. Berkeley–Los Angeles–London.

Franciosi G. 1995: *Famiglia e persone in Roma antica dall'età arcaica al principato*. Torino.

Frank T. 1927: *An Economic History of Rome*. 2 ed. Baltimore.

Frank T. 1940: *An Economic Survey of Ancient Rome*. Vol. V. Baltimore.

Gardner J.F., Wiedemann Th. (eds.) 1991: *The Roman Household. A Sourcebook*. L.

Gassner V. 1986: *Die Kaufläden in Pompeji*. Wien.

Gély S. 1991: *Le nom de l'Italie: mythe et histoire, d'Héllanicos à Virgile*. Genève.

Giardina A. 1998: *L'Italia Romana. Storie di un'identità incompiuta*. Roma.

Greene K. 1986: *The Archaeology of the Roman Economy*. London.

Griffin M. 1994: Ch. 18. *The Intellectual Developments of the Ciceronian Age* // *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. IX. *The Last Age of the Roman Republic, 146–43 B.C.* / J.A. Crook, A. Lintott, E. Rawson (eds.). Cambr., 689–728.

Groag E. 1897: *Caesernii* // *RE*. Hlbd. 5. Stuttgart, Sp. 1310.

Gros P. 1981: *Bolsena. Guide des fouilles*. Roma.

Gros P. 1990: L'organizzazione dello spazio pubblico e privato // Storia di Roma / A. Schiavone (a cura di). Vol. II. 1. L'impero mediterraneo. La repubblica imperiale. Torino, 133–142.

Guarino A. 1965: Magister e gubernator navis // *Labeo*. 11, 36–42.

Guarino A. 1990: Storia di diritto romano. 8^a ed. Napoli.

Gummerus H. 1906: Der römische Gutsbetrieb als wirtschaftlicher Organismus nach den Werken des Cato, Varro und Columella. Lpz.

Helen T. 1975: Organization of Roman Brick Production in the First and Second Centuries A.D. An Interpretation of Roman Brick Stamps. Helsinki.

Hellmann F. 1940: Zur Cato- und Valerius-Rede // *Neue Jahrbücher für Antike und deutsche Bildung*. 3, 81–86.

Hölkeskamp K.-J. 2004: Under Roman Roofs: Family, House, and Household // *The Cambridge Companion to the Roman Republic* / Harriet I. Flower (ed.). Cambr.–N.Y. e. a., 113–138.

Hopkins K. 1978: Conquerors and Slaves (Sociological studies in Roman history. Vol. 1). Cambridge.

Hopkins K. 1980: Taxes and Trade in the Roman Empire (200 B.C. – A.D. 400) // *JRS*. 70, 101–125.

Humbert M. 1989: Institutions politiques et sociales de l'antiquité. 3^e éd. Paris.

Hunt A. 1996: Governance of the Consuming Passions. A History of Sumptuary Law. London.

Jongman W. 1988: The Economy and Society of Pompeii. Amsterdam.

Kolendo J. 1994: Praedia suburbana e loro redditività // J. Carlsen, P. Ørsted, J.E. Skydsgaard (eds.). *Landuse in the Roman Empire*. Roma, 59–71.

Krzyńówek J. 2000: Odpowiedzialność przedsiębiorcy (exercitor) w prawie rzymskim. Warszawa.

Kübler B. 1931: Sumptus (s.v.) // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Bd. IV. 1. A. Stuttgart, 901–908.

Leonhard R. 1909: Familia (s.v.) // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. Bd. VI, 1980–1984.

Lyapoustine B. 1992: Rites de passage dans le monde artisanal à Pompéi (I^{er} siècle ap. J.-C.) // *L'Initiation. Actes du Colloque international*

- de Montpellier, 11-14 avril 1991 / Études rassemblées par A. Moreau. T. II. Montpellier, 19926.
- Magister 1979 (s.v.): Der kleine Pauly. München. 3, 874-876.
- Maiuri A. 1941: Pompei. Saggi nell'area del Foro // NS. 371-373.
- Manacorda D. 1981: Produzione agricola, produzione ceramica e proprietari nell'ager Cosanus nel I secolo a.C. // Società romana e produzione schiavistica. Vol.II. Merci, mercati e scambi nel Mediterraneo / A. Giardina, A. Schiavone (ed). Roma-Bari, 3-54.
- Marcone A. 1994: Introduzione // Rostovtzeff M. Per la storia del colonato romano / A. Marcone (ed.). Brescia, 7-23.
- Marcone A. 1995: Introduzione // Rostovtzeff M.I. Scripta varia. Ellenismo e impero romano / A. Marcone (ed). Bari, VII-XXXIII.
- Marcone A. 1997: Storia dell'agricoltura romana. Dal mondo arcaico all'età imperiale. Roma.
- Maróti E. 1985: Die Probleme des *fundus suburbanus* bei Cato // Thracia. 7, 40-50.
- Martin D.B. 1996: The Construction of the Ancient Family: Methodological Considerations // JRS. 86, 40-59.
- Martin R. 1971: Recherches sur les agronomes latins et leurs conceptions économiques et sociales. Paris.
- Mazza M. 1995: Introduzione. Rostovtzeff e la storia economica e sociale del mondo ellenistico-romano // Rostovtzeff M.I. Per la storia economica e sociale del mondo ellenistico-romano. Saggi scelti / T. Gnoli, J. Thornton (ed.). Catania, VII-LXXV.
- Mentalités et choix économiques... 2004 : Mentalités et choix économiques des Romains / Jean Andreau, Jérôme France et Sylvie Pittia (dir.). (Ausonius. Scripta antiqua 7). Bordeaux.
- Moeller W.O. 1976: The Wool Trade of Ancient Pompeii. Leiden.
- Momigliano A. 1978: Dopo Max Weber? // Annali della Scuola Normale di Pisa. III. 4, 1315-1332 = Sesto contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico. I. Roma, 1980, 295-312.
- Momigliano A. 1975: The Greeks and Us // The New York Review of Books. October 16 = The Use of the Greeks // Sesto contributo alla storia degli studi classici e del mondo antico. I. Roma, 313-322.
- Morel J.-P. 1978 : La laine de Tarent // Ktema. 3, 93-110.
- Morel J.-P. 1987: La topographie de l'artisanat et du commerce dans la Roma antique // L'Urbs. Espace urbain et histoire. I-er siècle avant J.-C. - III-e siècle après J.-C. Roma, 127-155.

Morley N.D.G. 1996: *Metropolis and Hinterland. The City of Rome and the Italian Economy. 200 B.C.–A.D. 200.* Cambr.

Morris I. 1999: Foreword // *Finley M.I.* *The Ancient Economy.* Berkeley–Los Angeles, IX–XXXVI.

Moschetti C.M. 1964: *Il gubernator navis* // *Studia et documenta historiae et iuris* (SDHI). 30, 50–113.

Münzer F. 1923: *Sestius* (s.v.) // *RE. II. R. Hlbd. 4.* Stuttgart, 1884–1891.

Nicolet C. 1974a: *L'ordre équestre à l'époque républicaine* (312–43 av. J.-C.). T. 1. Définitions juridiques et structures sociales. Paris.

Nicolet C. 1974b: *L'ordre équestre à l'époque républicaine* (312–43 av. J.-C.). T. 2. Prosopographie des chevaliers Romains. Paris.

Nicolet C. *Le métier de citoyen dans la Rome républicaine.* P., 1976

Nicolet C. 1988a: *Rendre à César. Économie et société dans la Rome antique.* P.

Nicolet C. 1988b: *L'inventaire du monde. Géographie et politique aux origines de l'Empire romain.* P.

Noé Er. 1977: *I proemi del «de re rustica» di Varrone* // *Athenaeum.* 55, 289–302.

Oakley S. 1993: *The Roman Conquest of Italy* // *War and Society in the Roman World* / J. Rich, G. Shipley (eds.). L.–N.Y., 9–37.

Olck 1895: *Arbustum* // *RE. Hlbd 3,* 421–425.

OLD: *Oxford Latin Dictionary.* Oxf, 1968.

Ortalli J. 2012: *I Campi Macri. Un mercato panitalico sulla via della lana* // *La lana nella Cisalpina Romana. Economia e società. Studi in onore di S. Pesavento Mattioli. Atti del convegno* (Padova–Verona, 18–20 maggio 2011) / A cura di M.S. Busana e P. Basso. Padova, 195–211.

Pancieri S. 1957: *Vita economica di Aquileia in età Romana.* Aquileia.

Peppe L. 1984: *Posizione giuridica e ruolo sociale della donna romana in età repubblicana.* Milano.

Pflaum H.-G. 1960: *Les carrières procuratoriennes équestres sous le Haut-Empire romain.* Vol. I. Paris.

Piccottini G. 1977: *Die Stadt auf dem Magdalensberg – ein spätkeltisches und früh Römisches Zentrum im südlichen Noricum* // *ANRW. II.* 6, 263–301.

Piganiol A. 1967: *La conquête romaine.* Paris.

Pittia S. 2004: L'influence des liens de parenté sur la prise de décision économique: le cas des *Tullii Cicerones* // Mentalités et choix économiques..., 21□44.

Pucci G. 1993: I bolli sulla 'terra sigillata': fra epigrafia e storia economica // The Inscribed Economy / W.V. Harris (ed.). Ann Arbor, 73□79.

Pugliese G. 1985: In tema di *actio exercitoria* // *Idem*. Scritti giuridici scelti. Vol. 2. Napoli, 505–542.

Rawson B. 1986: The Roman Family // The Family in Ancient Rome. New Perspectives / B. Rawson (ed.). London–Sydney, 1–57.

Richard J.-Cl. 1978: Les origines de la plèbe romaine. Essai sur la formation du dualisme particio-plébéen. Rome.

Rosenstein N. 2008: Aristocrats and Agriculture in the Middle and Late Republic // JRS. 98, 1–26.

Rostovtzeff M. 1929: Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. Bd. I–II. Leipzig.

Rostovtzeff M.I. 1932: Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit (Rec.: Hasebroeck J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte. Tübingen, 1931) // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaften. 92, 333–339 = Scripta varia. Ellenismo e impero romano / A. Marcone (ed). Bari, 1995, 459–464.

Rostovtzeff M.I. 1995: Scripta varia. Ellenismo e impero romano / A. Marcone (ed). Bari.

Saller R.P. 1984: *Familia, domus*, and the Roman Conception of the Family // Phoenix. 38, 336–355.

Sauerwein I. 1970: Die *leges sumptuariae* als römische Maßnahme gegen den Sittenverfall. Hamburg.

Savio E. 1940: Intorno alle leggi suntuarie Romane // Aevum. Rassegna di Scienze Storiche, Linguistiche e Filologiche. XIV. 1, 174–194.

Schuller W. 1987: Frauen in der römischen Geschichte. Konstanz.

Serrao F. 1984: Diritto privato, economia e società nella storia di Roma. 1. Napoli.

Setälä P. 1977 : Private Domini in Roman Brick Stamps of the Empire. A Historical and Prosopographical Study of Landowners in the District of Rome. Helsinki.

Shatzman I. 1975: Senatorial Wealth and Roman Politics. Bruxelles.

Sirago V. 1958: L'Italia agraria sotto Traiano. Louvain.

Steinby M. 1982: I senatori e l'industria laterizia urbana // Epigrafia e ordine senatorio. I (Tituli. 4). Roma, 227–237.

Steinwenter A. 1928: Mancipium // RE. Hlbd. 27, 1010–1014.

Stroup S.C. 2010: Catullus, Cicero, and a Society of Patrons. The Generation of the Text. Cambr.

Tchernia A. 1986: Le vin de l'Italie romaine. Essai d'histoire économique d'après les amphores. Rome (B.E.F.A.R. 261)

Thielscher 1963: Des Marcus Cato Belehrung über die Landwirtschaft. B.

Thompson J. 1988: Pastoralism and Transhumance in Roman Italy // Pastoral Economies in Classical Antiquity / Ed. by C.R. Whittaker. Cambr., 213–215.

Torelli M. 1990: La formazione della villa // Storia di Roma / A. Schiavone (a cura di). Vol. II. 1. L'impero mediterraneo. La repubblica imperiale. Torino, 123–132.

Treggiari S. 1975: Jobs in the Household of Livia // Papers of British School at Rome. 43, 48–77.

Treggiari S. 1991: Roman Marriage. *Iusti Coniuges* from the Time of Cicero to the Time of Ulpian. Oxf.

Verboven K. 2002: The Economy of Friends. Economic Aspects of *Amicitia* and Patronage in the Late Republic. (Coll. Latomus). Bruxelles.

Vetters H. 1977: Virunum // ANRW. Bd. II. 6. S. 302–354.

Wacke A. 1994: Die adjektivischen Klagen im Überblick: Von der Reeder- und Betriebsleiterklage zur direkten Stellvertretung // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung (ZSS). Bd. 111, 298–303.

Wallace-Hadrill A. 1991a: Elites and Trade in the Roman Town // City and Country in the Ancient World / J. Rich and A. Wallace-Hadrill (eds.). L. N.Y.

Wallace-Hadrill A. 1991b: Houses and Households: Sampling Pompeii and Herculaneum // Marriage, Divorce, and Children in Ancient Rome / B. Rawson (ed.). Canberra–Oxford, 121–227.

Welin E. 1953: Studien zur Topographie des Forum Romanum. (Acta Instituti Romani Regni Sueciae. VI). Lund.

Westerman W. 1955: The Slave Systems of Greco-Roman Antiquity. Philadelphia.

White K.D. 1970: Roman Farming. L.

Whittaker R.C. 1988: Trade and the Aristocracy in the Roman Empire // Opus. 4, 49–75.

Whittaker R.C. 1993: *Land, City and Trade in the Roman Empire*. Aldershot.

Wilkes J.J. 1996: *The Danubian and Balkan provinces* // *CAH*². Vol. 10. P. 545–585.

Wiseman T.P. 1971: *New Men in the Roman Senate 139 B.C.–A.D. 14*. London.

Список сокращений

ВДИ – Вестник древней истории. М.

ВИ – Вопросы истории. М.

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.

ANRW – *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. Berlin–New York, 1972 –

*CAH*² – *The Cambridge Ancient History*. 2nd edition. Cambridge, 1970–2005

CIL – *Corpus inscriptionum Latinarum*

ILS – *Inscriptiones Latinae selectae* / Ed. H. Dessau.

JRS – *Journal of Roman Studies*

NS – *Notizie degli scavi di Antichità*

RE – *Pauly A., Wissowa G., Kroll W.* *Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*. Stuttgart, 1894–1978

REA – *Revue des études anciennes*

SDHI – *Studia et Documenta Historiae et Iuris*. Roma, 1935 –

ECONOMIC LIFE OF FAMILIA IN THE ANCIENT ROME IN THE EPOCH OF THE LATE REPUBLIC

Contents

Introduction

§1.	The problem of source basis	P. 6
§2.	The problem of modern historiography of the economics of the ancient Rome: searches and solutions	P.11
§3.	New approaches to the study of the ancient Rome economy	P.28
	<i>Chapter 1. The evolution of the economy life of familia in the ancient Rome in III – II centuries BC</i>	
§1.	Forming of the ancient Rome <i>familia</i> as an economic organism	P.37
§2.	The essence of <i>familia</i> in the ancient Rome	P.44
§3.	<i>Familia</i> and peasant economy	P.56
§4.	<i>Familia, familia urbana, familia rustica</i> in the context of the economy in the epoch of the Late republic	P.72
§5.	<i>Catonis</i> the Eldest's economic point of view and economic activity	P.76
§6.	Place, that the suburban estate takes in <i>familia</i> economy (in <i>Catonis</i> treaty)	P.86
	<i>Chapter 2. Peculiarities of economic activity of familia in the last century of the Republic</i>	
§1.	New aspects of economic life of <i>familia</i> in I century BC (in <i>Varronis</i> treaty "Agriculture")	P.103
§2.	<i>Magister pecoris</i> and new characteristics of the economic life of <i>familia</i>	P.113
§3.	Innovation in the life of suburban estate in <i>Varronis</i> period	P.126
§4.	Beginning of handicraft production in the structure of <i>familia</i> and peculiarities of its functionality	P.141
§5.	Craft in rural ownership of <i>familia</i>	P.151
§6.	Overseas estates and <i>familia</i> : the role of <i>magister navis</i> in the structure of Roman <i>familia</i>	P.166
§7.	Innovation in <i>Ciceronis</i> economic practice	P.179
	<i>Conclusion</i>	P.191
	<i>Bibliography</i>	P.202
	<i>The list of abbreviations</i>	P.216

Научное издание

Б. С. Ляпустин

**ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ФАМИЛИИ
В ДРЕВНЕМ РИМЕ
В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ**

Монография

В редакции автора

Подписано в печать 26.05.2014. Формат 60*84 1/16
Печ.л. 13,75. Тираж 500 экз. Заказ № 88

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Московского гуманитарного университета
111395, Москва, ул. Юности, д.5